

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

УДК 808.2+809.155.0

ББК 81.0 Рус + 81.2 Тадж

Х– 12

Хабибов Самад Шукурович

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ТРУД/МЕХНАТ» В РУССКОМ
И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата филологических наук по
специальности 10.02.20 – Сравнительно–историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Нагзибекова М.

Душанбе – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	5
ГЛАВА I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ: СПЕЦИФИКА И ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	12
1.1 Концептуальные основы языковой картины мира в современном языкознании: обзор исследований.....	12
1.2 Концепт как основная тема исследований когнитивной русской и таджикской лингвистики.....	16
1.2.1. Влияние когнитивных процессов на язык: концептуализация, категоризация и концептосфера.....	29
1.3 Окружающий мир как объект современной лингвистики, языковая картина мира.....	36
1.3.1. Ценностная картина мира и её отражение в языке.....	51
1.4. Соотнесение понятий «концепт» и «семантическое поле».....	56
1.4.1. Вопрос о соотнесённости фразеологизмов и паремий с семантическим полем.....	63
1.4.2. Пословицы и поговорки как репрезентанты концептуальной и языковой картины мира.....	73
Выводы по первой главе.....	83
ГЛАВА II. ЛЕКСИКО–СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «труд/мехнат» В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ.....	84
2.1. Анализ семантемы слов, обозначающих труд (по данным этимологических и толковых словарей русского языка)	90
2.2. Анализ семантемы слов, обозначающих мехнат/ труд (по данным словарей таджикского языка)	107
2.3. Семантика и функции труда в пословично–поговорочном фонде русского языка.....	126
2.4. Репрезентация концепта «труд/мехнат» в паремиологическом фонде таджикского языка.....	133
2.4.1. Репрезентация «труд/мехнат», «кор/работа» в книге Садриддина Айни «Ёддоштҳо» (Воспоминания).....	145
2.4.2. Репрезентация «труд» и «работа» в произведениях М. Шолохова	154
Выводы по второй главе.....	162
Заключение	165
Рекомендации по практическому применению результатов исследования.....	168
Список использованной литературы.....	169
Публикации по теме диссертации.....	187
Приложения.....	189

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Актуальность данной работы обусловлена тем, что по совокупности концептов, представленных в паремиях, можно судить о картине мира, отражаемой в языке и в сознании носителей языка. Изучение ценностных концептов духовной культуры через призму языковых данных активно проводится в современной лингвистике.

Актуальность исследования обусловлена не изученностью национально-специфических особенностей концепта «труд /мехнат» в русской и таджикской языковой картине мира. Данное исследование может внести вклад в область лексикологии, семантики и переводоведения, предложив новые подходы к анализу языковых единиц, связанных с трудом, что не только обогатит теоретические разработки, но и расширит существующую практику корпусных исследований и сравнительного языкознания.

Степень изученности темы. Среди видных деятелей когнитивной лингвистики – Джордж Лакофф (George Lakoff), пионер, известный своей теорией концептуальной метафоры. Рональд Лангакер (Ronald Langacker) разработал когнитивную грамматику, исследующую связь между языком и познанием, а Леонард Талми (Leonard Talmy) внес вклад в когнитивную семантику, анализируя концептуальные структуры в языке. Чарльз Филлмор (Charles Fillmore) ввёл фреймовую семантику, а Элеонора Рош (Eleanor Rosch) добилась значительных успехов в изучении прототипов и категоризации.

В рамках русской и советской лингвистической традиции Е.С. Кубрякова сыграла ключевую роль в когнитивной лингвистике, сосредоточившись на внутренней речи и лексической семантике. В.И. Карасик исследовал языковую личность и психологию дискурса, а З.Д. Попова специализировалась на лексикологии и семантике. А. Вежбицкая, польский лингвист, активно работающий в России, получила признание за свои работы по семантическим универсалиям.

М.В. Пименова развивала когнитивную семантику, И.А. Стернин изучал концепты и когнитивные механизмы семантики, Н.Д. Арутюнова работала над

когнитивной семантикой и категоризацией, О.А. Корнилов анализировал когнитивные и концептуальные модели языка. В совокупности их работы заложили теоретическую и методологическую основу когнитивной лингвистики.

Кроме того, такие учёные, как М. Б. Нагзибекова, Д.М. Искандарова, М.Б. Давлатмирова, С.К. Матробиён, Н.И. Каримова, З.А. Гулова, М. Махмудзода, М.М. Имомзода, М.Д. Мамедова, Н.К. Бойматова и Ш.К. Фазилова и другие внесли значительный вклад, ещё более обогатив изучение когнитивной лингвистики в рамках таджикского и сопоставительного языкознания.

В современной лингвистике проведено немало исследований по определению семантического поля труд. Среди них можно отметить сопоставительный анализ русской и польской паремиологии Н.А. Косенко [1993], исследование фразеосемантического поля труд в русском языке Е.В. Ганапольской [1995], работу М.А. Ереминой [2003] о лексико–семантическом поле отношение человека к труду в русских народных говорах, исследование лексической репрезентации концепта труд Г.В. Токарева [137], Л.В. Басова [16] описывала концепт труд в пословицах и поговорках с опорой на три его основных лексических выражения: труд – работа – дело, Л. А. Серова [118] изучала концепт «труд» в немецких и русских поговорках: на материале современных публицистических текстов сельской тематики, О. Е. Чернова провела исследование «Концепт «труд» как объект идеологизации» [151], Т.А. Островская предприняла попытку интерпретации концепта «труд» в поговорках, лексических единицах прямономинативного значения, фразеологических единицах и афоризмах в русском языке и в американском варианте английского языка [93]. Однако комплексного сравнительного анализа концепта «труд/меҳнат» в русском и таджикском языках, основанного на изучении лексики, поговорок и художественных текстов, до сих пор не проводилось.

Связь исследования с программами (проектами) и научными темами. Тема исследования разработана в связи с научной тематикой кафедры общего языкознания и сопоставительной типологии Таджикского национального университета, утверждённой на 2015-2020 годы. Также диссертационное

исследование связано с «Государственной программой совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года (Постановление Правительства Республики Таджикистан от 30.08.2019 г. № 438)».

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования. Исследование преследует две основные цели:

1. Выявить национально-специфические особенности концепта мехнат/труд в русском и таджикском языках путём сопоставительного анализа.
2. Определить комплекс содержательных характеристик, отражающих мировоззрение русского и таджикского народов.

Основные задачи исследования. Для достижения поставленной цели решается ряд конкретных задач:

1. Проанализировать специальные элементы когнитивной лингвистики при описании особенностей национальных языков, а также языковую, научную и наивную картины мира.
2. Выявление концептуальных особенностей концептосферы труд/мехнат в русском и таджикском языках.
3. Описание основных компонентов концепта на основе лексикографического анализа с использованием различных словарей русского и таджикского языков.
4. Проведение сопоставительного анализа концепта, включающего изучение паремиологического наследия русского и таджикского народов, а также их репрезентации в художественной литературе.
5. Выявление лингвокультурологических особенностей концепта труд/мехнат в сопоставляемых языках.

Объект исследования — концепт «труд/мехнат» в русском и таджикском языках, его языковое представление и лингвокультурные особенности.

Предмет исследования — структурно-семантические и концептуальные характеристики мехнат/труд, а также их отображение в лексикографических

источниках, паремиологии и художественной литературе русского и таджикского народов.

Теоретическая и методологическая основа исследования опирается на труды российских, зарубежных и таджикских учёных в области когнитивной лингвистики: Фердинанд де Соссюр (Ferdinand de Saussure) заложил основы своими концепциями знака, языковой системы и эволюции языка. Роман Jakobson (Roman Jakobson), основатель структурной лингвистики, исследовал функции языка и языковые универсалии, а Нуам Хомский (Noam Chomsky) развил эту область своей теорией генеративной грамматики, указывая на врождённую способность человека к овладению языком.

Среди видных деятелей когнитивной лингвистики - Джордж Лакофф (George Lakoff), пионер, известный своей теорией концептуальной метафоры. Рональд Лангакер (Ronald Langacker) разработал когнитивную грамматику, исследующую связь между языком и познанием, а Леонард Талми (Leonard Talmy) внёс вклад в когнитивную семантику, анализируя концептуальные структуры в языке. Чарльз Филлмор (Charles Fillmore) ввёл фреймовую семантику, а Элеонора Рош (Eleanor Rosch) добилась значительных успехов в изучении прототипов и категоризации.

В рамках русской и советской лингвистической традиции Е.С. Кубрякова сыграла ключевую роль в когнитивной лингвистике, сосредоточившись на внутренней речи и лексической семантике. В.И. Карасик исследовал языковую личность и психологию дискурса, а З.Д. Попова специализировалась на лексикологии и семантике. Анна Вежбицкая, польский лингвист, активно работающий в России, получила признание за свои работы по семантическим универсалиям.

М.В. Пименова развивала когнитивную семантику, И.А. Стернин изучал концепты и когнитивные механизмы семантики, Н.Д. Арутюнова работала над когнитивной семантикой и категоризацией, О.А. Корнилов анализировал когнитивные и концептуальные модели языка. В совокупности их работы заложили теоретическую и методологическую основу когнитивной лингвистики.

Кроме того, такие учёные, как М. Нагзибекова, Д.М. Искандарова, М.Б. Давлатмирова, С.К. Матробиён, Н.И. Каримова, З.А. Гулова, М. Махмудзода, Д. Азиззода, М.М. Имомзода, М.Д. Мамедова, Н.К. Бойматова и Ш.К. Фазилова и другие внесли значительный вклад, ещё более обогатив изучение когнитивной лингвистики в рамках таджикского и сопоставительного языкознания.

Методы исследования. Исследование реализует сочетание когнитивного, компонентного, лексикографического, контекстуального, сопоставительного, паремиологического, дискурсивного, семантико-этнолингвистического и статистико-аналитического методов. Данная комплексная схема позволяет всесторонне исследовать структурно-семантические и лингвокультурные характеристики понятия «труд» в русском и таджикском языках, охватывая изучение его концептуальной структуры, словарных дефиниций, контекстуального употребления, пословиц и репрезентации в художественных произведениях.

Основные материалы исследования. Материалом для исследования послужили таджикские и русские лексические единицы и паремии, отражающие концепт мехнат/труд, обнаруженные в различных лексикографических источниках: «Фразеологический словарь современного таджикского языка», «Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ» (Словарь таджикско-персидских пословиц, поговорок и афоризмов), «Фарҳанги ибораи рехтаи забони ҳозираи тоҷик» (Фразеологический словарь современного таджикского языка) М. Фозилова, «Зарбулмасалҳои машҳур» (Известные пословицы и поговорки) Б. Тилавова, «Луғати синонимҳои забони тоҷикӣ» (Словарь синонимов таджикского языка) М. Мухаммадиева, «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» (Толковый словарь таджикского языка), 1 и 2 том С. Назарзода, «Фарҳанги тоҷикӣ-русӣ (Таджикско-русский словарь)» Д. Саймиддинова и С. Холматовой, «Таджикско-русский словарь» М. В. Рахими и Л. В. Успенской, «Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими» Я. И. Калонтарова, «Словарь русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова, «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Даля, Большой словарь русских

поговорок» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, «Русские народные пословицы и поговорки» А. М. Жигулёва, «Онлайн Словарь синонимов русского языка <https://sinonim.org/>», «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, «Словарь русских пословиц и поговорок» А. И. Молоткова, «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля, «Краткий словарь синонимов русского языка» В. Н. Ключевой, а также Национальные корпуса таджикского и русского языков.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые проводится комплексный сопоставительный анализ концепта «труд/меҳнат» в русском и таджикском языках. Впервые исследуются национально-специфические особенности труда в рамках анализа лексикографических источников, паремиологического наследия и художественной литературы обеих культур. Кроме того, выявляются лингвокультурологические особенности концепта, раскрывается его роль в формировании языковой картины мира русской и таджикской лингвокультур, а также в описании его структурно-семантических и концептуальных характеристик. Исследование вносит вклад в развитие когнитивной лингвистики, углубляя понимание концепта «труд» в межкультурных рамках и расширяя методологическую базу сопоставительных исследований, изучающих языковую картину мира.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В русской и таджикской культурах «труд/меҳнат» выступает как важнейший концепт, формирующий мировоззрение, обладающий многоуровневой когнитивной структурой, в которой семантика сочетается с оценочными элементами. При наличии сходных ценностных характеристик лексикографическое исследование позволяет выявить специфические культурные элементы, отличающие русский и таджикский языки.

2. Паремиологические и фразеологические единицы, включающие концепты «труд/меҳнат», позволяют выявить специфику культурного восприятия труда в русской и таджикской языковых картинах мира.

3. В русском и таджикском языковом сознании концепт «труд/мехнат» тесно переплетается с историческими представлениями о физических нагрузках и трудностях, сформированными культурными традициями, религиозными верованиями, историческими событиями и социально-экономическими условиями. Труд рассматривается прежде всего как необходимая деятельность, направленная на удовлетворение практических и функциональных потребностей.

4. Сопоставительный анализ произведений русской и таджикской литератур выявляет этнокультурную специфику репрезентации концепта «труд/мехнат», что свидетельствует о его ключевой роли в формировании ценностных ориентаций в обеих лингвокультурах. Исследование подтверждает глубокую историческую обусловленность данного концепта, являющегося отражением многовековых традиций трудовой деятельности в исследуемых языковых культурах.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в лингвокультурологию и когнитивную лингвистику, раскрывая сложную ментальную структуру концепта «труд/мехнат» в русской и таджикской культурах. Она углубляет понимание того, как языковые единицы кодируют и формируют культурные ценности и мировоззрение, а также способствует развитию сопоставительных исследований в области межкультурной коммуникации и этнолингвистики за счёт выделения уникальных культурных элементов, связанных с концептом «труд» в обеих лингвокультурах. Через анализ паремиологических и фразеологических единиц исследование выявляет культурно-специфические концептуализации труда, обогащая знания о языковой картине мира и её связи с традициями и ценностями. Кроме того, изучение репрезентации труда в литературных произведениях позволяет по-новому взглянуть на его восприятие и изображение. В методологическом плане диссертация представляет собой комплексный подход к анализу культурных концептов, объединяющий лингвистическую и культурологическую точки зрения. Этот подход может быть использован в

дальнейших исследованиях языковых и культурных явлений, что усиливает теоретическую ценность исследования для лингвистики, культурологии и междисциплинарных исследований концептуальных структур.

В связи с этим теоретически значимым является тот факт, что концепт «труд /мехнат», является универсальным концептом во всех языковых картинах мира и ярко отражается во всех лингвокультурах.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования её результатов в преподавании таких научных дисциплин как: когнитивная лингвистика, этнолингвистика, психоллингвистика, лексикография, лингвокультурология и др. Полученные результаты могут быть использованы при изучении других концептов и способствовать более глубокому пониманию национальных особенностей когнитивных структур таджикской и русской лингвокультуры.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность исследования обеспечивается теоретическим анализом, научным сопоставлением и сравнением, при этом на основе конкретных методологических принципов разработан разноплановый аналитический материал, соответствующий структуре, целям и задачам исследования.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Данное диссертационное исследование на тему «Репрезентация концептов «труд/мехнат» в русском и таджикском языках» соответствует утверждённому Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан шифру специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Личный вклад соискателя научной степени в исследование. Автор провёл обширный лексикографический анализ употреблений слова «труд/мехнат» в русском и таджикском языках с целью выявления семантических полей, синонимических рядов и коннотативных оттенков.

Личный вклад автора заключается в самостоятельном проведении исследования, включая сбор, анализ и интерпретацию данных, а также в разработке теоретических и практических основ диссертации

Апробация и внедрение результатов. Основное содержание диссертации было представлено и обсуждалось в докладах и статьях на международных (2012-2024 гг.) и других региональных и республиканских научно-практических конференциях. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании кафедры общего языкознания и сравнительной типологии и кафедры перевода и межкультурной коммуникации Таджикского национального университета (протокол №6 от 21 февраля 2025 года).

Публикации по теме диссертации. Основные выводы диссертации отражены в 12 статьях, в том числе 4 статьи опубликованы в рецензируемых журналах ВАК при Президенте Республики Таджикистан, 1 статья в журналах, рецензируемых ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, 7 статей по теме исследования опубликованы в других научных журналах.

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, рекомендаций по практическому использованию результатов исследования, приложения и библиографии, а её общий объём составляет 196 стандартных компьютерных страниц.

ГЛАВА I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ: СПЕЦИФИКА И ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Концептуальные основы языковой картины мира в современном языкознании: обзор исследований

Одним из центральных понятий современной лингвистики является «языковая картина мира», т.е. восприятие, организация и описание человеком окружающей действительности посредством языка. Она тесно связана с когнитивными и ментальными структурами, которые, в свою очередь, отражают реальность в системе знаков. Более широкая «концептуальная картина мира», напротив, отличается от языковой картины мира, поскольку последняя сводится к более конкретному проявлению мира, заключённому в уникальных грамматических и лексических структурах. В процессе коммуникации и мышления мы используем обе картины одновременно: концептуальная картина — это своего рода абстрактная модель, а языковая картина — средство, с помощью которого эта модель воплощается в языке.

Концептуальная картина мира предстаёт как проекция языковой картины, сформированная в соответствии с определёнными структурами и правилами данного языка. Ю. Д. Апресян пишет, что её можно рассматривать как *наивную языковую картину мира*, понимая её как «отражённые в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [6, 39].

Но концептуальная и языковая картины мира — это не одно и то же. Ю.С. Степанов и Е.С. Яковлева указывают на взаимодействие и взаимовлияние этих двух картин, указывая на то, что ни одна из них не может заменить другую. Например, культурная модель не может полностью содержать языковые особенности, а лингвистическая картина — культурные аспекты.

Представленная Ю.Д. Апресяном [6, 59]. «наивная картина мира» — это восприятие и понимание реальности носителями конкретного языка. Это

упрощённая, легко усваиваемая модель мира, созданная в процессе общения, социализации. Это обычные знания и опыт, передающиеся из поколения в поколение и состоящие из обычных представлений и категоризации мира, организованных в терминах конкретного языка.

В более широком контексте языковая картина мира является составной частью концептуальной картины мира, но также включает в себя наивную картину мира. Существуют не только наивные представления, но и более сложные и абстрактные категории, которые возникли в языке под влиянием истории, культуры и философской мысли.

Взаимосвязь между концептуальной и языковой картинами мира заключается в том, что языковая картина отражает ключевые идеи, ценности и понятия, составляющие концептуальную картину. Концептуальная картина, таким образом, формирует языковую картину, которая сама способствует её построению, являясь основным инструментом передачи и конструирования знаний.

Тем не менее, эти две картины не обязательно совпадают. Языковая картина более узкая по сравнению с концептуальной, последняя включает в себя более широкий и разнообразный набор понятий и категорий, которые могут иметь, а могут и не иметь «культурную» рамку отсчёта.

Языковая картина мира выполняет две главные задачи. С одной стороны, она обозначает ключевые элементы концептуальной картины мира, помогая описать и уточнить понятия и идеи о реальности с помощью языка. С другой стороны, она выражает концептуальную картину мира через язык, представляя ментальные образы с помощью вербальных средств.

Языковая картина мира основана на общественно–историческом опыте и национально–культурном наследии. В ней содержатся знания о мире, закреплённые в лексике, фразеологии и грамматике языка. Благодаря языку мы понимаем и воспринимаем мир, формируя своё видение реальности. Языковая картина мира предшествует специализированным картинам мира и закладывает их основу, так как она необходима для осмысления мира и себя в нём.

Подводя итоги, следует отметить, что понятие «картина мира» функционирует как метафора и требует точной и чётко определённой интерпретации. Языковая и концептуальная картины мира тесно взаимосвязаны, но в то же время обладают отличительными характеристиками, которые их разграничивают. Изучение языковых выражений, в частности пословиц и поговорок, служит ценным инструментом для углубления нашего понимания как языковых, так и концептуальных представлений о реальности.

Взаимосвязь между «картиной мира» и «структурой лексики» остаётся предметом постоянного научного интереса. Исследования Ю.Н. Караулова, В.Н. Телия и других лингвистов подтверждают мысль о том, что единство отражённого материального мира в сознании носителей языка способствует отсутствию значительных расхождений в содержании, передаваемом в разных языках. Однако концептуальная картина мира демонстрирует уникальные особенности, формирующиеся под влиянием индивидуального, группового, национального языкового и экстралингвистического опыта. Эти вариации подтверждают влияние социокультурных и когнитивных факторов на формирование способов концептуализации действительности в разных языковых сообществах.

Согласно Н.Д. Шведовой, структура языковой картины мира может быть описана как сложная схема с пирамидальной вершиной, от которой расходятся сегменты, организованные по принципу сужения. На вершине находится человек, от которого отходят две основные ветви: «человек, его деятельность и достижения» и «окружающая его среда». Это начальное разделение отражает восприятие человеком самого себя и окружающей его действительности. Далее эти ветви разветвляются на множество фрагментов, каждый из которых включает составные части, структурированные иерархически. Таким образом, языковая картина мира характеризуется множественностью уровней, фрагментарностью и сложной иерархической структурой [153, 15].

В силу своего исторического развития и онтологической природы концепция «картина мира» не поддаётся однозначной и жёсткой

терминологической фиксации. Как справедливо отмечают Н. А. Любимова и Е. В. Бузальская, её существование в научном дискурсе возможно лишь через постоянное колебание между статусом понятия и термина, что свидетельствует о её принципиальной нестабильности и многозначности [74]. Диссертант солидарен с учёными, которые объясняют динамичный характер интерпретации антропоцентрической двойственностью, присущей картине мира. Эта двойственность позволяет ей одновременно функционировать и как продукт человеческого познания, и как культурный конструкт. Как следствие, присущая ей сложная и многомерная природа не поддаётся жёсткой терминологической классификации, что делает неосуществимой любую попытку ограничить её строгими дефинитивными рамками.

Комплексный анализ показывает, что аналогичные характеристики присущи и другим фундаментальным категориям, устанавливающим концептуальную связь между когнитивными процессами человека и внешней реальностью, в том числе языковой личности, языковому сознанию, концепту и менталитету. Как и «картина мира», эти категории отличаются внутренней противоречивостью, семантической текучестью и полисемией, что исключает возможность выработки фиксированного и общепризнанного терминологического определения. Их концептуализация требует непрерывного теоретического осмысления, междисциплинарной переоценки и методологической доработки в рамках современного научного дискурса. Диссертант обосновывает научную позицию, согласно которой такая неизбежная неоднозначность является не ограничением, а скорее сущностной характеристикой этих феноменов, подчёркивая их многомерную природу и глубокое укоренение в когнитивных и культурных парадигмах человеческого мышления.

Таким образом, динамизм и интерпретационная гибкость оказываются внутренними характеристиками этих феноменов, обеспечивающими их непрерывную эволюцию в рамках научной области. Такой подход позволяет более тонко представить сложное взаимодействие между человеческим

познанием и объективной реальностью, указывая на непрерывный характер концептуального постижения и уточнения. На наш взгляд, именно эта текучесть и адаптивность делает указанные понятия неустойчивыми к окончательной терминологической фиксации, обуславливая необходимость их постоянной теоретической переоценки и методологической переоценки в рамках академического дискурса.

1.2. Концепт как основная тема исследований когнитивной русской и таджикской лингвистики

Концепт является фундаментальным понятием в современных исследованиях когнитивной лингвистики и представляет собой базовую единицу ментальных моделей, с помощью которых человек организует и осмысливает окружающую действительность. В данном разделе мы рассмотрим, как концепт интерпретируется и изучается в рамках русской и таджикской языковых традиций. Анализируя общие и различающиеся аспекты концептуализации в этих двух языках, мы стремимся выявить особенности, связанные с культурными и историческими контекстами. Подход к исследованию концептов в русской и таджикской лингвистике позволяет углубить понимание взаимосвязи между языком, мышлением и культурой, а также осветить различные подходы и методы анализа, используемые учёными в этой области.

Понятие «концепт» в лингвистике не является новым явлением, его истоки восходят к средневековому концептуализму, основополагающие принципы которого были заложены такими выдающимися учёными, как Т. Гоббс, П. Абеляр и У. Оккам. В рамках концептуализма концепты рассматривались как универсальные когнитивные конструкции, создаваемые разумом для внутреннего использования, способствующие обобщению свойств объектов и заключающие в себе семантически значимую информацию. В частности, П. Абеляр определял концепт как систему идей, в которой когнитивные способности разума объединяют высказывания об объекте в единую перспективу [90, 56].

С развитием когнитивных парадигм в психологии и лингвистике и появлением специализированных областей, таких как когнитивная психология, психолингвистика и когнитивная лингвистика, понятие «концепт» стало приобретать всё большее теоретическое значение.

В когнитивной лингвистике этот термин был впервые введён в 1928 году выдающимся лингвистом С. А. Аскольдовым–Аскольдовым, чья фундаментальная работа «Понятие и слово» положила начало новой исследовательской траектории в когнитивной и культурной лингвистике (лингвокультурологии) в рамках советской лингвистической традиции. Согласно Аскольдову–Алексееву, «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [11, 268].

Согласно точке зрения А. Вежбицкой, концепт представляет собой «идеальную» когнитивную сущность, обладающую обозначенным именем и отражающую культурно обусловленный способ человеческого восприятия. В этих рамках реальность опосредуется через язык, формируя человеческое познание не через непосредственный когнитивный опыт, а скорее через лингвистическую репрезентацию [154, 3].

Концепция С.А. Аскольдова–Алексеева получила поддержку от ряда лингвистов, включая Д. С. Лихачёва, отмечавшего «Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека...» [78, 5].

Современная когнитивная лингвистика занимает видное место в системе гуманитарных наук, существуя на пересечении психологии, лингвистики и философии. Объединяющим фактором между этими дисциплинами является их общая направленность на познание (cognition), которое каждая область изучает в рамках своей методологии. Когнитивная лингвистика, в частности, изучает способы, с помощью которых язык отражает и формирует процессы мышления, а также его взаимодействие с другими когнитивными способностями. Будучи развивающейся дисциплиной, она активно интегрирует идеи из смежных

областей, постоянно совершенствуя свои подходы к изучению языка как инструмента познания.

Центральным направлением когнитивной лингвистики и лингвокультурологии является изучение лингвокультурных концептов, которые представляют собой ментальные конструируемые, заключающие в себе знания о мире в целом или его отдельных аспектах. Эти концепты возникают в результате когнитивной деятельности человека, отражая сложное взаимодействие между языком и культурой, играя ключевую роль в сохранении и передаче культурных ценностей, способствуя формированию языкового мировоззрения, которое, в свою очередь, формирует восприятие действительности носителями языка. Именно поэтому лингвокультурные концепты функционируют как важнейшее связующее звено между языком, познанием и культурной идентичностью.

С точки зрения структуры концепт понимается как условная и динамическая единица, включающая в себя ядро и периферию. Ядро включает в себя наиболее стабильные и общепризнанные ассоциации в рамках данной культуры, в то время как периферия состоит из более гибких и индивидуализированных ассоциаций, которые могут меняться в зависимости от личного опыта и культурного контекста. Важно отметить, что концепты не имеют жёстко определенных границ в силу своей субъективной природы и зависимости от индивидуального восприятия. Кроме того, ценностный компонент, заложенный в концептах, делает их важнейшим инструментом для анализа культурных явлений и их интерпретации в рамках конкретных лингвокультур.

В Республике Таджикистан когнитивная лингвистика и лингвокультурология начали активно развиваться в начале 21 века, при этом основное внимание уделяется методологии концептуального анализа.

Данный методологический подход направлен на изучение взаимосвязи между языком, мышлением и культурой, при этом особое внимание уделяется языковому отражению в развитии человека и его взаимодействию с окружающей средой. Несмотря на то, что эта область все ещё находится на формирующей

стадии, она уже продемонстрировала значительный прогресс, что указывает на многообещающие перспективы дальнейших исследований. Изучение концепций в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии открывает новые возможности для понимания сложных взаимоотношений между языком, культурой и познанием. Эта область исследований выходит за рамки лингвистики, предлагая ценные идеи для гуманитарных наук в целом, углубляя наше понимание механизмов формирования и передачи знаний, а также роли языка в познании и культурной идентичности.

Таджикские лингвисты, такие как М. Б. Нагзибекова, Д. Искандарова, С. К. Матробиён, М. Давлатмирова, З. Дж. Мирзоева, С. С. Рахими, З. Гулов, М. Мамедов, М. А. Махмудзода, Д. Азиззода, Ш. К. Фозилова, Д.Х. Ахмедов, Н. К. Бойматова, Н. Я. Каримова, Х.Х. Курбанова, Н. Б. Рахмонова, М. М. Имомзода, Р. Наджмидиниён и другие, активно занимались исследованием и анализом концептов. В своих научных работах они изучали различные аспекты этой проблемы, что способствовало развитию когнитивной лингвистики в Таджикистане.

В частности, защитили кандидатскую и докторскую диссертации М. Махмудзода о концепте «дил/сердце», М. Давлатмирова «қисмат/ судьба», Д. Азиззода «муҳаббат/любовь», З. Мирзоева «нон/хлеб», М. Имомзода «оилад/семья», Н. Рахмонова «тӯй/свадьба», Х. Курбанова «сабр/ терпение», Н. Каримова «фазо/пространство», Н. Бойматова «зебон/ красота», С. Рахими «хиёнат/ предательство», Д. Ахмедова «хӯрок/ еда», Ф.О. Сайдалиева меҳнат—labor (труд) в таджикском и английском языках, М.М. Мирзоев «бӯй» («запах») в таджикском и немецком языках и др.

В рамках когнитивной лингвистики понятие «концепт» представляет собой сложный многоаспектный объект исследования, главным образом из-за различных интерпретаций и функционального содержания, связанных с ним.

В научных исследованиях учёные обычно признают человека основополагающим объектом концептуального анализа, поскольку он обладает такими отличительными психическими способностями, как мышление и

сознание, а также аналитическое мышление и восприятие окружающей среды. Когнитивная парадигма исследования концептов зависит от эволюции логического мышления, механизмов восприятия абстрактной реальности и процессов осмысления окружающей среды.

Российский лингвист В. А. Маслова выделяет два типа концептов, которые таджикский исследователь М. Махмудзода разделяет на прямые и опосредованные [Маслова, 1999]. По мнению Махмудзода [2012], лексико–семантические элементы концепта напрямую связаны со значениями слов, а его опосредованные компоненты возникают на основе культурно–этнографических явлений, таких как традиционные ценности, а также групповой и личный опыт.

Ряд полевых исследований в области когнитивной лингвистики в совокупности с предыдущими положениями устанавливают, что концепт функционирует как сложное многослойное образование. Таджикский лингвист С. К. Матробиён в рамках своих исследований по этническому языкознанию (этнолингвистике) рассматривает когнитивную проблему и подчёркивает, что «с проблемой когнитивистики непосредственно связаны такие вопросы, как на каком уровне, через какие средства и в какой форме происходит передача культурной информации в данном обществе или нации на их языке, который отражает жизненный мир и положение человека в нём» [85, 27–31].

С. К. Матробиён и М. Махмудзода в своей научной статье исследовали трудности, возникающие при изучении концептов и концептуальных исследований с позиций когнитивной лингвистики применительно к таджикскому языку. По мнению авторов, во многих словарях термин «концепт» определяется как «понятие, мысль, идея, общее значение или общее представление». «Термин «концепт» рассматривается в рамках логических наук, математики, лингвокультурологии и когнитивистики, в то время как «понятие» изучается в основном в логике и философии. Концепт включает в себя знания, мысли, мнения, предположения и идеи об объектах мира. Таким образом, термин «концепт» в таджикском языке нельзя просто приравнять к «понятию» или свести к «общей идее», поскольку он представляет собой отдельный термин,

используемый в определенном контексте. Более того, хотя фразы «общее понятие» или «общее значение, идея» частично отражают суть понятия «концепт», они не могут полностью передать всю его сложность» [85, 27–31].

По общему признанию, одним из передовых направлений в таджикской лингвистике, связанных с изучением концептов, является сопоставительный анализ концептуальных структур в рамках взаимодействия языка и культуры. Особое значение имеет исследование фразеологических выражений и культурно–специфических особенностей таджикского этноса, проводимое на основе изучения паремий (пословиц и поговорок) и афоризмов.

В исследовании «Концепт «измена» в русском и таджикском языках» С.С. Рахими проводит лингвокультурологический анализ, сочетая традиционные лингвистические методы с психолингвистическими экспериментами. Основными методами являются описательный анализ, концептуальный анализ, сопоставительный метод, компонентный (семный) анализ и анализ словарных дефиниций, которые позволяют выявить основные и периферийные значения концепта. Структурный анализ изучает отношения между элементами концепта, а статистическая обработка данных фиксирует частоту ассоциативных связей. Психолингвистические методы включают свободный ассоциативный эксперимент, выявляющий спонтанные языковые реакции, и рецептивный эксперимент, оценивающий понимание концепта через формулировку определения, подбор синонимов и визуализацию. Исследование демонстрирует эффективность интеграции классического и экспериментального подходов в анализе сложных концептов [110].

Заметным вкладом в эту область является исследование М.М. Имомзода «Национальная специфика языковой объективации концепта «семья» в лексико–фразеологической и паремиологической системах таджикского и китайского языков», в котором впервые в таджикской лингвистике представлен анализ концепта «семья» в рамках таджикско–китайской концептосферы. Исследование отличается применением семантико–когнитивного анализа, позволяющего автору не только системно описать содержание и структуру концепта, но и

определить взаимодействие его универсальных и этноспецифических характеристик [55].

Концепт «семья» имеет большое культурное значение, поэтому его изучение особенно актуально в контексте межкультурной коммуникации. Особое внимание уделяется языковой объективации концепта в обоих языках: исследование не ограничивается семантическим анализом, а охватывает разнообразные языковые средства, используемые для его выражения.

М.Б. Давлатмирова в исследовании «Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта «судьба» (на материале таджикского, арабского и шугнано–рушанской группы языков)» проводит всесторонний сопоставительный анализ макроконцепта «судьба» в трех различных лингвокультурных пространствах. Её исследование помогает выявить семантическую структуру, когнитивные атрибуты и культурные интерпретации этого фундаментального понятия, внося тем самым вклад в более широкую область когнитивной лингвистики и сравнительных концептуальных исследований [43].

В своей диссертации «Концепт богатство в английской, русской и таджикской культурах (на материале фразеологических выражений, пословиц и поговорок)» Ш.К. Фазилова проводит первый в отечественной лингвистике комплексный сопоставительный анализ паремий, репрезентирующих концепт «богатство» в этих трёх языках. В исследовании концепт «богатство» рассматривается как многогранный лингвокультурный и когнитивный феномен, вписывающийся в такие широкие рамки, как «мировоззрение», «языковая картина мира», социум и культура. Особое внимание уделяется отличительным культурным традициям, когнитивным моделям и языковой среде каждой этнической группы, которые в совокупности формируют концептосферу общества; подробно изучаются структура, основные принципы и внутренняя логика коллективного языкового сознания, а также социальные и когнитивные факторы, которые определяют эти связи [143].

Исследование М.Д. Мамедовой представляет собой лингвокультурологический анализ концепта «ум» в русской и китайской языковых картинах мира. В исследовании используется методологическая схема, объединяющая фразеологический и паремиологический анализ для выявления культурно-специфических репрезентаций данного концепта. Благодаря контрастивному подходу в исследовании освещаются ключевые принципы когнитивной лингвистики, примечательным аспектом данной работы является её двойная направленность: помимо анализа концепта ум, в ней также исследуется его концептуальный антоним, «глупость». Такой двунаправленный анализ позволяет глубже понять оценочные и аксиологические измерения, связанные с интеллектуальными способностями в обоих культурных контекстах [81].

В своём исследовании концепта красота в таджикской и английской лингвокультурах Н. К. Бойматова применяет комплексный подход к изучению языковых репрезентаций эстетических категорий. Интегрируя традиционные сопоставительные и описательные методы с современными лингвокогнитивными методиками, автор эффективно раскрывает как универсальные когнитивные модели, так и культурно-специфические аспекты концептуализации красоты. Примечательно, что в исследовании используется многоуровневая аналитическая схема, включающая дефиниционный анализ для выявления основных семантических признаков, контекстуальный анализ ассоциативных связей, паремиологическое исследование культурных коннотаций и углублённое изучение семантической структуры ключевых лексем. Такая многоаспектная методология, опирающаяся на теоретические основы таджикской, русской и западной лингвистической науки, демонстрирует обоснованность выбранного исследовательского подхода и представляет собой ценную модель для дальнейших сопоставительных исследований концептуальных структур [19].

В исследовании лексико-семантического поля «horse/асп» в английском и таджикском языках Х.Х.Мирзоев проводит комплексный анализ данной

зоонимической категории, его исследование выделяется применением современных лингвокультурологических и когнитивных подходов. Рассматривая данное лексическое поле как концептуальную структуру, исследование показывает, как оно отражает уникальные особенности языковой картины мира в обоих языках. Данный комплексный подход демонстрирует эффективность сочетания традиционного семантического анализа с когнитивно–ориентированными методами, открывая новые перспективы для сопоставительного изучения концептуальных доменов в языках с различной типологической структурой [87].

В исследовании психолингвистических характеристик концепта «бӯй» («запах») в таджикском и немецком языках М.М. Бобоев использует комплексную методологическую базу, позволяющую провести глубокий анализ этого перцептивного концепта. Исследование объединяет традиционные лингвистические подходы, такие как типологический, лексический, этимологический, дистрибутивный и лексико–семантический анализ, с психолингвистическими методами, включая статистическую обработку и когнитивную интерпретацию. Ключевое внимание уделяется компонентному анализу, который позволяет выявить структурные особенности концепта.

Сопоставительный аспект исследования обуславливает необходимость применения концептуального и типологического анализа, а также методов внутриязыкового перевода. Такой многоуровневый подход позволяет не только выявить разнообразие репрезентаций «запах» в двух разных лингвокультурах, но и исследовать его психолингвистические особенности на примере художественных текстов. Сочетая классические лингвистические методы с когнитивными и психолингвистическими приёмами, исследование демонстрирует методологическую эффективность изучения репрезентивных концептов в сопоставительном аспекте [18].

Х.Х. Курбонова проводит сопоставительный анализ концепта терпение в таджикской и русской лингвокультурах. В исследовании используется многогранная методологическая база для анализа лингвокультурных явлений,

объединяющая традиционные и современные подходы. Этимологический анализ позволяет реконструировать историческую эволюцию концепта, компонентный анализ – выявить семантическую структуру лексикографических дефиниций. Когнитивная интерпретация текста выявляет глубинные семантические связи, а сочетание описательного и лингвокогнитивного методов обеспечивает системную организацию данных. Сравнительный метод и таксономия способствуют классификации, а лингвокультурологический анализ, в соответствии с подходом В.И. Карасика, соединяет лингвистическое и культурное измерения. Контекстуальный анализ выявляет функциональные характеристики языковых единиц, а эмпирическая проверка обеспечивается с помощью статистических методов и свободных ассоциативных экспериментов. Такой комплексный, многоуровневый подход повышает объективность и глубину анализа лингвистических концептов [75].

Описанные выше исследования вносят значительный вклад в таджикскую лингвистику, поскольку посвящены изучению механизмов концептуализации в разных языках, взаимосвязи между языковыми выражениями и культурной идентичностью; уточнению методологии сопоставительного анализа концептов и выявлению национальной специфики в языковой картине мира.

Полученные результаты имеют более широкое значение для когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации, поскольку позволяют выявить как универсальные закономерности, так и культурные различия в концептуальных системах.

В совокупности эти работы представляют собой значительное достижение в таджикских лингвокультурных исследованиях, демонстрируя эффективность семантико-когнитивных методологий в раскрытии как универсальных когнитивных моделей, так и культурно-специфических концептуализаций. Одним из методологических подходов в данных исследованиях является лексикографический анализ, позволяющий выявить семантическое содержание концепта в каждом из исследуемых языков. Авторы выходят за рамки простого сравнения лексики, анализируя внутреннюю организацию и семантическое поле

изучаемых концептов, с целью выявить особенности их концептуализации в сознании представителей различных культурных сообществ, демонстрируя потенциал комплексного подхода к концептуальному анализу, проливая свет как на общие, так и на культурно–специфические аспекты значения.

Анализ последних исследований в области таджикского языкознания свидетельствует о значительном прогрессе в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике. Усиление внимания к концептуальным вопросам в последнее десятилетие (Бобоев, Курбонова, Мирзоева и др.) свидетельствует о формировании отдельной научной традиции, характеризующейся интеграцией традиционных лингвистических методов с инновационными когнитивными подходами, сочетанием качественного и количественного анализа (ассоциативные эксперименты, корпусные исследования), развитием межкультурной концептографии.

Исследования таджикских учёных в области теории также характеризуются эмпирическим подтверждением лингвистической относительности на примере разноструктурных языков, разработкой модели лингвокультурной концептосферы, уточнением параметров межкультурной концептуальной эквивалентности.

Мы считаем, что перспективными направлениями таджикского сопоставительного и типологического языкознания в широком плане могут быть нейролингвистическое подтверждение концептуальных различий, создание цифрового корпуса таджикских концептов, методологии концептуального анализа.

Очевиден заметный сдвиг от описательных исследований к объяснительным моделям. Если в ранних работах (2010–е гг.) основное внимание уделялось лексикографическому анализу, то в последних исследованиях (например, Бобоев 2024) используется комплексный подход, включающий психолингвистические методы, когнитивное моделирование и лингвокультурный анализ.

Расширение лингвистического охвата за счёт включения памирских языков, таджикских диалектов и исторических форм таджикского языка позволило бы исследователям проследить диахронические сдвиги в концептосфере и выявить глубинные элементы национального сознания. Кроме того, значительный потенциал имеют исследования перцептивных, эмоциональных и пространственно-временных концептов.

Освоение цифровых аналитических инструментов (Big Data, машинное обучение) открывает новые возможности для выявления скрытых концептуальных связей, автоматизации масштабных сопоставлений текстов и визуализации концептуальных полей. Это позволит не только сохранить уникальность национальной научной традиции, но и вписать её в глобальный контекст когнитивных и междисциплинарных исследований. В целом таджикская лингвистика уверенно формирует уникальную исследовательскую парадигму, синтезирующую восточные лингвистические традиции, современные когнитивные теории и передовые цифровые технологии.

Нам трудно оспаривать тщательный анализ и выводы, сделанные вышеупомянутыми исследователями, и мы не видим необходимости расширять их. Мы согласны с мнением, что в таджикском языке термин «концепт» не следует рассматривать как синоним «понятия» или «слова». Понятие «концепт» гораздо шире и нюансированнее, чем понятия «понятие» и «слово». Так же как «концепт» не может быть полностью охвачен термином «слово», сам термин «концепт» не может быть ограничен этими более узкими конструкциями. Таким образом, концепт представляет собой сложное, многомерное явление, выходящее за рамки простых лексических определений и требующее междисциплинарного подхода для его всестороннего изучения.

Что является ещё одним весомым аргументом в пользу дальнейших исследований в направлении когнитивистики и лингвокультурологии для достижения максимально точного определения и всестороннего анализа концептов в таджикском языке. Такие усилия будут способствовать более

глубокому пониманию сложной взаимосвязи между языком, мышлением и культурой в таджикском языковом контексте.

За последнее столетие, начиная с 20-х годов XX в., концептуальные исследования стали одним из ключевых направлений когнитивной лингвистики. Эта эволюция свидетельствует о значительном прогрессе в постижении сложных процессов, лежащих в основе человеческого мышления и языкового восприятия. Современный прогресс науки, технологий и духовных аспектов человеческого существования вызвал интерес многих лингвистов к изучению концептов и концептуальных рамок, отражая более широкую интеллектуальную тенденцию, направленную на прояснение взаимосвязи между языком, познанием и культурой. Когнитивная лингвистика, изучающая развитие человеческого познания и языка, а также взаимное влияние языка на эволюцию человека, открывает новые возможности для глубокого анализа языковых явлений и их влияния на поведение людей. Эта область открывает перспективные направления для изучения языка через призму когнитивных особенностей и аспектов, тем самым обогащая наше понимание человеческого разума.

Люди с творческими способностями и абстрактным мышлением используют язык не только для выражения своих мыслей и идей, но и для передачи своего внутреннего личного опыта. Благодаря сложной связи языка с различными областями науки, включающими как гуманитарные, так и точные науки, ученые могут глубже понять различные явления и их сложные взаимосвязи.

Действительно, само понятие «концепт» является центральным для описания и анализа человеческого опыта, знаний и восприятия и используется во многих областях науки и культуры. Развитие гуманитарных наук и понимание когнитивных процессов требуют концептуальных исследований для определения интеллектуальных операций между людьми и окружающей средой.

Наше понимание реальности в сочетании с лингвистическими моделями, основанными на культуре, становится понятным при изучении этой области. Концептуальный анализ дает нам инструменты для изучения непрерывного

обмена между языком, мышлением и культурой и показывает, как эти элементы влияют и формируют друг друга.

1.2.1. Влияние когнитивных процессов на язык: концептуализация, категоризация и концептосфера.

В современной лингвистике всё больше внимания уделяется исследованию того, как мышление влияет на язык. Такие термины, как «концептуализация», «категоризация» и «концептосфера», иллюстрируют сложное взаимодействие между человеческим познанием, языковыми структурами и окружающей средой. Концептуализация относится к процессу создания знаний и идей о мире, охватывающему как внутреннюю сферу мыслей человека, так и его воображение [71, 14]. В его основе лежат концепции, которые являются фундаментальными строительными блоками человеческого опыта и организованного знания, формирующего наше мышление. Концепты позволяют нам структурировать информацию о мире и генерировать новые знания, наполняя её смыслом [22, 22.].

Категоризация, с другой стороны, включает организацию и структурирование информации посредством процесса группировки похожих или эквивалентных элементов. Это не только помогает нам осмыслить огромные объёмы информации, но и облегчает понимание. Категоризация не только структурирует окружающий нас мир, но и является неотъемлемой частью языка. Она позволяет нам выделять основные семантические единицы и создавать из них более сложные понятия.

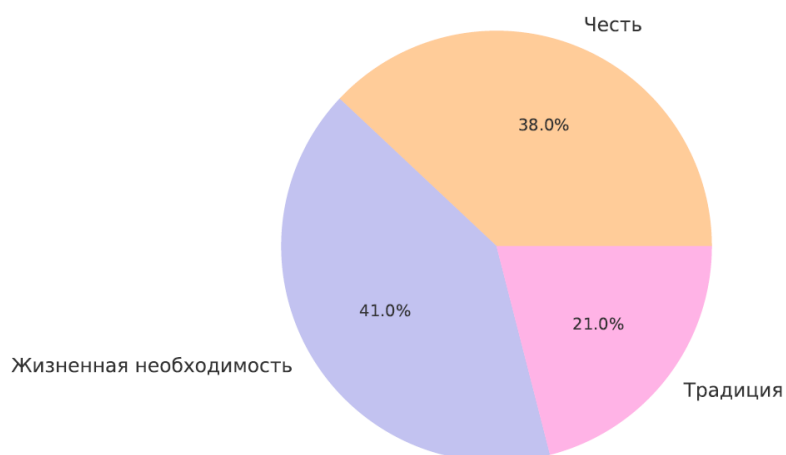
Концептуальная сфера — это своеобразная «система знаний», характерная для определенной языковой культуры, состоящая из идей, концептов и понятий. Наше восприятие мира формируется историей, культурой и различными другими факторами. Каждая культура имеет свой собственный уникальный способ видения мира, основанный на сочетании различных аспектов. В этой статье мы рассмотрим, как лингвисты используют такие понятия, как «концептуализация», «категоризация» и «концептосфера», чтобы понять, как люди организуют и интерпретируют свою реальность.

По мнению Н. А. Бесединой, «глубинным принципом рассматриваемого метода является принцип причин–но–следственного взаимодействия концептуализации и репрезентации в процессе функционирования языка как динамической системы, находящейся во взаимодействии с другими когнитивными структурами» [17]. Существование этой концептуальной системы в мозге человека подтверждено многими учёными. Н. Н. Болдырев сравнивает эту понятийную систему с «ментальной картой» в нашем сознании, состоящей из «понятий» (идей) и «маршрутов» их формирования и связей [22, 189]. Например, понятие «работа» связано с такими понятиями, как «труд», «доход», «истощение», «удовлетворённость», «творчество», «ответственность», «профессионализм» и другими. Эти понятия тесно связаны между собой, формируя в нашем сознании определённое мировоззрение, которое отражает наше восприятие труда и работы.

Таким образом, когнитивное структурирование концепта труд/меҳнат в сознании носителей русского и таджикского языков создаёт различные «ментальные карты», в которых центральные концепты и их взаимосвязи отражают культурно сформированные ценности. В русском языке эти связи указывают на контраст между обязанностью и усталостью (например, «труд» → «усталость», но также «труд» → «творчество»), а в таджикском – баланс между усилиями и достатком («меҳнат» → «ризки ҳалол», «меҳнат» → «шараф»).

Концепт 'Меҳнат' в таджикском языке

Другим важным когнитивным процессом является категоризация, которая опирается на категории — ментальные структуры, в которые мы группируем схожие объекты или явления. Е. С. Кубрякова определяет категорию в своём «Кратком словаре когнитивных терминов» как способ мышления, позволяющий нам обобщать и классифицировать опыт [72, 45]. Например, мы классифицируем виды работы по таким категориям, как физический труд, интеллектуальный труд, творческий труд и т. д. Этот процесс помогает нам организовать информацию о мире и делает её более доступной для понимания. Категоризация — это процесс деления всех окружающих нас вещей, событий и идей на группы по их основным признакам. Это позволяет сделать мир более понятным и организованным. Например, мы можем классифицировать животных по видам (млекопитающие, птицы, рептилии), одежду по назначению (верхняя одежда, обувь, аксессуары) или книги по жанрам (художественная литература, детективы, классика).

Категоризация концепта «труд/меҳнат» в русском и таджикском языках выявляет как универсальные когнитивные структуры, так и культурно—обусловленные особенности. Структурно концепт состоит из ядра и периферии, причём каждый элемент вносит свой вклад в его значение в языковых картинах мира обоих языков.

Ядро концепта включает в себя фундаментальные смыслы, которые сразу же возникают при употреблении терминов «труд» или «меҳнат». Как в русском, так и в таджикском языках это ядро включает следующие элементы: а) физический труд; б) профессиональная деятельность; в) целенаправленное усилие, направленное на достижение цели.

Периферия, напротив, вводит культурно–специфические ассоциации. Хотя оба языка разделяют такие периферийные понятия, как *терпение*, *добросовестность*, *целеустремлённость* и *настойчивость*, их интерпретации значительно расходятся в связи с культурно–историческим контекстом.

В контексте русского языка труд воспринимается как полярное понятие, когда труд рассматривается как моральная ценность, примером чего служат такие выражения, как «честный труд», как необходимое условие выживания и успеха, что отражено в пословице «Землю солнце красит, а человека труд», «Будешь упорно трудиться, будет хлеб в закромах водиться» и пр. И в то же время значительную роль играет и негативное обрамление, когда труд ассоциируется с бременем и страданием. Например, поговорки «Работа не волк – в лес не убежит», «От работы не будешь богат, а будешь горбат», «Авоська верёвку вьёт, небоська петлю затягивает» и т.п., подразумевает, что чрезмерный труд может привести к физическому и психическому истощению., а также отражают несколько ироничное отношение к процессу труда.

Эта двойственность, вероятно, связана с историческими циклами форсированной индустриализации, коллективизации и крепостного права в России, где труд одновременно прославлялся и эксплуатировался, символизируя напряжение между работой как благородным занятием и как формой угнетения.

В отличие от этого, понятие «меҳнат» в таджикском языке в подавляющем большинстве случаев является позитивным, связанным с идеями процветания и моральной целостности. Культурные рамки включают: а) процветание, когда труд рассматривается как основа жизни, что выражается в поговорках «Меҳнат – асоси ҳаёт» («Труд – основа жизни»), «Ҳар кас аз меҳнати худ роҳат мебинад» (Каждому воздаётся по трудам его); б) честность, выражение «меҳнати ҳалол»

(«честный труд») одно из наиболее употребительных выражений, связанных с работой и трудом, зиждется на религиозных принципах и этике труда.

Такая точка зрения отражает сельскохозяйственные традиции Таджикистана, где труд является неотъемлемой частью выживания семьи и поддержания уважения в обществе. В этом контексте «меҳнат» — это не только средство к существованию, но и моральный долг, способствующий повышению социального статуса и духовного благополучия.

Различия между русским и таджикским восприятием труда можно проследить в уникальной социально-экономической истории каждой культуры. Российское отношение к труду в значительной степени сформировалось под влиянием наследия крепостного права, советского периода индустриализации и дихотомии между «труд-подвиг» (труд как героизм) и «труд-каторга» (труд как изнурительная работа). Этот исторический опыт породил более сложные и зачастую амбивалентные отношения к труду.

В отличие от них, отношение таджиков к труду формировалось под влиянием исламской этики, аграрной самодостаточности и важности семейных и общинных обязанностей. В этом контексте труд рассматривается как безусловное благо, неотделимое от достоинства («шараф») и божественного благословения («баракат»).

Статистический анализ показывает, что с 2000 года частота употребления слова «труд» в русском языке снизилась на 12%. Эта тенденция к снижению наблюдается во многих сферах, включая журналистику, официальную документацию и повседневную речь. Снижение частоты использования может быть обусловлено несколькими факторами: замена синонимами в активном словаре, что приводит к изменению выбора слов; изменение стилистических коннотаций термина, что могло привести к снижению его употребления в определенных контекстах; перераспределение семантических ролей в лексической системе, в результате чего термин стал использоваться реже или был заменён другими выражениями со схожим значением.

Напротив, частотность концепта «меҳнат» за тот же период времени выросла на 17%. Эта тенденция к росту отражает:

- растущую концептуальную значимость термина в таджикской лингвистической системе,
- его широкое использование в официальных регистрах, включая юридический дискурс и академическую литературу,
- его устойчивую культурную укоренённость во многих сферах общественной и частной жизни.

Это лексическое и концептуальное возрождение тесно связано с общественно–политическим контекстом Таджикистана в период после обретения Независимости. Снятие идеологических ограничений, характерных для советской эпохи, способствовало переоценке и возрождению основных национальных ценностей.

Приведённые выше контрастные тенденции отражают эволюцию лексических моделей, которые потенциально отражают более широкие социолингвистические изменения в каждом языковом сообществе.

Снижение употребления русского слова «труд» на 12% может быть связано с различными социально–экономическими и политическими влияниями, возникшими с 2000 года.

Этот сравнительный анализ показывает, насколько глубоко переплетаются язык и культура в формировании нашего понимания таких фундаментальных понятий, как работа и труд. Двойственность русского восприятия труда отражает общество, которое одновременно и страдало от труда, и прославляло его. Напротив, исключительно позитивное отношение к труду в таджикской культуре говорит о его роли как основной ценности и столпа идентичности. Эти противоположные взгляды на труд демонстрируют, что понятия не просто лексические – они заключают в себе коллективную историю и жизненный опыт. Дальнейшие исследования могли бы изучить, как глобализация и миграция влияют на эти представления, особенно в молодых поколениях, поскольку культурная динамика продолжает развиваться.

Следует отметить, что изучение когнитивных процессов в лингвистике с акцентом на концептуализацию, категоризацию и концептуальную сферу открывает новые горизонты в понимании взаимосвязи мышления, языка и реальности. Эти три ключевых понятия демонстрируют, как человек, взаимодействуя с окружающим миром, формирует собственные представления о нём, структурируя и систематизируя полученную информацию. Языковая картина мира, воплощающая человеческое восприятие и понимание реальности, является результатом сложного взаимодействия когнитивных процессов, таких как формирование концепций и категоризация. Концептуализация и категоризация создают основу для развития знаний и концептуальных систем, существенно влияя на структуру языка. Они выступают в качестве базы для построения «ментальных карт», которые направляют нашу навигацию через сложности внешней среды.

1.3 Окружающий мир как объект современной лингвистики, языковая картина мира

Язык – это не просто способность выражать окружающий нас мир, это способ строить и создавать то, как мы понимаем и воспринимаем окружающий нас мир. Все естественные языки – это отдельные системы восприятия и организации реальности.

Язык служит для общения, передачи информации, формирования мысли, фиксации и сохранения элементов восприятия и знания, свойственных данному языковому сообществу.

С другой стороны, объективная реальность предстаёт как предмет человеческого познания и общения, и в результате в этом случае язык является зеркалом этой объективной реальности, находясь на стыке между реальностью и сознанием. Тогда как человек пытается манипулировать языком и результатами его понимания, чтобы зафиксировать результаты и сделать доступным для всех только то, что он понимает. В результате языковые значения служат инструментом, с помощью которого сознание отражает реальность.

Языковая картина мира – результат особенностей языка, имеющего двойное коммуникативное и функциональное содержание (как средство выражения эмоций, познания и хранения социально–исторического опыта мира).

Языковая картина мира, формирующаяся в результате взаимодействия человека с окружающим миром, основана на языке, служащем основным средством коммуникации людей [75].

Термин «картина мира» первоначально вошёл в философский и религиозный контекст, а затем был заимствован физикой, в первую очередь Г. Герцем, который применил его к различным восприятиям мира. Основы языковой картины мира сложились в 1920–х годах в рамках эволюционных теорий и типологий. На сегодняшний день она по–прежнему является одним из перспективных направлений в гуманитарных науках, осмысляющим пути её пересечения с антропологией, семиотикой и лингвистикой.

Языковую картину мира можно рассматривать как особую структуру языка, особый способ видения. В более широком смысле она охватывает язык в контексте его коммуникативных, информационных, когнитивных функций, как средство фиксации и сохранения коллективных знаний и индивидуальных представлений о реальности с помощью языковых единиц.

Языковая картина мира выполняет две основные функции: во-первых, она является ключевым компонентом концептуальной картины мира, а во-вторых, эксплицирует эту концептуальную картину с помощью языковых средств. Вербальные экспликации являются способами восприятия ментальных образов. Во-вторых, язык идёт гораздо дальше, чем просто передача сообщения; его роль заключается в структурировании того, что передаётся.

Как отмечала Л.В. Басова: «языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира, она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный». Язык делает человека способным понимать себя и мир, вспоминая социальный и исторический опыт, общий для всех людей и характерный для всех человеческих культур. Поскольку язык — это отражение культурного и национального опыта человека, он обуславливает свои особенности. В языке изначально заложена идея мира, данная в понимании, которая, по сути, отражает национально-культурное наследие конкретного языкового сообщества» [16, 55].

И, собственно, язык формирует мировоззрение его носителей, или, другими словами, языковую картину мира – целостное представление о действительности, воплощённое в существительных, фразах и грамматике. Как отмечает Ю.Н. Караулов, «словосочетание «картина мира» остаётся метафорическим, если не установлены чёткие процедуры её определения» [59, 246].

Построение картины мира неразрывно связано с мировоззрением, которое есть не что иное, как индивидуальная позиция и точка зрения на реальность; у

каждого из нас она своя. М. Хайдеггер характеризует картину мира как репрезентацию «бытия», а мировоззрение отражает отношение индивида к этому «бытию». М. Планк расширяет эту характеристику и говорит о том, что картина мира – сугубо личностная категория, основой которой являются когнитивные процессы. Он выделяет два этапа формирования картины мира: первый – чувственное, субъективное и многообразное восприятие мира, а второй – замена «пёстрого субъективного многообразия» объективным законом, порядком и универсальным знанием о мире [97, 102–112].

Картина мира воспринимается как система интуитивных интерпретаций реальности, сложность которой обусловлена её связями с различными областями знания. В философии оно формируется в процессе взаимодействия человека с миром, в религии – благодаря вере в Бога и божественную волю, а в семиотике – через первичные и вторичные моделирующие системы, такие как язык, мифология, религия, фольклор, литература, кино и искусство.

Согласно В.П. Рудневу, каждому историческому периоду соответствует своя картина мира, отличающаяся от предыдущих. Например, картина мира древних индейцев отличается от картины мира средневековых рыцарей, а их картина мира отличается от картины мира монахов–доминиканцев или францисканцев [Руднев, 2009].

Исходя из этого картина мира представляет собой комплексное представление о реальности, которое формируется через восприятие, познание и взаимодействие человека с окружающим миром, и она может различаться в зависимости от исторического, культурного и индивидуального контекстов.

Картина мира в лингвистике представляет собой организованную систему, которая описывает содержание языка. В.А. Маслова утверждает, что «язык выражает человеческое сознание, в котором объективный мир не отражается зеркально, а преломляется, превращаясь в форму особого мира». Этот лингвистически сконструированный мир фильтруется через концептуальные и культурные рамки его носителей, формируя сущность языковой картины мира.

По мнению учёного, «Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира)» [83, 65].

Таким образом, выступая посредником между сознанием человека и объективной реальностью, языковая картина мира кодирует культурно и национально специфическую интерпретацию бытия.

По мнению Е. Кубряковой, картина мира является более сложным явлением, чем просто языковая картина мира. Она охватывает то, каким образом человек воображает мир и строит свои представления о нём и отражает не только языковые формы, но и концептуальное восприятие мира, которое преломляется через язык [71, 26].

В рамках лингвистических исследований необходимо проанализировать способы, с помощью которых люди сохраняют своё положение в мировом концептуальном понимании. Мартин Хайдеггер представляет свою философскую точку зрения о том, что люди создают свою версию реальности с помощью процессов интерпретации, которые опираются на их когнитивные рамки. Хайдеггер утверждает, что люди взаимодействуют с миром, проецируя на него свои внутренние концептуальные системы, эффективно переводя внешнюю среду в ментальную репрезентацию – «картину мира». Эта репрезентация динамически направляет человеческую деятельность и интерпретирует действия и модификации людей, а также смысловые присвоения по отношению к их окружению. Для Хайдеггера эта «картина мира» – нечто большее, чем просто ментальный образ, это основополагающая структура, определяющая двойную роль человечества как наблюдателя и архитектора реальности. Человеческое знание и преобразование мира возникают из этой единой перспективы, которая, по Хайдеггеру, связывает природный и социальный порядок [150, 85].

В лингвистике понятие «картина мира» определяется как структурированная сеть представлений о реальности, причудливо сформированная языком. Система функционирует на двух уровнях, где лингвистические элементы описывают, как язык классифицирует опыт, а концептуальные измерения раскрывают культурные и социальные контексты,

определяющие ментальные модели. Язык функционирует как рефлексивный и формирующий инструмент, поскольку он показывает уже существующие представления и в то же время модифицирует эти представления в новые. Согласно гипотезе Сапира–Уорфа, языковые структуры в системе влияют на модели мышления, особенно когда речь идет о понимании временных масштабов и причинно–следственных связей. Мировоззрение человека по своей сути субъективно, оно формируется его восприятием человеческого существования и его предполагаемой роли в окружающем мире. На это мировоззрение влияют социокультурные факторы: язык предоставляет средства для артикуляции, традиции сохраняют исторические и моральные рамки, воспитание прививает культурные ценности, а формальное образование систематизирует знания. Совокупность этих элементов представляет собой когнитивную модель, которая служит основой для формирования представлений человека о пространственных отношениях. Картина мира включает в себя два компонента: базовое человеческое мышление в сочетании с элементами, обусловленными конкретными культурами. Хайдеггер предполагает, что люди объединяют свои различные реальности с помощью общей концептуальной структуры, которая распространяется на все языки, несмотря на их культурные различия, хотя каждый язык раскрывает реальность по–своему. Подобные вариации, по нашему мнению, можно объяснить той ролью, которую играют языковые знаки в сигнализации базовых культурных ориентаций, что приводит к предрасположенности организовывать мир в соответствии с родством с языковым окружением.

В научных дискуссиях о языковой картине мира учёные отмечают его сложность и глубокую интеграцию с человеческим восприятием. Так, например, Б. В. Раушенбах утверждает, что его значимость обусловлена не формально–логическим представлением реальности, как в национальном мировоззрении, а способностью объединять различные аспекты человеческого опыта — эмоционального, сенсорного, культурного – в единое целое. Такая интегративная перспектива позволяет человеку не просто анализировать мир, а воспринимать

его как взаимосвязанное пространство, в котором объединяются знания, интуиция и традиции.

М. В. Пименова [96, 5] развивает эту идею, описывая языковое мировоззрение как эволюционирующую систему, включающую в себя как знания, заложенные в языке — лексику и грамматику, так и когнитивные процессы, актуализирующие эти знания. Язык функционирует как инструмент интерпретации: например, метафоры в русском («время течёт» — «время течёт») и персидском («زمان آب است» «время — это вода») языках иллюстрируют концептуализацию времени как текучей субстанции. В. И. Постовалова добавляет, что такое мировосприятие является результатом постоянного диалога человека с окружающей средой, формирующегося в равной степени под влиянием духовных воздействий (религия, искусство, философия) и повседневной жизни [106, 1–14]. В таджикском языке, например, формы вежливого обращения, такие как «шумо» для уважительного «вы», не только указывают на статус говорящего, но и отражают давнюю традицию почтения, уходящую корнями в придворную речь.

Е. С. Кубрякова уподобляет языковую картину мира «семантической палитре», которая развивается вместе с обществом [68, 6–13]. Например, технический прогресс приносит в русский язык новые термины, такие как «гаджет» и «лайкать», а, таджикский включает в себя такие заимствованные слова, как клик и чат. Здесь язык является не просто архивом, а активной силой, формирующей мысль: грамматические различия, такие как аспект в русском языке (совершенный и несовершенный вид), выражают законченность действия, в то время как в таджикском языке акцент на временной аспект часто передаётся через контекст или лексические маркеры, такие как «доштан» для обозначения длительности.

В. А. Маслова указывает, что языковое мировоззрение — это не абстрактное понятие, а отражение исторического развития нации [83, 45]. Например, обширная лексика русского языка, обозначающая снег («пороша» «наст» «крупа»), обусловлена жизнью в специфических климатических

условиях, когда зима очень холодная. В то время как богатая поэтическая лексика персидского языка, включающая многочисленные синонимы слова «роза», акцентируется на эстетических приоритетах. Лингвистическая перспектива также формирует эмоциональное восприятие: русское слово «тоска» и персидское «دلتنگی» (del tangi— дословно «стеснение сердца») заключают в себе культурно–специфические эмоциональные нюансы.

В. Н. Телия описывает языковую картину мира как текучую, а не статичную [131, 18]. Такие понятия, как «родина» в русском языке или «ватан» в таджикском, существуют как «семантические кластеры», которые люди наделяют личным смыслом. Это объясняет, почему «свобода» в русском языке часто выражает политические идеалы, а «озодӣ» в таджикском часто ассоциируется с духовным освобождением в суфийской традиции.

Роль языка как «хранителя» мировоззрения проявляется в его устойчивости во времени. Архаичные выражения, такие как русские пословицы («Не всё коту Масленица») или таджикские идиомы «آب از سرچشمه گِل آلود است» — Об аз сар лой, аналогично «Рыба гниёт с головы», сохраняют архетипические модели мышления. В то же время язык формирует восприятие: если в русском языке существительным присваивается грамматический род (например, «река» — женского рода, символизирует в поэзии течение времени, а в мифологии — символ плодородия, движения и очищения), контрастирует с отсутствием грамматического рода в таджикском, где классификация объектов часто опирается на метафоры (например, «خورشید» хуршед — «солнце» — в поэзии часто является аллегорией царя небес, озаряющего всё вокруг светом — Бе рӯи ту хуршеди ҷаҳонсӯз мабод, Ҳам бе ту ҷароғи оламафрӯз мабод (Рудаки)).

Художественная картина мира, как отдельное проявление, объединяет коллективные и индивидуальные взгляды. Например, в романах Достоевского раскрываются такие русские культурные понятия, как «смирение» и «сострадание». В поэзии Хафиза нашли отражение персидские понятия «عشق» (eshgh — любовь— страдание) и «رندی» (rendi— «мудрое безумие», «сгорающая свеча») По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина [100, 45], метафорический

выбор автора — например, «жизнь как дорога» в русской литературе или «гардиши фалак» — букв. колесо судьбы) в персидской поэзии – служит ключом к реконструкции его уникальной картины мира, объединяющей личный опыт, культурные коды и языковое творчество.

В конечном счёте, языковая картина мира – это не прямое отражение реальности, а динамичная мозаика. Например, русские феминитивы типа «авторка» отражают социальные трансформации, в то время как таджикский язык сохраняет формальные титулы типа «эшон, ходжи» для поддержания традиционной иерархии. Несмотря на постоянную эволюцию, эта система сохраняет ядро, обеспечивающее культурную преемственность.

Изучение поэтических текстов требует введения отдельного теоретического конструкта — поэтической картины мира, возникшего на основе междисциплинарных исследований в области постмодернизма, когнитивной лингвистики и психологии. В этом понятии заключена художественная реальность, сформированная творческим видением поэта и переданная с помощью образного языка. Восприятие поэзии — это активный когнитивный процесс, в котором читатель интерпретирует и реконструирует эту реальность на основе своего индивидуального восприятия.

Н. А. Кузьмина [1999] характеризует поэтическую картину мира как альтернативную реальность, переосмысленное пространство, сформированное сознанием поэта. Такие учёные, как В.А. Маслова, Н. С. Болотнова, Г. В. Колшанский, акцентируют внимание на антропоцентрическую сущность, где опыт человека ставится в центр взаимодействия с природой, обществом и личной рефлексией. Поэтическая модель отличается от других картин мира своей субъективностью, художественной репрезентацией знаний и динамичностью отношений с реальностью.

Антропоцентрическая природа поэзии по-разному проявляется в разных культурах. В русской поэзии, от интроспективного лиризма Пушкина до выражения экзистенциальных страданий Ахматовой, поэтический субъект часто переживает внутренний конфликт, оказавшись между социальной

ответственностью и свободой личности, духовной тоской и земной борьбой. Например, в стихотворении Лермонтова «Парус» образ одинокого корабля, плывущего по бурным водам, символизирует непокорность и замкнутость романтического героя.

В персидской поэзии, особенно в суфийской традиции Руми и Хафиза, личный опыт выходит за пределы «я» и сливается с божественным единством. Поэтическое «я» растворяется в космических метафорах – газели Хафиза изображают любовь (عشق / eshgh) не просто как романтическую тоску, а как путь к духовному просветлению. Персидские образы природы, такие как розы, соловьи и вино, выполняют не только декоративную функцию; эти элементы воплощают более глубокие мистические истины, соединяя материальную и метафизическую сферы.

В структурном плане русская поэзия часто использует сложный метр и рифму, чтобы отразить эмоциональный ритм, как это видно в символическом стихе Блока, где смещающиеся каденции отражают городское отчуждение. Персидская классическая поэзия, с её газелями и рубай, ставит во главу угла музыкальные повторы и сгущённый символизм, создавая эффект многослойности. Обе традиции используют языковую двусмысленность, чтобы вызвать многозначность — минималистичный стиль Ахматовой передаёт глубокие эмоциональные токи, так же как парадоксальные стихи Саади воплощают вечные философские идеи («Цветение розы — это мимолетная улыбка, но она переживет королей»).

С. Шмаков осмысливает научную картину мира как философско–систематическое средство структурирования эмпирического знания, развивающееся вместе с научным прогрессом [154, 150]. О. А. Корнилов говорит, что эта концепция олицетворяет коллективное представление о природе, обществе и человеческом существовании, в противовес поэтическому мироощущению, основанному на изменчивости и субъективности. В то время как наука стремится определить универсальные принципы, поэзия, например, Мандельштама или Хайяма, сопротивляется жёстким рамкам общепринятого

восприятия, полагаясь на метафору и двусмысленность. Например, в «Рубайяте» Хайяма рациональное исследование («Движением Перста Им пишется судьба, И, написав сей текст, Он пишет дальше, от руки») сопоставляется с экзистенциальным созерцанием, размывая границу между эмпирическими рассуждениями и мистическим самоанализом.

Поэтическая картина мира, будь то в русской или таджикско–персидской литературной традиции, служит линзой, через которую преломляются культурные ценности и восприятие. Русская поэзия часто отражает исторические разрывы и экзистенциальные дилеммы, в то время как персидский стих возводит человеческий опыт в метафизическую плоскость. Несмотря на эти различия, обе традиции демонстрируют, как язык не только отображает реальность, но и формирует и преобразует её. Сравнительный анализ показывает, что если научная картина мира стремится упорядочить и классифицировать реальность, то поэтическая реконструирует её, наделяя новыми смыслами и эмоциональным резонансом.

Конкретный исторический и культурный контекст позволяет научной концепции мира возникнуть как структурированный свод знаний, сохраняющий целостный формат. Научная концепция представляет собой единую структуру, объединяющую все научные знания, накопленные человечеством до определённого периода времени. Эта концептуальная модель демонстрирует непрерывные трансформации, поскольку она обусловлена связью научных наблюдений с теоретическими основами и интеллектуальными преобразованиями в масштабах всего сообщества. В качестве стандартного метода оценки ученые используют её для исследования явлений и основывают на ней свои изыскания в области основ мироздания.

Концептуальные рамки выступают в качестве парадигмы, которая представляет собой ключевые основы научной методологии вместе с её фундаментальными принципами, определяющими все научные исследования в определенные периоды времени. Многочисленные неразрешенные несоответствия в конечном итоге приводят к полному концептуальному распаду,

что влечет за собой кризис понимания. Накопление конкретных дилемм провоцирует смену парадигм, приводящую к внедрению трансформационных концептуальных схем.

Научные концепции мира служат основой, на которой строится человеческий интеллект и являются движущей силой прогресса. Наука выражает интеллектуальное мировоззрение современных учёных и направляет грядущие открытия, тем самым показывая, что знания существуют в конкретных исторических условиях и продолжают развиваться. [62, 9].

Научная картина мира — это постоянно развивающаяся система знаний, которая стремится как можно точнее отобразить объективную реальность, хотя никогда не может полностью совпасть с ней, поскольку познание — это непрерывный процесс. На её формирование влияют как конкретные объекты исследования — например, элементарные частицы в физике или экосистемы в биологии, — так и методологии научного поиска, включая эксперименты, теоретическое моделирование и специфические для каждой дисциплины подходы.

В то же время национальная научная картина мира встраивает универсальные научные принципы в лингвистические и культурные рамки конкретного общества.

Функции научной картины мира разнообразны. Она организует знания в структурированные системы, устанавливает когнитивные стратегии, направляющие научные открытия, и интегрирует научные идеи в культуру, внедряя их в общественное сознание — подобно тому как квантовая механика повлияла на философские дискуссии о детерминизме и свободе воли. Кроме того, как отмечал Карл Поппер, научное знание по своей природе поддаётся фальсификации: даже такие устоявшиеся теории, как ньютоновская механика, остаются открытыми для пересмотра, что усиливает способность науки к самокоррекции [103, 34–45.].

Язык науки, характеризующийся точностью и формализацией, отличается от повседневного языка, который отражает культурно закреплённую

лингвистическую картину мира. Например, в русском языке труд часто описывается в терминах коллективных усилий и героизма (трудовой фронт, ударник труда), сформированных историческим опытом индустриализации и советской идеологии. В отличие от этого, таджикские концептуализации труда выражают семейные и общинные ценности (косиб — уважаемый мастер, хашар — добровольная взаимопомощь). На индивидуальном уровне носитель русского языка может воспринимать труд как призвание на всю жизнь, а носитель таджикского — как обязанность перед семьёй и обществом.

Выше сказанное позволяет говорить о том, что научная картина мира функционирует как связующее звено между объективной реальностью, культурным контекстом и развитием научной мысли. Она не только отражает реальность, но и активно формирует наше понимание её, иллюстрируя, как универсальное знание интерпретируется через лингвистические, исторические и культурные призмы, оставаясь при этом открытым для переосмысления и трансформации.

В работе Б. Л. Уорфа была выведена концепция, согласно которой научная картина мира происходит из наивной картины мира. Уорф утверждал, что между этими двумя картинами мира следует установить знак равенства, так как языковая картина мира, которая отражает обыденное сознание и является методологией для организации информации, служит основой для формирования научной картины мира [141].

Наивная картина мира возникает на основе мифологических, мистических и архетипических представлений о окружающей действительности. Это цельное, «наивное» представление о мире, формируемое обыденным мышлением, которое может быть ограничено и неспособно глубоко проникнуть в сущность вещей и явлений. Она отражает представления об окружающем мире, но не всегда точно передаёт его сущность, так как язык воплощает эти представления через национальную линзу и культурные особенности.

И. Стернин. утверждает, что понятие «наивная картина мира» не следует рассматривать как упрощённое: её структура может быть столь же сложной и

детальной, как и научная модель реальности. Ю. Апресян писал в своей работе, что языки создают специфические ментальные рамки, включающие культурные коды. Эти «наивные» модели различаются в разных языках из-за специфической семантики слов и выражений, в то время как научная картина мира стремится к универсальности, преодолевая языковые и культурные границы. Ярким примером таких различий служит лингвистическая концептуализация трудовой деятельности, которая демонстрирует значительные различия между русской и таджикской лингвокультурами. В русском языке слово «труд» часто связано с физическими усилиями и борьбой («чёрная работа»), а также с моральными достоинствами («труд облагораживает»). Слово «работа» имеет более нейтральную коннотацию, относясь к повседневным делам, однако пословицы вроде «Работа не волк, в лес не убежит» отражают ироничное отношение к промедлению. В то же время «дело» выражает целеполагание и ответственность («серьёзное дело», «дело жизни»), личную инициативу и решительность.

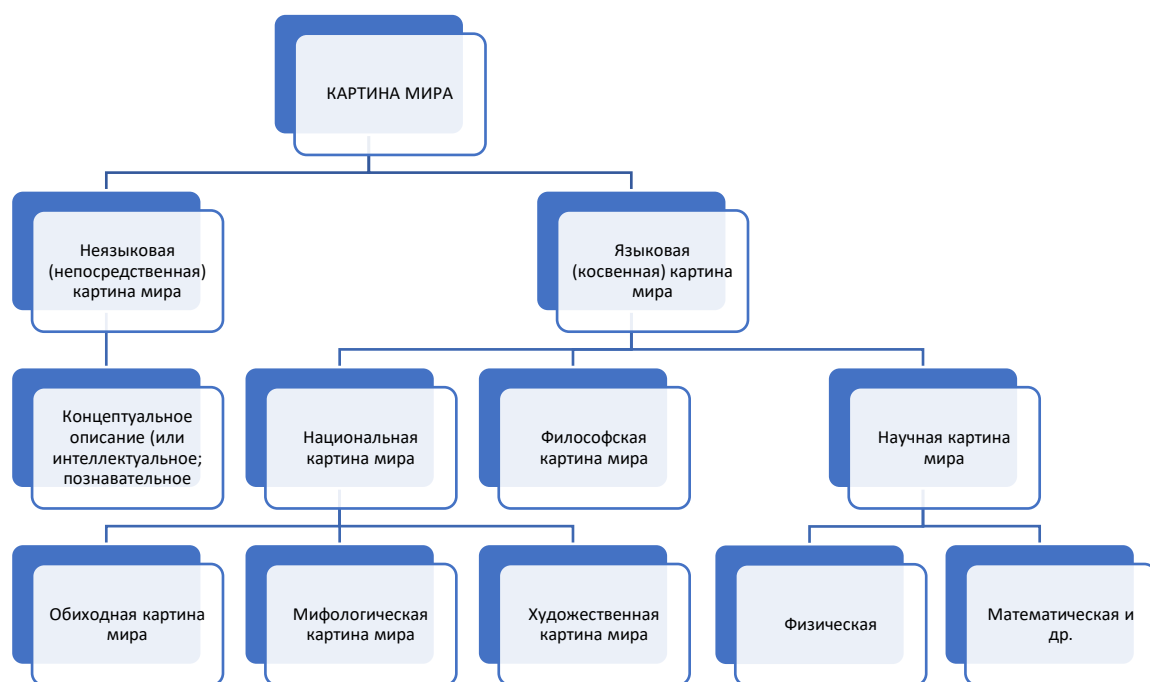
Семантика труда в таджикской культуре тесно связана с социальными групповыми усилиями, направленными на создание единства между людьми. В таджикской лингвокультуре под трудом подразумевается не только важный социальный вклад, но и профессиональная деятельность, так что труд означает как уважение, так и духовные блага благодаря персидскому поэтическому влиянию. Пословица «Мехнат ҳаёт аст» («Труд – это жизнь») отражает сакрализацию труда как фундаментального принципа существования.

Языковые различия иллюстрируют, как «наивное» мировоззрение, сформированное с помощью языка, кодирует культурные перспективы: в русской языковой традиции принято выделять индивидуальную настойчивость и ответственность, в то время как в таджикской акцент делается на коллективизм и социальную сплочённость. Научные усилия по нейтрализации культурных ценностей оказываются неэффективными, поскольку сохраняются отличительные языковые структуры, демонстрирующие тесную связь между языковыми структурами и процессами культурной идентификации.

Наивная картина мира формируется под влиянием культурных ценностей, традиций и исторического опыта народа. Язык, через слова и формы, отражает эту картину мира и оказывает влияние на восприятие и понимание окружающей действительности человеком.

Таджикский лингвист С. К. Матробиён, проанализировав картину мира таджиков, разделил её на неязыковую и языковую картины мира. Неязыковую картину он называет концептуальной, а языковую делит на национальную, философскую и научную. На основании этой классификации он включает в национальную картину обиходную, мифологическую и религиозную, отмечая: «Обиходная картина мира отражает ту же простую картину мира, которую люди используют в своем повседневном общении. То есть у людей такое же представление о мире, как они видят своими глазами. Обиходная (наивная) картина мира – это знания и представления обычных людей о природе и окружающем мире. В обиходной картине мира есть древнее представление, которое ярко отражено в нашем разговорном языке. Если рассматривать употребление глаголов по отношению к действию солнца, дождя и их предметов в таджикском и некоторых бадахшанских (ваханском, шугнанском) языках, то в обычном описании таджиков глаголы *баромад* «взошло», *нишаст* «село» относятся к солнцу и луне, а иногда и к звёздам, глагол «борид (идти (об осадках))» относится к снегу, дождю, граду» [86,120].

С. Матробиён в своей работе предложил следующую диаграмму:

Среди фундаментальных идей современной лингвистики – концепция языковой картины мира. Она примечательна не только тем, что отражает реальность, но и тем, что активно её конструирует. Грамматика, лексика, семантические структуры — всё это показывает, как каждый из множества языков смотрит на мир. Язык выполняет множество функций: это и инструмент общения, и средство постижения и категоризации мира, и хранилище культурных и родовых знаний. Кроме того, он определяет, как организована и понимается информация в различных культурных средах. Исследователи изучают языковую картину мира, чтобы лучше понять, какую роль играет язык в человеческом мышлении и отношении к действительности.

Предыдущие исследования такого рода помогают глубже понять тесную взаимозависимость между языком, познанием и культурой. Кроме того, они прокладывают путь к новым методам анализа языка, что ведёт к расширению знаний о лингвистическом анализе и его роли в определении когнитивных процессов человека.

1.3.1. Ценностная картина мира и её отражение в языке

Разные культуры формируются с разным взглядом на мир, и каждый человек формируется на основе своего собственного видения мира. Но такой взгляд, по сути, является обобщённым и не вбирает в себя всё богатство реального мира. Язык – средство описания окружающего человека мира: предметы и явления существуют в физическом мире, их отличают с помощью слов языка, посредством которого люди отражают в языке не сам объект реальности, а своё понимание этого объекта, зависящее от его сознания и представлений о предмете.

Язык, таким образом, становится двойным отражением: и восприятия реального мира человеческой мыслью, и структуры мысли, выраженной в языковых формах, которые он представляет. В свою очередь, сознание создаётся совокупным и индивидуальным опытом.

Выделение и расстановка приоритетов значимых объектов, ценностей, составляет человеческое понимание мира. Это происходит потому, что те же самые наполненные ценностями измерения смыслообразования добавляют ментальные конструкции, или концепты, обогащённые ценностными суждениями. Ценностные ориентации познающего субъекта глубоко связывают знания как о реальных, так и о воображаемых объектах, то есть знания, которые содержат в себе оценочные суждения или эмоционально–ценностные компоненты.

Ценностность является существенной характеристикой языка. Лингвисты и лингвокультурологи всегда проявляли интерес к национально–специфическим прототипам, так как национальная ментальность формируется различными факторами этноса, и представляет собой лингвокультурологическую категорию, которая лежит в основе ценностно–смыслового пространства языка. Концепт рассматривается как когнитивная единица, которая формируется в сознании человека на основе восприятия действительности, операций с предметами, языкового общения и самостоятельного познания значений языковых единиц.

Концепты являются сгустками культуры в сознании человека и отражаются в различных сферах его бытия, включая науку, искусство и быденную жизнь.

Лингвокультурные концепты играют важную роль в формировании национальной идентичности и культурного самосознания людей. Они отражают уникальные особенности культуры, ценности и установки этноса. Концепты влияют на языковое поведение и коммуникацию, а также определяют способы восприятия мира и его интерпретации.

Значения лингвокультурных концептов в значительной степени формируют аксиологический (ценностный) образ мира, который определяет, как носители того или иного языка и культуры интерпретируют, оценивают и организуют свою реальность. Эти культурные концепты действуют как система культурных кодов, сохраняя в языке представления о том, что является значимым, приемлемым и достойным уважения в их социокультурном контексте, а также их противоположности. Каждая культурная группа определяет такие понятия, как справедливость, свобода и семья, исходя из своих социальных принципов, которые определяют их этические ценности.

Хотя и лингвокультурология, и когнитивная лингвистика анализируют связи между языком и мышлением, между ними существует фундаментальное различие в областях исследований. Когнитивная лингвистика анализирует универсальные ментальные структуры, лежащие в основе познания категорий для понимания пространства–времени (например, как люди классифицируют временные и пространственные понятия), а лингвокультурология изучает понятия, существующие только в определённых культурных группах (например, русский концепт «тоска» или таджикский «мондагор»). Такие этнически отличительные понятия поддерживают как индивидуальный опыт культурной группы, так и функционируют в качестве исторической единицы хранения, сохраняющей традиции разных поколений.

Язык в лингвокультурологии рассматривается как подвижная, динамическая система, функционирующая синхронно как: зеркало культуры, демонстрирующее через свою лексику уникальные аспекты языков (например,

большое количество синонимов слова «снег» у народов Севере или «верблюды» в арабском): инструмент культурного воспроизводства, с помощью которого посредством паремий передаются накопленные предыдущими поколениями знания: пространство, где взаимодействуют мысль и социальная деятельность.

Триада «язык – мышление – культура» образует неразрывное единство: язык структурирует восприятие, культура определяет семантические рамки, а мышление оперирует этими категориями для построения картины мира, которая, в свою очередь, формирует поведение и коммуникацию.

Ценностно–ориентированное мировоззрение возникло в связи с необходимостью объяснить, как языковые ценности влияют на социальные ментальные рамки. Социальные оценки систематизируются в рамках иерархической системы, демонстрируя, что конкретные ценности, такие как индивидуализм в западных культурах, доминируют над другими культурными аспектами. С конца XX века исследования ценностей становятся всё более междисциплинарным: культурология исследует их значение в формировании идентичности; социология рассматривает их воздействие на социальные институты, лингвистика же исследует то, каким образом указанные ценности кодируются в лексике, грамматике и вербализации.

В философии аксиология (исследование ценностей) изучает природу ценностей, их классификацию (материальные/духовные, абсолютные/относительные) и их роль в человеческом существовании. Изучение ценностей как основ бытия получило первоначальное развитие в фундаментальных трудах Ф. Ницше, М. Шелера и Н. Гартмана. В XX веке в аксиологии появились новые области исследования:

Исследование аксиологической онтологии оценивает ценности с помощью объективной оценки для определения естественного существования ценностей вне человеческого восприятия в противовес субъективным взглядам, связывающим ценности с психическим опытом человека.

Изучение ценностей и их влияния на получение знаний является неотъемлемой частью аксиологической эпистемологии (например, предвзятость в научных исследованиях).

Эти философские категории становятся основой лингвистического анализа в лингвистической аксиологии, через которую оценочные суждения проявляются в метафорах, коннотациях и выражениях ценности. Значение политических терминов «реформы» и «стабильность» принимает противоположные аксиологические интерпретации в зависимости от их ситуативного использования. Язык служит как коммуникативным целям, так и функционирует как пространство, где люди оспаривают различные ценностные смыслы, что делает язык важным элементом для изучения культурного развития.

Понятие «ценностная картина мира» как совокупность лингвокультурных концептов связано с другими терминами, такими как «картина мира» и «языковая картина мира». Все три понятия отражаются в сознании человека и представляют облик внешнего мира.

Согласно лингвокультурологии, изучающей взаимоотношения языка и культуры, ценностная картина мира представляет собой сложную систему, состоящую из фундаментальных идей, связанных с языковыми структурами и культурными представлениями. По мнению В.И. Карасика и В.В. Морковкина, а также Г.В. Колшанского и Р.М. Блакара, ценностная картина мира формируется через универсальные человеческие принципы (справедливость, свобода, любовь) сосуществуют в ценностной картине мира с культурными элементами, которые представляют собой обычаи, наследие и психологические черты каждого общества. Например, в русской лингвокультуре понятие «душа» тесно связано с эмоциональной глубиной— понятием, которое может не иметь эквивалента в других языках.

Учёные утверждают, что в языке существуют системы оценочных суждений, которые раскрывают то, что они называют ценностями — нормативные рамки (юридические принципы, религиозные воззрения, морально-этические установки), коллективный опыт (фольклор, пословицы,

поговорки, фразеологизмы), рациональное мировоззрение (культурные ценности проходят процесс фильтрации с помощью рационального мышления, а главным критерием отбора служит здравый смысл).

Культурная идентичность возникает на основе ценностных доминант, таких как семейные традиции в восточных культурных контекстах по сравнению с индивидуалистическими культурными ценностями в западных обществах, и эти ценности проявляются в языковой коммуникации – в лексике, грамматике и создании дискурса, который формирует культурный код общества.

Пословицы и фразеологизмы, идиомы и поговорки, представляют собой важный ресурс для изучения ценностных интерпретаций. На протяжении многих веков истории культуры эти выражения развивались и передавались из поколения в поколение – модели поведения, культурные архетипы, социальные стереотипы.

Как отмечает В.И. Карасик [1996], ценностная картина мира функционирует на двух уровнях: коллективное сознание, отражающее социальные нормы и традиции; индивидуальное восприятие, которое предполагает личную интерпретацию ценностей.

По мнению В.Н. Телия [1996], фразеология выступает в качестве «зеркала» национального самосознания, фиксируя как смысловые, так и эмоциональные коннотации. Например, идиома «трусливый как заяц» может иметь разные коннотации в разных культурах, в зависимости от локальных интерпретаций храбрости.

А.А. Ивин [1998] определяет ценность как объект значимости, актуализированный в оценочном акте.

В своей работе 2004 года П.А. Сорокин связывает ценности с культурой, поскольку они создают прочную основу для культурной преемственности.

По мнению М. Шелера, ценности имеют объектно–ориентированную природу, которую люди переживают субъективно, но при этом независимо интерпретируют.

И.А. Солодилова и В.В. Перевалов вместе с другими учёными объясняют, как ценности возникают в ходе конкретных коммуникативных взаимодействий, что требует анализа дискурса для их чёткого понимания.

Это направление, представленное А.А. Ивиным, Н.Д. Арутюновой и Е.М. Вольф, рассматривает язык как: инструмент формирования ценностей (например, в образовательном дискурсе); хранилище культурных смыслов (например, оценочная лексика, метафорические структуры); посредник между индивидом и обществом.

С.Г. Павлов определяет сферу аксиологической лингвистики как сложную взаимосвязь «язык — сознание — общество — культура — человек», указывая на роль языка в передаче ценностных иерархий.

Г. Риккерт утверждал, что ценности нельзя свести к материальным или ментальным явлениям; их суть заключается в значении, которое им приписывает общество.

Ценностная картина мира — это динамическая система, в которой язык функционирует и как архив культурной памяти, и как инструмент ценностной интерпретации реальности. Её изучение требует междисциплинарного синтеза лингвистических, философских и антропологических подходов.

1.4. Соотнесение понятий «концепт» и «семантическое поле»

В последние годы учёные–филологи провели многочисленные исследования на материалах самых разных языков, в которых особое внимание уделялось вопросам изучения лексической семантики. Это связано с тем, что лексико–семантический уровень языка, отличающийся системностью, а также практически неисчислимым количеством лексических единиц, на современном этапе требует дальнейшего углубленного изучения. На этом пути исследователи сталкиваются с многочисленными трудностями в описании данного уровня языка, однако они не оставляют попыток провести всестороннее изучение, опираясь при этом в том числе и на традиционный системно–функциональный принцип, подразумевающий использование комплексных единиц. Среди таких

единиц языка самым, наверное, всеобъемлющей является понятие «семантическое поле».

Термин «семантическое поле» был введен Г.И. Ипсеном и далее развит Й. Триром, который предложил термин «понятийное смысловое поле». Принцип, введенный этими учеными в научный оборот, получил широкое распространение и стал использоваться в различных областях языковедения.

Зарубежные и российские учёные, такие как Й. Трир [1974], Л. Вайсгербер [1974], Ф.П. Филин [1967], В.Г. Адмони [1964], Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс [1967], А.В. Бондарко [1967, 1972, 1984], Л.М. Васильев [1971], Ю.Н. Караулов [1972], Ю.Д. Апресян [1974], Г.С. Щур [1974], Д.Н. Шмелев [1977], И.А. Стернин [1985, 1989, 1999], З.Д. Попова [1984, 1989, 2002], О.М. Воеводская [2001] и др., развивали теорию поля и исследовали семантические поля в различных языках.

В области таджикского языкознания это направление охватывает следующие работы: Д.М. Искандаровой [2013], М. Тагаевой [2013], М.Имомзода [2017], Н.Б. Рахмоновой [2019], М. Азизовой [2011], С.Нодировой [2024] и другие актуальные работы.

Эффективность теоретико–методологической базы «поля» в лингвистике обусловлена прежде всего тем, что оно способствует демонстрации существования структурного значения в языке. Это понятие позволяет лингвистам установить лексико–семантическую структуру, объединяющую лексику и ее концептуальные характеристики.

Семантическое поле представляет собой набор связанных по смыслу слов или понятий, которые образуют единое целое и связаны общей темой или концепцией. В лингвистике семантическое поле используется для изучения отношений между словами и концепциями, а также для анализа и классификации лексики. Оно помогает осмыслить смысловые отношения между различными частями языка и увидеть их взаимосвязь и взаимодействие. Главной задачей семантического поля является выявление смысловых связей и ассоциаций в языке и представление их в виде структурированной системы.

В российском языкознании теорию поля развивали Ф.П. Филин, В.Г. Адмони, Ю.Н. Караулов, Ю.Д. Апресян, Г.С. Щур, И.А. Стернин, З.Д. Попова, О.М. Воеводская и другие исследователи.

По мнению Ф.П. Филина, любая лексико-семантическая группа представляет собой исторически сложившиеся языковые структуры, сформировавшиеся в результате сочетания культурных, социальных и когнитивных факторов. Лингвистическая структура содержит группы, объединяющие слова, которые имеют схожие значения и функционируют как взаимные дополнения между элементами [137, 537–538]. Например, глаголы движения «идти», «бежать», «лететь» включают в себя синонимы, а также гипонимы, детализирующие значения («шагать», «бродить») и антонимы («стоять»). Развитие ЛСГ происходит с течением времени, поскольку человеческое восприятие реальности претерпевает изменения. Технические инновации порождают новые словоформы, которые присоединяются к устоявшимся кластерам слов, как в примере, где «смартфон» заполняет позицию гипонима по отношению к «устройству». Дополнительными точками фокуса в исследовании Филина, помимо синонимии и антонимии, становятся меронимия (часть—целое: «колесо – автомобиль») и тематические ассоциации («дождь – зонт»).

Ф.П. Филин утверждает, что лексика работает как системная сеть, где каждая группа функционирует для передачи точного значения в процессе коммуникации.

Ю.Н. Караулов в своих исследованиях устанавливает управляемую структуру и единую организацию семантических полей [60, 57]. Например, семантическое поле «труд» состоит из основных понятий, включая существительные (труд, работа, профессия), прилагательные (рабочий, профессиональный), а также более широкие категории, такие как «усилия, результат, процесс». Семантические поля содержат базовые понятия в качестве ядер, а также специализированную терминологию, расположенную за пределами этой основной области. Расположение слов относительно соседних терминов

меняется в зависимости от того, что содержит текст. Так, например, «работа» в значении человеческой деятельности (ядро) смещается на периферию, когда используется в техническом контексте («работа механизма»). развитием и рациональностью. Основным элементом труда объясняет базовую целенаправленную деятельность, однако на периферии, в различных сферах применения труда, возникают различные дополнительные аспекты, обусловленные спецификой каждой работы.

Суждения Ю.Д. Апресяна о непрерывном семантическом пространстве указывают на то, что семантические поля пересекаются и взаимодействуют, образуя единое пространство [6, 241]. Например, поле «свет» соединяется с «цветом» («яркий», «красный») и через метафору распространяется на «эмоции» («светлая грусть»). Эти ассоциации создают цепочки, позволяющие плавно переходить от одного поля к другому, например «огонь» → «тепло» → «комфорт» → «безопасность». Люди интуитивно группируют понятия на основе опыта, как это видно на примере метафорической связи между «временем» и «движением» («время летит»). Аналогично, поле «борьба» может охватывать как конкретные действия («нападение», «защита»), так и абстрактные идеи («конкуренция», «спор»). Полисемичные слова служат мостиками между различными областями – например, «острый» охватывает области «вкуса», «интеллекта» и «эмоций».

Эта семантическая непрерывность отражает взаимосвязанную природу человеческого познания и гибкость языка, который развивается, чтобы интегрировать новые значения, сохраняя при этом связь с прошлыми понятиями.

И.А. Стернин выделил признаки поля, включая его системную организацию, семантическую общность элементов, объединение однородных и разнородных элементов, структуру из микрополей, вертикальную и горизонтальную организацию, ядро и периферию, а также зоны переходов между полями [127, 13–17].

Последнее время поля рассматриваются как межуровневое явление, где общий семантический признак объединяет языковые средства разных уровней.

А.В. Бондарко описывает функционально–семантическое поле как систему разноуровневых средств, объединённых на основе общности и взаимодействия функций. В полях выделяются центр и периферия, а также зоны пересечения с другими полями [24].

Концепт и семантическое поле в лингвистике представляет собой систему языковых единиц, связанных между собой системными отношениями. Поля объединяют различные средства языка разных уровней, формируя конститuentы поля. Они характеризуются общим значением, которое может разделиться на два или более противоположных микрополя. Структура поля состоит из горизонтальных и вертикальных сечений, где группируются микрополя и их конститuentы. Ядро поля сосредоточено вокруг доминанты, а периферия располагается на удалении от ядра.

В полевой модели языка выделяются первичные и вторичные поля. Первичные поля являются основными и структурно необходимыми, в то время как вторичные поля являются дополнительными и пересекают первичные. Поля могут быть связаны с лексическими и фразеологическими единицами, образуя лексико-семантические группировки.

Членение поля на ядро и периферию является важным признаком полевой структуры. Ядро характеризуется частотностью, общеизвестностью, стилистической нейтральностью и другими признаками. Лексические единицы, находящиеся в периферии, обладают меньшей частотностью, многозначностью и сильной зависимостью от контекста. Единицы крайней периферии отличаются низкой частотностью и могут отсутствовать в частотных словарях.

Исследование полей позволяет понять структуру языка, его взаимосвязь с внеязыковой действительностью и языковое сознание. Взаимодействие между лексикой и фразеологией в рамках полевой структуры обусловлено их общей номинативной функцией и семантикой. Языковая системность связана с хранением информации в памяти, включая ментальные структуры, правила языковых операций и коллективное бессознательное.

Семантические поля в рамках исследований когнитивной лексики не могут полностью её объяснить. Нам нужен более целостный подход, учитывающий гораздо больший ареал ассоциации слов, существо тезаурусных связей и когнитивные механизмы интерпретации реальности и ментального мира. В когнитивных исследованиях понятие «поле» остаётся важным и может быть определено через различие между ядром и периферией. Периферия — это более абстрактные элементы, а ядро — наиболее осязаемые и визуальные.

Классификационная система И.А. Стернина выделяет три основных типа концептов: многоуровневые, одноуровневые и сегментные. Одноуровневые концепты представляют собой когнитивное ядро, представленное только одним базовым слоем, например, цветами. С другой стороны, многоуровневые концепты состоят из серии когнитивных слоёв, которые накладываются на базовый слой и последовательно увеличиваются по уровню абстракции. Например, концепт «работа» включает фундаментальный слой (образ — выполняющий труд) и дополнительные слои, которые отражают различные абстрактные аспекты, такие как труд и усердие.

Полевая модель может быть расширена для анализа когнитивных процессов и организации концептуально структурированной мысли. Сохранение термина «поля» облегчает описание структуры концептов через ядро и периферию, учитывая степень конкретности и абстрактности образных представлений.

Сегментированные концепты — это особая структура, состоящая из базового слоя и нескольких равных сегментов. Базовый слой содержит чувственно-образное ядро, которое представляет собой визуальный образ или общую характеристику концепта. На базовый слой наслаиваются различные когнитивные атрибуты, которые образуют сегменты концепта. Например, концепт «работа» имеет базовый слой, представляющий образ работающего человека, и несколько сегментов, таких как политическая работа, научная работа, повседневная работа и другие.

Концепты получают языковое выражение через различные слова, синонимы, семы, дефиниции, фразеологические и другие языковые единицы. Используя лингвистические данные, можно построить полевую структуру концепта, которая отражает его организацию в когнитивной сфере. При этом концепт рассматривается в контексте речевой и ментальной деятельности человека, с учётом процессов, происходящих в сознании.

Взаимосвязь понятий «концепт» и «семантическое поле» вполне обоснована, поскольку культурная сущность концепта становится очевидной через вербализацию лежащего в его основе явления с помощью различных языковых средств, таких как лексические, фразеологические и дискурсивные элементы. Это понятие получает дальнейшее развитие, когда связь усиливается анализом, проведённым в рамках семантического поля, что подтверждает необходимость сочетания лингвокогнитивного и полевого подходов в исследовании.

Понятия «концепт» и «семантическое поле» являются центральными в лингвистике, предлагая понимание структуры и семантической организации языка. Концепт представляет собой абстрактные мысли о чём-то или ком-то в общем. Связь может быть установлена с конкретным явлением, объектом или идеей, включая различные составляющие и свойства этого объекта. Например, концепт «работа» может включать такие элементы, как труд, дело, занятие и многое другое. С другой стороны, семантическое поле представляет собой группу взаимосвязанных концептов, образующих определённую тематическую область. Действительно, мы можем рассматривать его как сеть идей, связанных и обоснованных общим семантическим ядром. Например, семантическое поле «труд» может включать такие концепты, как работа, дело, занятие и т.д. По этим причинам концепты и семантические поля тесно связаны. Семантическое поле строится из концептов, которые, в свою очередь, организованы и структурированы в поле в соответствии с указанным тематическим контекстом.

1.4.1. Вопрос о соотнесённости фразеологизмов и паремий с семантическим полем

В современных лингвистических исследованиях сложились различные взгляды на соотношение паремиологии (изучение пословиц и поговорок) и фразеологии. Фразеологический пласт является показателем лексико-фразеологической системы языка, неразрывно связанной с культурной средой и историей общества. К определениям фразеологизма относятся: 1) устойчивость, 2) конкретное семантическое содержание, 3) лексико-грамматическая структура.

Статус пословиц и поговорок в составе фразеологии до сих пор остаётся нерешённой проблемой. Для некоторых лингвистов фразеология — это отдельная дисциплина, включающая в себя все устойчивые и воспроизводимые сочетания фразеологических сращений, единств, фразеологических комбинаций, пословиц, поговорок, крылатых выражений, речевых клише. С этой точки зрения пословицы и поговорки приравниваются к фразеологическим единицам.

Другие учёные, напротив, отстаивают специфику пословиц и поговорок, не считая их частью фразеологии. По их мнению, пословицы и поговорки по своей структуре и функции заметно отличаются от других фразеологических единиц, семантических сращений или фразеологических сочетаний. Структурно пословицы и поговорки уникальны прежде всего тем, что они выделяются и своей ролью в заключении культурной ценности и коллективной мудрости общества.

Учёные, придерживающиеся широкого определения фразеологии, с одной стороны, включают пословицы и поговорки во фразеологическую систему. Однако в последнее время сформировалась особая отрасль филологии, предметом которой являются пословицы и поговорки, называемые «паремии». Поэтому «паремии» — как «краткие» формы фольклорных жанров — стали изучать и фразеологи, и фольклористы, и паремиологи. Интерес к этим выражениям не ослабевает из-за их удивительной выразительности и широкого эмоционально-стилистического диапазона. Третья точка зрения предлагает компромиссный подход, который признает наличие общих черт между

пословицами, поговорками и фразеологическими образованиями, однако также отмечает их отличия. Этот подход подразумевает изучение пословиц и поговорок как особой категории лексико-фразеологических образований, имеющих свои уникальные особенности и функции.

Тем не менее, разграничение устойчивых выражений и паремий заключается не только в классификации и общей терминологии, но и в том, что устойчивые выражения не обладают особыми характеристиками или свойствами, которые отмечают промежуточное распределение.

В учебнике «Фразеология и паремиология: учебное пособие» (в разделе «Паремиология») авторы пишут, что «фразеологизмы, паремии и афоризмы — это типы устойчивых выражений, каждый из которых обладает своим набором структурных, семантических и лексических особенностей» [1, 243]. Такое определение даёт перспективу отнести все их формы к одной и той же отрасли знания (науке о языке) или к отдельной области языкознания. Оно обобщает распределение функционально-семантических признаков в понятной форме, и если, с одной стороны, мы в основном привыкли к утверждениям, что пословицы и поговорки одновременно относятся к фразеологии и паремиологии (фразеология понимается широко), то из определения паремиологии как науки следует, что фразеологизмы присущи только паремиологии. Есть и другое, относительно новое в понимании объектов изучения паремиологии как науки.

Также при анализе фразеологического состава языка необходимо рассмотреть такие моменты, как общие и специфические свойства пословиц и поговорок, поскольку они, несомненно, являются одним из важнейших компонентов культуры и истории общества. Пословицы и поговорки, являясь устойчивыми речевыми формулами, представляют собой не только лексико-семантические закономерности языка, но и развивающиеся в исторической эволюции общества духовно-нравственные и социальные ценности.

Эти единицы обладают сходными характеристиками: они устойчивы по форме, воспроизводимы в речи и обладают внутренней образностью. Известно, что пословичное мышление в совокупности более устойчиво, чем другие формы

мысли, а разнообразие его терминологии позволяет отнести их к отдельным пунктам в разделе фразеологии.

Кроме того, пословицы и поговорки очень часто имеют национально–культурное измерение, основываясь на образах, символах и идиоматических выражениях, которые указывают на характерные черты этнической группы или народа. Через них передаётся опыт и мудрость ушедших поколений.

В свою очередь, рассмотрение пословиц и поговорок в контексте фразеологического фонда языка помогает лучше прояснить взаимосвязь языка, культуры и истории. Кроме того, такой подход позволяет по–новому взглянуть на особенности национального языкового мышления [Архангельский 1964, Виноградов 1977, Кунин 1972, Шанский 1985].

Современные лингвисты расходятся во мнениях относительно дефиниций фразеологии, главным образом относительно включения в это поле пословиц и поговорок. Традиционный метод фразеологических исследований определяет эту область как систему фиксированных семантических элементов, рассматривая фразеологические конструкции (идиомы) как устойчивые словосочетания, которые функционируют как единые единицы для номинации в языковых системах. Примерами таких выражений являются «растопить лёд», что означает «установить контакт», и «сыграть в ящик», что означает «умереть», поскольку их значение не может быть вычислено через значение каждого компонента. Эти сторонники [Молотков 1977, Жуков 1978] выделяют два ключевых признака таких единиц – структурную целостность и семантическую непрозрачность.

Ряд учёных, в том числе Ларин [1956], Бабкин [1964], Копыленко и Попова [1978], предлагают расширенное понимание фразеологии. Предлагаемое определение фразеологизма включает все возможные сочетания лексики, даже если слова демонстрируют неустойчивость формы или контекстуальную зависимость употребления. Этот способ определения охватывает как классические фразеологизмы, так и другие словосочетания: полуфиксированные коллокации (например, «принять решение»), пословицы («Цыплят по осени считают») и поговорки («Лучше поздно, чем никогда»), которые, несмотря на

вариативность формы, сохраняют устоявшееся культурное или прагматическое значение.

Для узкого определения необходимы фиксированные структуры с определенными значениями, в то время как широкий подход учитывает гибкость контекстуального значения.

Учёные расходятся во мнениях относительно номинативной функции, поскольку одни описывают фразеологические выражения как слова–названия явлений, а другие подчёркивают их использование в коммуникации, особенно для эмоциональных и культурных значений.

На том, что пословицы и поговорки имеют особую структуру предложения, которую они не представляют собой семантические эквиваленты слов, акцентирует внимание Виноградов [1997]. По его словам, «пословицы и поговорки обладают особой структурой предложения и не являются семантическими эквивалентами слов» [32, с. 243]. Развивая эту мысль, Н. М. Шанский выделил фразеологические выражения, включающие пословицы и поговорки, в четвёртую группу фразеологических единиц. По мнению Шанского, эти выражения состоят из слов со «свободным номинативным значением и семантической сегментацией» [152, 76]. Как утверждал Шанский, именно воспроизводимость является их определяющей характеристикой.

Современная лингвистическая традиция обосновывает собственную систему классификации пословиц и поговорок как самостоятельную категорию внутри фразеологических единиц, отделяющую их от устойчивых выражений. Современные исследования фразеологии согласны с этой классификацией. Например, выражения типа «бить баклуши» (бездельничать) относятся к классическим фразеологическим выражениям, а пословица «Тише едешь – дальше будешь» – к особой категории, сочетающей в себе устойчивость, образность и назидательность.

Многие учёные, в том числе С.И. Ожегов и А.И. Молотков с Ю.А. Гвоздаревым, не признают, что поговорки и пословицы являются частью фразеологии. Они считают, что объединение разнородных языковых явлений

(например, идиомы «бежать сломя голову» и пословицы «Семеро одного не ждут») на основе критерия воспроизводимости размывает границы дисциплины. Пословицы выступают как отдельные высказывания, которые, по мнению этих специалистов, не соответствуют языковой номинативной системе фразеологических выражений. Например, выражение «водить за нос» (обманывать) функционирует как часть предложения, а пословица «Не рой яму другому – сам в неё попадёшь» является самостоятельным суждением.

В своей компромиссной методике Л.Б. Савенкова предлагает рассматривать пословицы и поговорки как самостоятельные языковые единицы, обладающие устойчивостью (например «Любишь кататься, люби и саночки возить» охраняла свой первоначальный вид с древних времен); воспроизводимостью, дидактизмом, назидательностью и пр.

По её мнению, контекст обеспечивает дополнительную поддержку, которая усиливает дидактический характер пословиц: «Безусловно, было бы неправомерно заявить, что каждое употребление паремии в речи предполагает обязательную назидательность. Скорее, можно утверждать, что в дискурсе для каждой пословицы и поговорки возможен контекст дидактического характера» [113, 67].

Н.Н. Амосова отвергает идею о включении пословиц и поговорок в фразеологию, аргументируя тем, что только словосочетание, а не предложение, может быть фразеологизмом. Она включает во фразеологию лишь те единицы, которые «выступают в речи с присущей фразеологизмам функцией единицы номинации или, во всяком случае, не являются единицей коммуникации» [Амосова, 1963].

Важно отметить, что пословицы и поговорки отличаются от фразеологизмов своей синтаксической законченностью и смысловой природой. Пословицы представляют собой грамматически оформленные суждения, в то время как фразеологизмы обладают лексическим значением.

Различные научные дисциплины, включая фольклористику, лингвистику, поэтику и историю, изучают пословицы и поговорки с разных точек зрения и

подходят к их определению с учётом своих особенностей и задач. Некоторые исследователи сосредотачиваются на синтаксической организации пословиц и поговорок, выделяя определённые синтаксические конструкции. Однако для полного понимания пословиц и поговорок необходимо обращаться также к их структурно–семантической модели, учитывая как форму, так и смысловое содержание.

По мнению В.П. Аникина, «пословица — это обобщённая мысль народа, выраженная в краткой поэтической форме и обладающая самостоятельностью полного и законченного суждения. В пословичном суждении сосредоточено содержание обширной речи, могущей возникнуть по его поводу, суть её» [4, 5].

Однако Л.Б. Савенкова указывает на возможные проблемы и разногласия в определении пословицы и поговорки. Она отмечает, что не все пословицы и поговорки обязательно обладают иносказательностью и высказывает сомнения относительно утверждения о большей конкретности поговорки по сравнению с пословицей [113, 277].

Несмотря на довольно широкий диапазон мнений по данной проблеме, можно выделить некоторые общие черты этих языковых явлений. Пословица — это краткое, устойчивое и ритмически организованное изречение, которое обобщает конкретную ситуацию и обладает способностью к многозначному употреблению. Поговорка, в свою очередь, является широко распространённым выражением, образно определяющим жизненное явление и обычно сопровождаемым эмоционально–экспрессивной оценкой. Она чаще всего является частью суждения и отличается от пословицы своей конкретной темой, образом и формой.

В итоге, хотя точные границы между пословицей, поговоркой и паремией могут быть не всегда чётко определены, исследования и точки зрения учёных позволяют лучше понять их сущность и особенности использования в речи. Эти термины являются важными элементами фольклора и языка, представляя собой устойчивые выражения, которые передают определённые мысли, суждения и эмоциональные оттенки.

Рассмотрим иные точки зрения учёных, которые стремятся разграничить пословицы и поговорки не только по формальным признакам. М.А. Рыбникова считала, что «Поговорка — это оборот речи, выражение, элемент суждения. Пословица — законченное суждение, завершённая мысль» [112, 17]. Такое определение М.А. Рыбниковой не устанавливает различий в законах функционирования этих структур в речи.

А.И. Молотков писал: «общие проблемы фразеологии русского языка на уровне современных знаний фразеологии могут быть сформулированы так: 1) определение языковой природы фразеологизма, 2) историко-временная и стилистическая характеристика фразеологизмов, 3) уяснение закономерностей употребления фразеологизмов в речи» [166, 7].

Л.Б. Савенкова в своём исследовании устанавливает, что пословицы наиболее близки к поговоркам структурно и функционально, а различаются они метафорическим смысловым потенциалом и более широким абстрактным семантическим содержанием [113, 67].

Проведённый анализ различных точек зрения позволяет сформулировать следующие функциональные определения отличительных признаков паремий от пословиц и поговорок. Термин «паремии» включает в себя как пословицы, так и поговорки, которые являются устоявшимися словесными выражениями, часто используемыми людьми в разговоре для обмена обобщёнными понятиями. Пословица представляет собой последовательное высказывание, содержащее общее смысловое наполнение как в буквальном, так и в переносном значении. Структурная последовательность поговорки совпадает с внешним видом, но весь общий смысл она приобретает при буквальном толковании.

Вопрос о том, следует ли относить пословицы и поговорки к языковым знакам или ограничить область языковых знаков только словами и фразеологическими единицами, остается дискуссионным в современной науке. В.Н. Телия [1966] выделяет функциональную самостоятельность пословицы и рассматривает её как предикативную единицу, связанную с логической

сущностью. Ю.А. Гвоздарев указывает на особенности функционирования пословицы в тексте и её изолированность как отдельного предложения [16, 44].

Языковые знаки, составляющие пословицы и поговорки, существуют самостоятельно как семантические, структурные и функциональные единицы. Они используют метафору и образность в определенных контекстах для передачи моральных и жизненных истин через самостоятельные единицы коммуникации. А.А. Потебня описывает широкую сферу их применения, но в то же время предполагает, что их использование зависит от конкретных ситуаций, подобно басням [107, 94]. Семантические значения этих выражений зависят от контекста, и такие языковые формы могут исчезнуть, если люди не будут продолжать их использовать. Функции пословиц включают предикацию и номинализацию, согласно Л.Б. Савенковой, которая описывает их как концептуальные метки [113, 84]. Исследовательское сообщество нуждается в дополнительном изучении сложной семиотической природы пословиц, поскольку их роль в языковой динамике по-прежнему остаётся неопределённой.

Пословицы и поговорки являются номинативными единицами, которые имеют обобщённый образ и могут быть использованы в различных коммуникативных ситуациях. Они обладают предикативностью, то есть содержат определённое суждение, и могут использоваться для обозначения конкретных понятий и явлений. Однако, их понимание может быть усложнено в отсутствие контекста, и с течением времени они могут потерять свою активность и стать менее употребительными.

Анализ знаков, к которым относятся слова, фразы, пословицы и поговорки, использует три специфических слоя значения, включая денотативный семантический и экспрессивный. Различные смысловые слои вместе определяют способ доставки информации и передачи понятий, а также порождают эмоции.

Знаки получают физические связи с объектами реального мира в качестве своего самого основного значения через денотацию. Например, слово «дерево» денотативно обозначает высокое растение со стволом и ветвями. Денотативное

значение обеспечивает конкретную реальную основу, которая устанавливает буквальное значение знаков как их основную референтную точку.

Семантический слой выходит за пределы базовой референции и определяет концептуальные особенности вместе с приписываемыми качествами, которые связываются со знаком. Люди используют своё понимание для определения контекста фундаментальной сущности каждого знака. Языковое кодирование абстрактных понятий и культурных знаний с помощью метафорических связей происходит, в частности, при выражении идиоматических выражений, пословиц и поговорок.

Эмоциональные и мировоззренческие аспекты, которые передаёт знак, составляют основу этого смыслового измерения. Через знаки можно почувствовать скрытые эмоциональные состояния и намерения говорящего, а также риторический уровень голоса. Например, восклицание «Какой шедевр!» несёт в себе экспрессивное значение через тон восхищения. В пословицах экспрессивное значение может усиливать моральную актуальность или культурные ценности.

Знак получает фактическую ссылку через денотативное значение, семантическое значение расширяет его через концептуальное измерение, а экспрессивное значение добавляет эмоциональную и оценочную значимость. Любая знаковая система объединяет три оперативных слоя для достижения гибкой коммуникации между буквальной, интеллектуальной и эмоциональной областями.

Различные традиции и подходы в логике, философии и лингвистике предлагают разные определения понятия «знак». Ч. Моррис и Ф. де Соссюр определяют знак как некий материальный носитель, представляющий другую сущность. Е.С. Кубрякова рассматривает знак как единство материальной формы и содержания, которое интерпретируется в языковом коллективе [Кубрякова 1993].

Таким образом, пословицы и поговорки, как часть языка и культуры, являются знаками с многомерным значением. Они обладают смысловым и

экспрессивным значением, способны выражать определённые истины и передавать эмоциональные оттенки. Исследование и анализ знаковой природы пословиц и поговорок позволяют более полно понять их роль в коммуникации и смысловой организации речи.

Основываясь на формальных и смысловых признаках пословиц и поговорок, современные лингвисты исследуют паремии без необходимости привлечения характеристик фразеологических выражений. Однако в некоторых случаях особенности фразеологизмов всё же учитываются исследователями

В контексте изучения пословиц и поговорок существует дискуссия относительно их статуса как языковых или речевых единиц. Однако множество языковедов, включая В.В. Виноградова, В.Л. Архангельского, Г.Л. Пермякова, Л.Б. Савенкову и других, придерживаются точки зрения о том, что пословицы могут быть отнесены к языковым единицам, а не только к речевым.

Г.Л. Пермяков классифицирует пословицы и поговорки на основе степени их обобщённости. Он выделяет два класса: частные предложения, которые описывают конкретные события, и обобщённые предложения, которые сообщают о закономерностях, правилах или обычаях. Таким образом, исследователь рассматривает пословицы и поговорки как паремиологические знаки, что подтверждает их сходство с другими языковыми знаками, такими как слово и фразеологическая единица.

В ходе исследования пословиц и поговорок учёные выделяют их языковую природу и классифицируют их в качестве языковых знаков. Одновременно они также признают присутствие текстовых особенностей в пословицах, которые расширяют их смысловые возможности и контексты использования.

Пословицы и поговорки, рассматриваемые как вторичные языковые знаки, играют важную роль в отражении концептуальной картине мира и национальной культуры носителей языка. Этот паремиологический фонд представляет собой особый слой языка, который отражает специфическое мировосприятие и ценности общества.

1.4.2. Пословицы и поговорки как репрезентанты концептуальной и языковой картины мира

Пословицы и поговорки как нельзя лучше раскрывают фундаментальные общественные понятия, заложенные в ту или иную эпоху. Лингвистическая наука активно изучает механизмы, с помощью которых слова и грамматические модели в речевых системах отображают информацию об окружающем мире, чтобы облегчить механизмы осознания для идентификации экстралингвистических свойств, а также системных отношений. Языковые системы содержат в себе слова и структуры, которые являются базовой концептуальной перспективой, известной как языковая картина мира. Как когнитивный продукт человеческого разума язык отражает концептуальную организацию человека, которая проявляется и сохраняется в языковых системах.

Исследователи, в том числе В. Гумбольдт, отмечают, что язык играет важную роль в мышлении, познании, культуре и цивилизации. Язык – это то же самое, что жизнь и характер людей, через которые отражается концептуальный взгляд на мир. Однако здесь необходимо отметить, что, хотя язык и мышление – два тесно связанных процесса, их можно и нужно различать. Из этого вытекают понятия концептуальной и языковой картин мира, которые им свойственны.

В этом контексте важнейшими инструментами передачи культурных и языковых знаний считаются пословицы и поговорки, которые в совокупности представляют собой специфические ценностные ориентиры и убеждения, отражающие особенности национальной культуры. Ведь именно в языковой образности и семантике пословиц заключены идеи и послания, нормы и традиции, запечатлённые в том или ином социуме. Поэтому изучение пословиц не только способствует познанию мировоззрения определенной культуры, но и позволяет понять менталитет и даже историю народа, который к ней принадлежит.

Пословицы и поговорки являются неотъемлемой частью культурного опыта и знаний людей, ключевым элементом мудрости и культурного наследия народа.

Анализ паремиологических единиц позволяет выявить особенности в определении языковой картины мира. Это связано с тем, что семантика паремий очень тесно связана с реальностью и личным опытом, а также с особенностями культуры народа, к которому принадлежат паремии, посредством которых выражаются представления о человеке, его быте, деятельности, культуре и т.д.

Однако анализ языковой картины мира через паремии предполагает понимание того, что их семантика антропоцентрична. Таким образом, мировоззрение, просеянное через язык, пословицы и поговорки, включает в себя знания и опыт, основанные на религиозной концепции человека, мифологии, философии, науке и искусстве.

Антропологический взгляд на паремиологические выражения, составляющие языковую картину мира, как на объект исследования позволяет глубже изучить взаимосвязанную природу языка и культуры. В той мере, в какой паремии функционируют как средство взаимодействия или инструмент взаимодействия, они также отражают ценности, нормы, установки обществ, в которых они находятся.

Паремиология представляет собой интерес к исследованию факторов, которые в наибольшей степени связаны с опытом, восприятием, оценкой мира и чертами личности. С точки зрения концептуальной картины мира, пословицы являются одним из самых ярких проявлений народной мудрости. В них предки передали свой жизненный опыт в виде кратких афоризмов, которые дают представление о восприятии и оценке окружающего мира.

Особый интерес представляют пословицы с определёнными национально-культурными акцентами и отсылками, апеллирующие к именам собственным, географической ориентации, национальности, истории и материальной культуре. В них также отражается «духовная культура», включающая в себя системы моральных, этических и эстетических ценностей, присущих тому или иному обществу.

При анализе языковой картины мира, передаваемой пословицами, выделяются две ключевые характеристики: антропоцентричность и ценностная

ориентация. Это гуманистический взгляд на мир, поскольку в нём акцент делается на том, что чувствует и думает человек. Паремии призваны передать мысли, касающиеся ценностей, и/или рекомендации по правильному поведению в различных жизненных ситуациях.

Например, изучая концепт «труд» в русской и таджикской паремиологии, мы видим, что труд описывается не только как обязательное условие человеческой жизни, но и как активная деятельность, требующая усилий, а также способ добиться уважения в обществе и получить моральное удовлетворение: *Труд при учении скучен, да плод от учения вкусен. Что потрудился, то и поел. Посеешь впору, соберёшь зерна гору. Где работа, там и густо, а в ленивом доме пусто. Рукам работа – душе праздник – Ба роҳате нарасид он, ки заҳмате накашид (Хафиз) – Если вы не работали ни дня в своей жизни, вы никогда не узнаете, что такое отдых. Зи осонӣ наёяд шодкомӣ, Зи беранҷӣ наёяд некномӣ (Гургони) – Радость не приходит легко, Нерадивость не приносит доброго имени. Бе заҳмат гул ба даст намеояд (буквально: «Без труда цветок в руки не приходит»). Аз меҳнат ганҷ барояд. (буквально: «Из труда рождается сокровище»). Кор донӣ – нон ёбӣ (буквально: «Знаешь работу – найдёшь хлеб»). Касе, ки кор мекунад, обрӯӣ меёбад – Человек, который трудится, приобретает уважение. Меҳнат беҳ аз зар – Труд лучше золота.*

Многие учёные уделяют большое внимание процессу обогащения языка, особенно с помощью пословиц, отмечая, что они уходят корнями в сказки, басни, легенды и другие виды народных повествований. Наконец, пословицы часто переходят из одного языка в другой, дополняя языковую картину мира. Важно также отметить, что некоторые пословицы могут быть заимствованы из литературных произведений, возникать на основе комических или анекдотических ситуаций, событий из быта и хозяйственной жизни людей. Но, независимо от их источника происхождения, пословица станет таковой лишь после того, как станет живым фактом языка.

Анализируя паремиологические единицы, можно определить особенности языковой картины мира как отражение антропологических факторов языка и его

взаимодействия с культурой и отношением к миру. То есть пословицы как средства коммуникации также имеют первостепенное значение для формирования категориальной картины мира и воплощают в себе определённые ценности и установки сообщества.

В рамках данной работы будет рассмотрена языковая картина мира русского и таджикского народов как совокупность представлений и понятий, бытующих в сознании русского и таджикского языкового сообщества. Картину мира можно рассматривать как идеал понятий и представлений и как выразительную форму, проявляющуюся в лексических моделях языка.

Языковая картина мира, передаваемая через пословицы и поговорки, воплощает в себе менталитет конкретного языкового сообщества. Его можно понимать как явление, присутствующее в сознании отдельного человека (личное мировоззрение), или как коллективное отражение менталитета, разделяемого большей группой, например, социальным классом или национальным сообществом (коллективное языковое мировоззрение). Эти две языковые картины мира дополняют друг друга

Современная лингвистика и сравнительная филология придают большое значение исследованию языка народа, жанров и видов его фольклора. Относительно новое направление исследований – лингвофольклористика – опирается на труды А.Н. Афанасьева и А.А. Потебни и даёт наиболее подробные сведения о семантике и структуре лексики фольклора, терминов и словосочетаний, о синтаксической организации устно-поэтической речи, об свойствах фольклорных жанров, отличающих их от других жанров искусства.

Изучение языковой картины мира, формируемой паремиями, является теоретической проблемой, которая требует нового осмысления в контексте современных требований и объективных изменений в мире. Паремии играют важную роль в формировании языковой и концептуальной картин мира, отражая ценности и нравственные принципы общества.

Фольклорная мудрость, заключённая в паремиях, имеет всеобщее значение и потенциально доступна каждому человеку. Народная мудрость находит своё

выражение в различных жанрах фольклора, подобно акту духовного творчества. Язык фиксирует разнообразные нравственные нормы, которые меняются в контексте социальных и духовных изменений. Эволюция моральных устоев тесно связана с языком, который является своеобразным «банком данных», содержащим накопленную этносом информацию. Язык занимает первостепенное место по содержательности и точности информации о нравственном сознании, являясь важнейшим средством сохранения и передачи общественного и личностного духовного наследия.

В последние годы лингвистические исследования подняли изучение отношений между языком и человеком на более высокий уровень. Язык служит не просто средством общения, он представляет собой важнейшее зеркало когнитивных и культурных аспектов человека, его практической деятельности и духовной сферы. Эта развивающаяся перспектива привела к появлению антропологической парадигмы в лингвистических исследованиях, делающей акцент на изучение во многом неизведанного семантического «пространства». Включение человеческих характеристик остаётся главным приоритетом филологии в изучении онтологии языка. Лингвистические структуры получают новую интерпретацию благодаря этой методологии, которая позволяет вести исследовательский диалог с когнитивной наукой, антропологией и социологией.

Рамки исследования сосредоточены на детальном анализе русского и таджикского языкового наследия через культурную лингвистическую интерпретацию. Традиционные пословицы и поговорки позволяют проследить, как в этих выражениях проявляются общие ценности и особые взгляды, объединяющие целые сообщества. Эти выражения функционируют как ориентиры, направляющие как принятие исторических решений, так и рациональные действия, демонстрирующие знание как прошлого опыта, так и нынешних реалий. Эти аналитические рамки предлагают два различных подхода к восприятию родного языка – убеждение, что грамматика позволяет естественным образом интерпретировать все элементы окружающей среды, или альтернативное понимание, которое объясняет языковые системы через

культурное суждение о важных элементах, создающих устойчивые индикаторы реальности.

Изучение пословиц и поговорок с их языковыми и культурными связями даёт важные знания о мудрости, присущей языковым сообществам. Семантическая классификация языковых знаков и паремий предоставляет исследователям особенно эффективные методы исследования. Эта стратегия постоянно представляет культурную практику и взгляды носителей языка, а также их повседневную жизнь, что позволяет лучше понять когнитивные и культурные коды, которые они используют. Развитие новых технологий корпусной лингвистики и цифровых гуманитарных наук предлагает исследователям эффективные методы анализа обширных текстовых документов, таких как наборы пословиц. Автоматизация обработки текстов и связанных с ними задач с помощью этих технологических систем приводит к быстрым и более совершенным результатам исследований.

Сочетание решений машинного обучения со статистическими оценками и визуализацией данных помогает исследователям находить скрытые закономерности, включающие колебания частоты слов и семантических элементов пословиц, а также временные сдвиги в их использовании и значениях. Подходящий культурный анализ позволяет исследователям отслеживать трансформацию устойчивых нарративов, которые появляются в языке благодаря изменениям исторического контекста, а также социальных и культурных парадигм.

В современной лингвистике термин «концептуальный анализ» не имеет стандартного определения, поэтому методы интерпретации у разных исследователей сильно различаются. Основная задача – разработать толкование слов, обозначающих культурные концепты, и понять, как носители языка интерпретируют их обстоятельства.

Оценка образных компонентов в фольклористике способствует более глубокому пониманию формирования культурно-языкового кода и распространения национальной идентичности. Сопоставление русского и

таджикского фольклора с помощью этого метода показывает универсальные когнитивные модели в фольклоре и культурное своеобразие языковых сообществ, демонстрируя динамику культурного обмена.

Концепт — это объективная/субъективная реальность, состоящая из множества компонентов, образующих набор концептуальных атрибутов, которые охватывают отдельные характеристики содержания. Для проведения тщательного и комплексного концептуального анализа важно учитывать внутреннюю структуру концепта, то есть ядро и периферию.

Ядро — это внутренний слой, который кодирует основной образ концепта и содержит различные когнитивные слои и сегменты, которые в совокупности определяют его когнитивные свойства. Эти свойства являются основными составляющими, которые кодируют природу концепта. Например, понятие свободы может включать такие компоненты, как автономия, свобода от ограничений и самооффективность.

В отличие от этого, периферия концепта состоит из довольно неструктурированных предикаций, которые придают смысл данному концептуальному атрибуту и его отношениям с другими. Эти представления в значительной степени обусловлены культурными и социальными факторами и влияют на их понимание в рамках сообщества. Например, понятие справедливости может по-разному интерпретироваться в разных культурах: в одних обществах акцент делается на справедливости и равенстве, в других — на возмездии или реструкции.

На границах концептуального поля находятся несколько определений, интерпретаций и репрезентаций, которые часто представлены в виде притч, афоризмов, аллегорий, художественной или научной прозы. Эти периферийные компоненты дополняют концепт, предлагая альтернативные взгляды и расширяя понимание.

Концептуальный анализ становится важной частью анализа, ориентированного на языковые знаки и паремиологические единицы, а также на образы мира, присущие сознанию носителей того или иного языка. Он

расширяет наши знания о связи языка и культуры, способствуя познанию менталитета и ценностей определённых языковых групп.

Он помогает обеспечить информативность в интерпретации языка, особенно в изучении паремий. В паремиях народные знания и ориентации конденсируются в формульных высказываниях, охватывающих как операциональные или ангажированные знания о реальности, так и эмпирические или воплощённые знания о мире. Они представляют собой «сохранённое» понимание концепций, сформированное и преобразованное с течением времени под влиянием таких факторов, как местоположение, исторический контекст и обстоятельства, влияющие на выражение концептуальных идей в жизни людей.

Мы придерживаемся точки зрения исследователей, которые утверждают, что понятие как аналитический инструмент в логике обладает чёткими и определёнными границами. Концепт можно описать как понятие, уточнённое и структурированное наукой. Оно служит фундаментальной единицей научного мировоззрения, а также функционирует как единица наивного мировоззрения, которое лежит в основе лингвистического мировоззрения. Кроме того, концепты выражаются вербально с помощью различных языковых элементов, таких как лексемы, фразеологические единицы, пословицы, поговорки и афоризмы. Изучение способов вербализации концептов с помощью различных языковых средств – один из наиболее эффективных подходов к раскрытию их содержания.

Следовательно, концептуальный анализ в паремиологии позволяет раскрыть связь между паремиями и концептами, анализировать их семантику, прагматику и культурную значимость. Это помогает лучше понять культуру, мировоззрение и ценности определённой языковой общности.

Выводы по первой главе

Язык функционирует как общее средство трансляции нашего миропонимания, через которое мы проявляем наше базовое когнитивное понимание реальности. Развитие и эволюция мировоззрения в значительной степени зависят от функции языка.

Лингвокультурология рассматривает фундаментальные принципы и систематические методы, раскрывающие культурные идеи через язык. Фразеология остается в центре внимания этой научной дисциплины при изучении культурных контекстов. Преобразование культурной информации, содержащейся в вербальных фразах, начинается с сопоставления лингвистических показателей с элементами культурного сигнификата.

Оценка выражения концептов в различных языковых системах служит эффективным методом извлечения концептуального содержания. Современные исследования в области когнитивной лингвистики достигли значительных успехов, однако исследователям ещё предстоит завершить изучение концептуального понимания как специализированной ментальной сущности.

Первая глава нашего исследования посвящена изучению теоретических концепций, связанных с темой языковой картины мира, универсального предметного кода и других основополагающих идей. Такие идеи, как картина мира, привлекли к себе внимание в XX веке и впоследствии исследовались в рамках большого количества различных дисциплин, включая философию, религию, физику, лингвокультурологию и когнитивную лингвистику. Такие философы, как Вильгельм фон Гумбольдт, Людвиг Витгенштейн, Карл Ясперс и Ян Лео Вайсгербер, заложили прочную основу для понимания того, как люди интерпретируют и воспринимают мир в целом. Если в области физики такие фигуры, как Густав Герцль и Макс Планк, внесли свой вклад, выявив взаимосвязь научного поиска и концептуализации реальности, то в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии такие учёные, как Е. С. Кубрякова, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, З. Д. Попова и В. А. Маслова провели исследования, которые позволили прочно закрепить идеи этих концепций в рамках дискурса о восприятии языка, культуры и познания, а значит, и мира в целом. В данной главе подробно рассмотрены ключевые аспекты концепций когнитивной лингвистики, включая картину мира, научную картину мира, языковую картину мира, национально–лингвистическую картину мира и когнитивную картину мира.

Значительный вклад таджикских учёных в когнитивную лингвистику и лингвокультурологию отражён в ряде исследований, посвящённых изучению ключевых культурных концептов. В рамках таджикской лингвистической традиции сформировался особый исследовательский подход, объединяющий классические методы семантического и фразеологического анализа с современными когнитивными и психолингвистическими методиками. Так, М.М. Имомзода впервые провёл системный анализ концепта «семья» в рамках таджикско–китайской концептуальной системы, а М.Б. Давлатмирова исследовала этнокультурную специфику макроконцепта «судьба» в трёх языковых системах.

Важным достижением таджикских лингвистов стало углублённое сопоставительное изучение фундаментальных концептов. Ш.К. Фозилова провела первое многоаспектное исследование репрезентации «богатства» в таджикской, русской и английской лингвокультурах, показав его связь с национальным мировоззрением. М.Д. Мамедова разработала инновационную методику исследования антонимичных концептов «ум» и «глупость» в русском и китайском языковом сознании. А.Н. Бойматова продемонстрировала эффективность многоуровневого аналитического подхода в исследовании эстетического концепта «красота», применив дефиниционный, контекстуальный и паремиологический анализ.

Определяющей чертой современных таджикских лингвистических исследований является интеграция передовых методологических стратегий. Х.Х. Курбонова успешно применила лингвокультурологический подход В.И. Карасика наряду с когнитивными методами при изучении концепта «терпение». М.М. Бобоев представил комплексный психолингвистический подход к анализу перцептивного концепта «запах», объединив традиционное лингвистическое исследование с экспериментальной методикой.

Результаты этих исследований имеют важное теоретическое значение для развития когнитивной лингвистики, позволяя глубже понять механизмы концептуализации и национальную специфику языковых картин мира. Кроме

того, их практическая значимость распространяется на межкультурную коммуникацию, переводоведение и языковое образование. Будущие направления исследований включают изучение трансформации концептов в контексте глобализации и цифрофизации, а также исследование малоизученных аспектов таджикского языкового сознания. Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод, что таджикская лингвистическая школа продолжает развивать оригинальные исследовательские парадигмы, внося значимый вклад в лингвистическую науку.

Картина мира формируется в национальном языке через его уникальные элементы, поскольку в этих языковых выражениях сохраняется социально-исторический опыт конкретного сообщества. Эти особенности придают особую «окраску» восприятию мира, формируя национальное значение, придаваемое предметам, явлениям и процессам. Своеобразие деятельности и образа жизни людей, а также их культурные традиции определяют то, что влияет на национальную значимость.

Отсутствие единого определения термина «концепт» указывает на его сложность и многомерность. С точки зрения эволюции концепты неограниченно расширяются, но сохраняют устойчивые элементы, которые представляют собой прогрессивное накопление знаний человеком.

Лингвокультурология как новейшая область этнолингвистики сосредоточена на осмыслении и описании сложных отношений, существующих между языком и культурой, этносом и коллективным менталитетом в различных языковых и культурных сообществах.

В первой главе исследования даётся комплексное представление о паремиях как языковых выражениях и их взаимосвязи с культурными концептами, а также демонстрируется их ценность для анализа культурного мировоззрения. Результаты исследования служат важнейшей основой для будущих паремиологических и культурологических изысканий.

ГЛАВА II. ЛЕКСИКО–СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ТРУД/МЕХНАТ» В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Концепт «труд» входит в область национальной концептосферы любого языка, выражая значение физического или умственного напряжения, затраченного для достижения цели или выполнения задачи.

В психологии «труд» рассматривается как основополагающий элемент личностного развития и самореализации. Она требует затрат энергии, времени и упорства, а также самоотдачи, что играет роль в достижении целей, личностном развитии и росте.

Труд обладает двумя характеристиками – положительную, демонстрирующую способность создавать продуктивность работы в сочетании с затратами времени и усилий для достижения желаемых результатов. И отрицательную – это усталость, трудности и препятствия, возникающие в процессе работы.

Концепт «труд» многогранен и содержит значительные сложности с философской, лингвистической и культурно–языковой точек зрения. В современном обществе крайне важно понимать концепт «труд» и признавать его роль как краеугольного камня успеха и прогресса.

Научное изучение концепта «труд» имеет долгую и богатую историю, многочисленные исследования и подходы освещают его различные аспекты. На протяжении веков философы, социологи, психологи, экономисты и другие учёные рассматривали «труд» в разных ракурсах и парадигмах, значительно расширив наше понимание этого важнейшего понятия.

Уже в древности величайшие умы того времени понимали важность труда в жизни человека. Платон и Аристотель – два выдающихся греческих философа, которые считали, что работа является важной частью жизни и личного характера.

В эпоху Средневековья труд был связан с религией и этикой в равной степени. Как и в христианстве, труд рассматривался как позитивное действие, которое приносит духовное развитие и пользу ближнему.

Адам Смит, положивший начало XVIII и XIX векам с промышленной революцией, определил труд как основную тему экономического анализа.

Современное мировоззрение, культурная идентичность и языковая перспектива таджикского народа глубоко укоренены в философском и поэтическом наследии, которое на протяжении веков культивировали великие персидские мыслители. Их мудрость не просто сохранилась в классических текстах – она стала неотъемлемой частью таджикского восприятия мира. Когда Фирдоуси восхвалял профессиональное мастерство как высшую добродетель, когда Хайям размышлял о труде как о средстве наполнения жизни смыслом, когда Саади сформулировал этические принципы профессионального поведения, а Руми возвёл повседневный труд в ранг духовной практики, они заложили интеллектуальный и нравственный фундамент, который и сегодня формирует самосознание таджиков.

Эти понятия уже не являются абстрактными философскими концепциями, они превратились в культурные коды, определяющие суть таджикского мировоззрения. В таджикской традиции труд — это не просто экономическая необходимость, а моральный долг и путь к личностному росту. Профессиональное мастерство ценится не только за его практическую пользу, но и как выражение служения высшим идеалам. Сам таджикский язык отражает эти глубокие смыслы – пословицы и поговорки, связанные с работой, часто несут в себе отголоски многовековой мудрости, усиливая непреходящее влияние этого наследия.

Философское наследие персидской классической мысли продолжает определять то, как таджики строят свои социальные отношения, передают знания из поколения в поколение и интерпретируют человеческую судьбу. Это не статичный пережиток прошлого, а живая традиция, которая, адаптируясь к современным реалиям, сохраняет свою фундаментальную сущность. Таким образом, любое обсуждение таджикской культуры и мировоззрения неизбежно приводит к основополагающим идеям, заложенным великими мыслителями

прошлого – идеям, которые на протяжении всей истории демонстрировали свою жизнестойкость и непреходящую актуальность.

В XX веке теория и изучение «труда» развивались, приобретая новые направления и подходы. В социологии и марксистской теории «труд» анализировался с точки зрения классовой борьбы и эксплуатации. Маркс и Энгельс акцентировали внимание на роль труда в создании стоимости, меновой стоимости товаров и капиталистической эксплуатации рабочего класса.

В психологии труд был признан ключевым фактором развития личности. Такие психологи, как Лев Выготский и Михай Чиксентмихайи, исследовали концепцию труда в связи с саморазвитием, самоактуализацией и стремлением к счастью.

Современные исследования «труда» охватывают различные дисциплины, включая социологию, психологию, экономику, философию и другие. Эти исследования изучают влияние труда на здоровье, благополучие, социальные отношения, смысл жизни и другие аспекты человеческого существования.

Исследователи также изучали культурные и социальные аспекты понятия «труд». Они изучали его связь с национальной идентичностью, этическими ценностями и менталитетом народа.

Психологическая картина и основные ценности систем ценностей, а также старые традиции и обычаи составляют то, что мы понимаем как национальный характер. Самобытность и уникальность нации является результатом взаимодействия климатических условий и географического ландшафта, а также исторических преобразований и религиозных традиций, что приводит к появлению её отличительных культурных проявлений через язык и модели общения [148, 51–58].

Исследования показывают, что культурные явления на самом широком уровне оказывают значительное влияние на формирование психологических различий между разными этническими группами. Национальные обычаи и традиционные практики возникают в результате исторических событий, а также природно-климатических и социально-экономических условий. Своеобразный

исторический путь, пройденный Россией, создал особые трудовые уклады, которые чётко определили, как русский народ выражает своё мировоззрение в языке.

Сфера сельского хозяйства на протяжении истории и до наших дней является для России основной отраслью производства, в которой занято огромное количество людей. По данным переписи 1926 года, в городах проживало всего 18 процентов населения России. По словам Лурье (2003), в России начала XXI века многие жители сохраняли сельский образ жизни.

Трудоёмкость и переменчивость погодных условий традиционного сельского хозяйства выработали особое отношение к трудовым обязанностям крестьян. Короткое, порою дождливое лето, затяжная зима требовали от них выполнения множества сельхозработ в очень сжатые сроки, их жизнь зависела от того, смогут ли они собрать урожай, чтобы не умереть с голоду. Как отмечал Ключевский (1987, т. 1, 385–386), «ни один народ в Европе не способен к такому напряженному труду в течение короткого времени, какой может выработать великорусский...»

В географических и климатических условиях России для того, чтобы выжить, людям приходилось взаимодействовать друг с другом, помогая и поддерживая, т.е. жить и трудиться в коллективном сообществе.

Традиционная социальная структура России нашла свое выражение в бесчисленных пословицах, которые дают обширное представление о русских культурных и социальных нормах: *Артель дружбой крепка. Верёвка крепка с повивкою, а человек – с помощью. Дружный табун волков не боится. Один и камень не сдвинешь, а артелью и гору поднимаешь.*

В таджикской языковой картине мира концепт «меҳнат»/ труд» играет одну из центральных ролей и имеет специфические культурно–языковые особенности, которые тесно связаны с национальными ценностями, историческим развитием и религиозными представлениями.

Таджикское слово «меҳнат» имеет арабские корни, но со временем оно приобрело свой собственный уникальный культурный смысл. В таджикской

культурной мудрости жизненная природа труда выходит за рамки ручного труда, поскольку включает в себя всю человеческую деятельность от тела до разума: «труд/мехнат» представляет собой уважение и достоинство, а также даёт возможность внести вклад в жизнь общества своими усилиями: *Риштаи сетора ба зудӣ канда намешавад (Сплетённую втрое нитку просто так не порвёшь). Чун ёр аҳл бошад, кор сахл аст (Легко дело спорится, коли друзья в согласии).*

В рамках исламской традиции труд функционирует как деятельность, приносящая удовольствие Богу, и составляет основу таджикских культурных представлений о труде. Исламская традиция учит, что труд служит как для зарабатывания на жизнь, так и для развития личных качеств. В своих традиционных пословицах и поговорках таджики обычно выражают труд как процесс развития, который ведёт к удаче и довольству: *Ҳалол меҳнат кард, аз меҳнати ҳалол барака меёбад. (Тот, кто трудится честно, обретает благодать от своего труда). Кадом меҳнат? Мо ҳанӯз меҳнат накардаем ва барои ҳамин ҳам коре нашуд. Агар дуруст меҳнат мекардем, дасти мо боло буд (Какой труд? Мы до сих пор ничего не сделали, поэтому ничего и не получилось в итоге. Если бы потрудились на славу, чего-нибудь и достигли бы).*

В таджикском языке и культурных нормах работа имеет положительные ассоциации. Люди рассматривают труд как способность, развивающую общество и одновременно укрепляющую семейные отношения. Люди добиваются уважения в обществе благодаря самоотверженному труду. Поговорки и пословицы отражают это отношение: *Ганҷ бе мору гул бе хор намешавад (не бывает сокровищницы без змеи, а цветов без шипов) – спокойно сидеть – цели не добиться. Ганҷи беранҷ надидааст касе, Гули бехор начидааст касе (Нет достатка и сокровищ без труда, может быть розы без шипов). Гар ту кунӣ ҳаракат, ёбӣ зари пурқимат (Будешь трудиться не покладая рук, обретёшь достаток).*

Концепт «мехнат» в таджикском языке отражает национальную специфику, основанную на историческом опыте, исламских ценностях и культурных традициях. Исследование даёт возможность осмыслить

национальные философские воззрения таджиков, в которых труд и его этические принципы рассматриваются как фундаментальная потребность и одно из высоконравственных качеств человека.

Нравственная культура любой этнической общности выделяет труд в качестве своего фундаментального ядра, поскольку он раскрывает её мировоззрение вместе с ценностями и ментальными рамками. В разных культурах и языковых пространствах труд признаётся основополагающей и важнейшей человеческой категорией в их универсальном понимании.

Целенаправленный исторический анализ показывает, как природные факторы (географические и климатические условия) в сочетании с религиозными воззрениями формировали основные черты русского и таджикского национального менталитета в отношении к труду.

Понятие «труд» широко изучалось многими российскими учёными, в том числе Н.А. Косенко, Е.В. Ганапольской, М.А. Ерёминой, Г.В. Токаревым, К.Е. Нагаевой, О.Е. Черновой, Л.В. Басовой, Т.А. Островской и другими. В ходе многоаспектных исследований они определили комплексный характер труда через паремиологические и фразеологические, лексические и афористические исследования.

Т.А. Островская рассмотрела концепт «труд» в русском и американском культурных контекстах, проанализировав его выражение в поговорках, лексических единицах и фразеологизмах [93].

Л.В. Басова при изучении концепта «труд» сосредоточилась на пословицах и поговорках, выделив три основные лексемы: труд, работа, дело [16].

Г.В. Токарев исследовал вербализацию культурных знаний, заложенных в концепте «труд», в русском языке [137, 138].

Несмотря на обширные исследования концепта «труд» в отдельных языках, сопоставительный анализ русского и таджикского языковых и культурных ландшафтов пока не проводился. Будущее научное исследование восприятия труда между этими двумя этническими сообществами имеет

большой исследовательский потенциал, поскольку обе культуры демонстрируют уникальные лингвистические и культурные взгляды на труд.

Сопоставительный анализ понятия «труд» в таджикском и русском языках может выявить как различия, так и общие черты в понимании и вербализации этого концепта.

Изучение концепта «труд» является важным аспектом, как для зарубежных, российских учёных, так и для таджикских исследователей.

2.1. Анализ семантемы слов, обозначающих труд (по данным этимологических и толковых словарей русского языка)

Происхождение и жизнь слова в языке неразрывно связаны с историей языка и жизнью народа. С течением времени слова претерпевают заметные изменения в произношении, написании, значении и грамматической структуре. Некоторые из них переживают несколько столетий, но в течение этого времени на смену им приходят новые варианты слов. Эволюция языка вместе с материальными и духовными элементами общества, природной средой, социальным прогрессом и контактами с иностранной культурой определяют эти трансформации. Чтобы лучше понять основные понятия, важно изучить происхождение слов, которые определяют фундаментальные идеи в рамках чьей-либо культурной перспективы.

Человек целенаправленно использует умственный или физический труд для достижения целей, которые приводят к определенным результатам. Как правило труд в нашем сознании связан с активной работой, настойчивостью, выдержкой и усердием в достижении цели.

Изучив этимологию слова «труд», мы можем раскрыть его первоначальное значение и проследить его эволюцию в языке. Некоторые исторические значения этого слова вышли из обихода, однако современные определения сохраняют часть своего первоначального характера и современные культурные ценности.

Этимологический анализ не только выявляет связи между различными языками и культурами, но и раскрывает культурно-историческое значение понятия «труд» для конкретного сообщества. Он показывает эволюцию

восприятия концепта в обществе и его языковое воплощение в разные исторические эпохи.

Углубление в этимологию «труд» способствует пониманию его многогранного значения. Детальное изучение исторического развития концепта позволяет узнать о его первоначальном значении, а также показать, как он развивался в рамках своей культурной среды, чтобы помочь нам понять, как он формировал мировоззрение народов.

Слово «труд» происходит от общеславянского корня *trudb*, *truditi*, который имеет значение «давить» или «тяготить». Это можно сравнить с латинским «*trudor*, *trudere*» – «давить» и готским «*thrutun*, *thraut*» – «отягощать». В древнерусском языке слово «труд» имело различные значения, включая «деятельность», «трудом сделанное», «трудность», «старание», «забота», «беспокойство», «подвиг», «боль, болезнь, недуг», «грех» и другие. Однако некоторые из этих значений не сохранились в современных словарях.

Слово «работа» происходит от общеславянского корня *orb* и связано с словами «раб» и «землероб». В древнерусском языке оно имело значения «рабство, неволя», «порабощение», «служение» и «труд, работа». Значение «служба, работа» было зафиксировано только в более поздних источниках, а с течением времени слово «работа» приобрело постоянную форму и значение «трудовая деятельность, труд».

В словаре Фасмера исследуемый концепт трактуется следующим образом: «Труд I род. П. –á, трѹднѹй, трѹдѹтьсѹ, укр. Труд, др.–русс. Трудъ «труд, работа, рвение, забота, страдание, скорбь», ст.–слав. Троудъ *pónos*, *áγón* (Супр.), болг. Труд, сербохорв. Труд, род. П. трѹда, словен. *Trûd*, чеш., слвц. *Trud*, польск. *Trud* Родственно лит. *Triûsas* м. «работа, хлопоты», *triûsti*, *triûsiù* «хлопотать», лтш. *Traûds* «хрупкий», ср.–в.–н. *drôz* м. «тяжесть, тягота, досада», гот. *Us-Priutan* «отягощать», др.–исл. *Praut* ж. «испытание, беда, искушение», лат. *Trûdô*, –ere «толкать, теснить», ирл. *Trot* «спор» (*trudno*–), *troscaim* «пощусь» (*trudskô*), алб. *Treth* «обрезаю» (*treudô*); см. И. Шмидт, *Vok.* 1, 160; Лескин, *Bildg.* 595;

Траутман, BSW 326; М.–Э. 4, 224; Мейе, Dial. Ideur. 22; Педерсен, Kelt. Gr. I, 160; Торп 194; Г. Майер, Alb. Wb. 435; Вальде — Гофм.2,710 [184, 108].

В русском языке анализ лексико–синонимического поля проводился на материале «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля, «Толково–словообразовательного словаря русского языка» Т.Ф. Ефремовой, «Словаря синонимов русского языка» З.Е. Александровой, «Словаря синонимов русского языка» А.Ю. Кожевникова, «Краткого словаря синонимов русского языка» В.Н. Ключевой.

Лексическая единица «труд» является полисемичной ключевой в лексико–семантическом поле в русском языке и содержит несколько значений. Слово «труд» в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой имеет следующие значения: «Целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей: *умственный т., физический т., научная организация труда*. Производительность труда. Право на т. Люди труда (трудящиеся; высок.). Общественное разделение труда. Охрана труда. 2. Работа, занятие. **тяжёлый т.** Дневные труды. Заплатить за труды. 3. Усилие, направленное к достижению чего–н. Взять на себя т. сделать что–н. Не дал себе труда подумать (не захотел подумать). С трудом уговорил кого–н. Без труда не выловишь и рыбку из пруда (посл.). 4. Результат деятельности, работы, произведение. Т. всей жизни. Научный т. || Список печатных трудов. 5. Привитие умения и навыков в какой–н. профессиональной, хозяйственной деятельности как предмет школьного преподавания. Уроки труда. Преподаватель по труду. ||[прил. трудовой, –ая, –ое (к 1 и 2 знач.). Т. коллектив. Трудовая книжка (документ о трудовой деятельности). Трудовое соглашение [177, 815].

В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» даёт слово «труд» в толковании работа, занятие, упражнение, дело; всё, что требует усилий, старанья и заботы; всякое напряжение телесных или умственных сил; всё, что

утомляет. Человек рождён на труд. Без труда нет добра. Труд кормит и одевает. Лень с труда сбила [160, 482].

З. Е. Александрова и А. Ю. Кожевников дают следующие синонимы слову «труд»: работа, занятие, дело, деятельность, усилие, старание. В онлайн–словаре «Большой словарь синонимов русского языка» также представлены синонимы: ра́бота, трудоспособность, де́ло, де́ятельность, де́ятель, духотво́рство, трудо́мыслие, нагрузка [167].

В. Н. Ключева в «Кратком словаре синонимов русского языка» соотносит слово «трудиться» с единицами «работать, заниматься, затрудняться, засекается, заморачиваться, замориться»

Каждая из этих лексем передает свой оттенок значения и может использоваться в различных контекстах. Некоторые из них имеют более узкое или универсальное применение, но общая идея остается связанной с понятием «труд» и его смысловыми аспектами.

Анализ показал, что основными репрезентантами лексемы «работа» в русском языке являются функционирование, деятельность, действие, в этот ряд можно включить и слово «функция».

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой даётся следующие толкования приведённым синонимам:

РАБОТА, –ы, ж. 1. Процесс превращения одного вида энергии в другой (спец.); вообще нахождение в действии. 2. Занятие, труд, деятельность. 3. Служба, занятие как источник заработка [177, 638].

Лексема «работа» имеет общеславянское происхождение и связана с корнем *orb*, который также присутствует в словах «раб» и «землероб». В древнерусском языке слово «работа» имело значения «рабство, неволя», «пленение, увод в плен», «порабощение», «служение», а также «труд, работа». В церковнославянском языке сохранилось значение «рабство, неволя». В родственных языках также присутствуют аналогичные значения, например, словенское «rabota» – «барщина» и верхнелужское «robota» – «подневольный

труд». Со временем слово «работа» приобрело стабильную форму и значение «трудовая деятельность, труд».

ДЕЛО, –а, мн. дела, дел, делам, ср. 1. Работа, занятие, деятельность.. 2. кого–чего. 3. Надобность, нужда. У меня до вас (к вам) есть д. Прийти по делу. Ходить по делам. 4. Нечто важное, нужное (разг.).. 5. Сфера знаний, деятельности, работы. 6. То же, что предприятие (в 1 знач.). 7. Событие, обстоятельство, факт; положение вещей. 8. То же, что поступок. Сделать доброе д. 9. Судебное разбирательство, процесс. 10. Собрание документов, относящихся к какому–н. факту или лицу [177, 159].

Лексема «дело» также имеет общеславянское происхождение и образована с помощью суффикса «–ло–» от глагола *deti*, который восходит к индоевропейскому *dhe–*. В древнерусском языке слово «дело» имело значения «деятельность», «деяние», «поступок», «способ», «работа», «труд», «сражение». В ранних словарях также фиксируются значения «род занятий, ремесло», «предприятие, производство», «изготовление», «то, что полезно, важно, существенно», «обстоятельства, обстановка, положение вещей», «деловая надобность, нужда, потребность», «судебное разбирательство», «собрание документов», «военное предприятие, поход», «свойство, природный признак». В различных индоевропейских языках также присутствуют сходные значения, например, польское «*dzielac*» – «действовать, делать» и литовское «*deti*» – «класть».

ЗАНЯТИЕ, –я, ср. 1. см. занять 2. То, чем кто–н. занят, дело, труд, работа, а также вообще заполнение чем–н. своего времени. 3. чаще мн. Учебные часы (уроки, лекции), а также вообще время учения [177, 213].

Слова «занятие» и «деятельность» появились в русском языке позже и зафиксированы в словарях XVIII века. В древнерусском языке эти лексемы не встречаются. Значения слова «деятельность» в словаре XVIII века включают «практику, в противоположность теории», «активность, способность к действию» и «труды, занятия, деятельная жизнь».

Исследование происхождения и значений данных лексем расширяет наше понимание развития языка и связей между различными культурами. Оно позволяет нам увидеть, как эти слова отражают социокультурные и исторические контексты народа, его отношение к труду и деятельности.

Философское понимание труда является важным аспектом изучения концепта «труд». В философском энциклопедическом словаре труд определяется как целесообразная деятельность человека, направленная на воздействие на природу и создание предметов для удовлетворения потребностей. Это определение позволяет нам увидеть, что труд не только связан с физической активностью, но и имеет целеполагающий характер, направленный на достижение определенных результатов.

Через слова мы можем получить доступ к концепту и понять, каким образом слова формируют концепты в сознании человека. Слова являются знаковыми единицами, где форма и значение органически связаны. Форма слова выражает его лексическое значение, которое определяется связью с реальной действительностью и обобщёнными представлениями в сознании, выраженными через концепты.

Основное значение слова является номинативным, то есть прямым значением, которое наиболее часто используется и имеет максимальную связь с внеязыковой действительностью. Номинативное значение слова включает в себя эмпирические и коннотативные компоненты, отражающие социально–психологические отношения носителей языка к предметам или явлениям, которые они обозначают. Вторичные значения слова, которые могут быть эмпирическими или коннотативными, связаны с прямым значением и отражают функционально–стилистические особенности слова.

Значения слов синонимического ряда «труд», «работа», «дело», «занятие», «деятельность» указывают на различия в объёме понятий, связанных с каждым из этих слов. Например, значения слов «занятие» и «деятельность» имеют более широкий объём, чем «труд», «работа» или «дело». Понятие «труд» обладает наибольшей абстрактностью и содержит меньше семантических компонентов.

Анализ этих слов и их значений позволяет нам лучше понять концепт «труд» и его место в мировоззрении народа. Кроме того, такой анализ помогает нам увидеть социально–культурные особенности, связанные с понятием труда, его ролью в обществе и взаимоотношениях людей.

Очень важным компонентом лексических значений анализируемых слов является динамичность, которой эти слова обладают. Вследствие такой динамичности значения слов постоянно эволюционируют, полностью или постепенно, с течением времени, и это проявляется в экспансивном характере дефиниций слов, транслируемых с течением времени. Например, в словаре В. И. Даля слово лексика объясняется как качество, присущее динамичному физическому человеку, тогда как в современных словарях значение слова расширено и включает в себя работу или особый род занятий.

Это указывает на расширение значения слова «деятельность» и повышение уровня его абстрактности. Аналогично, значение слова «занятие» в современных словарях утратило семантические компоненты «забава» и «развлечение», что свидетельствует о сужении его содержательности. Значения слов «труд», «работа» и «дело» стали более содержательными и богатыми семантическими компонентами.

Процедура пошаговой идентификации — это метод, который позволяет свести слова к обобщённым характеристикам с помощью системы идентификаторов, способствуя более глубокому пониманию их семантики. В данном подходе идентификаторы выступают в качестве ключевых элементов, выделяющих наиболее существенные и всеобъемлющие характеристики значений слов, что позволяет систематически классифицировать лексические единицы. Например, при анализе слова труд для обозначения целенаправленных человеческих усилий используется идентификатор деятельность, а слово работа обозначает выполнение или процесс выполнения такой деятельности. Однако дальнейшее разложение этих понятий на более мелкие составляющие сопряжено с определёнными трудностями, поскольку работа и деятельность в своих

первичных значениях являются синонимами, что накладывает определённые ограничения на их дифференциацию.

Несмотря на свою роль в обобщении значений, идентификаторы не в полной мере отражают всё семантическое содержание слова. Скорее, они служат основой для лексической систематизации и категоризации, выделяя основные аспекты значения. В то же время каждое слово сохраняет специфические, отличительные черты, которые уточняют и расширяют его значение. Эти нюансы выражаются через словарные конкретизаторы, которые уточняют правильное употребление слов в различных контекстах. Например, идентификатор деятельность может быть дополнен такими признаками, как целенаправленность, систематичность или результативность, что позволяет более точно интерпретировать его в зависимости от коммуникативной ситуации.

Поэтапная идентификация помогает как обобщить значения слов с помощью структурированной системы идентификаторов, так и признать важность конкретизаторов для фиксации более тонких семантических различий. Такой подход не только облегчает организацию лексических единиц, но и учитывает их динамическую природу и изменчивость в разных контекстах употребления.

Таким образом, анализ лексических значений слов «труд», «работа», «дело», «занятие», «деятельность» позволяет лучше понять их содержание и изменения, которые происходят со временем. Это свидетельствует о развитии языка и социокультурных изменениях, а также о взаимосвязи между словами, значениями и концептами, которые они отражают.

Проанализируем словарные конкретизаторы, которые помогут нам более подробно разобраться в значениях и компонентах лексики «труд». Компонентный анализ значений позволяет выделить основные семы, из которых составляется содержание слова.

Компонентный анализ значений слов «работа» и «труд» позволяет выделить такие семы, как цель, деятельность, человек, затруднительное

положение, служба. Эти семы расширяют и уточняют содержание и значение данных терминов, отражая различные контексты их употребления.

Теперь рассмотрим лексический конкретизатор слова выполнять и его связь с лексемой труд. Компонентный анализ значений помогает глубже понять содержание этого слова.

Анализируя слово «выполнить», мы выделяем такие семы, как реализация, исполнение, приведение в действие. Сема выполнить связывает его с лексемой «исполнить». Таким образом, эти слова тесно связаны, имеют схожие значения и употребления.

Например:

На микроуровне с более высокой степенью детализации указаны примеры конкретных атакующих воздействий, с помощью которых можно **выполнить** ту или иную цель нарушителя.

Прямой, если что-то пообещал, обязательно **выполнил**, но вот добиться от него этого обещания нелегко.

Для постановки этой комбинированной задачи синтеза и анализа сначала следует **выполнить** синтез закона управления.

Все знаменитые архангельские одеяла **выполнены** в этой технике.

Я **выполнил** долг, ты доволен, и я доволен.

Мне представляется, что попытки **выполнить** строгий отбор основаны на нескольких заблуждениях, слишком часто приводящих к неверному выбору.

А при особо больших нагрузках **выполнить** и армирование газона, уложив пластиковую сетку перед посевом [Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru)].

Лексема «дело» может использоваться в широком смысле для обозначения различных понятий, включая работу, профессию, деятельность, судебное разбирательство, документы, спор, инцидент или факт. Все эти термины относятся к деятельности в осязаемой реальности и применению навыков, умений и знаний. Прилагательное «практический» в данном контексте подразумевает практическое применение таких навыков и знаний.

Например:

У меня в районе никто не воспринимает портал как крупный сайт, точнее, о нем вообще не знают, а создание сайтов и портал в частности считают моим личным *делом*, т. е. баловством.

А ещё такой же салатик в шале делают, только без крабовых палочек и называется это *дело* у них «нежность».

Бьёт в лоб словом, но зато всегда за *дело*.

Лично мне до него и *дела* нет.

Конечно хирург, нейрохирург — это другое *дело*.

И интересно куда на самом *деле* ушёл 1 трлн рублей?

Ну, великое *дело* русскому человеку похандрить, любимейшее из занятий.

Но судья решил: адвокат будет знакомиться с *делом* в свободное от заседаний время, а так будьте любезны немедленно защищать своего клиента.

28 февраля Военная коллегия Верховного суда удовлетворила кассацию военной прокуратуры и отправила *дело* на новое, уже четвёртое по счету рассмотрение [ruscorpora.ru].

Поэтому можно выделить семы, предложенные компонентным анализом понятия «труд»: деятельность, исполнение, практика, знания, навыки и воля. Эти семы расширяют наше представление о значениях слов «работа» и «дело», раскрывая различные аспекты и контексты их употребления. Они также показывают, что термины «работа» и «дело» выходят за рамки обозначения физической активности и включают в себя другие элементы, такие как применение знаний, использование навыков, следование инструкциям и подчинение чужой воле.

Изучив синонимы, связанные с концептом «труд», мы сможем получить более полное и глубокое понимание этого комплекса понятий.

Например:

В этой области занято много людей, а *труд* их малоквалифицирован, механичен, тяжёл и рутинен.

Ведь обычно изгнанием с *работы дело* не ограничивается.

Я понимаю, что не в *работе дело*, ты хочешь разлучить ее со мной.

Нужно было устроить Валерку в школу, доделать ремонт в ванной, доклеить обои в коридоре, да и на *работе дел* хватало.

Ведьмы–бездельницы всегда громче всех вопят, что *работа — дело* людей, а дело ведьм — утехы и потехи.

Однако возведённый английской королевой в рыцари Уильям Гейтс давно уже появляется на публике исключительно в безукоризненных костюмах как человек, создавший из *работы Дело*.

Отсюда шли сведения о строительстве оборонительных укреплений по Днепру. Агентурная *работа — дело* опасное и трудное

Короче, позвонил Плетнев и телеграфно, как он умеет, сообщил, что собирается уходить из Российского национального оркестра, полностью переключиться на сольную карьеру и посвятить себя *занятиям* композиторской *деятельностью*.

На каждом этапе *занятия* отслеживается *деятельность* и ожидаемые действия обучающихся.

Для детей, проявивших отличительные способности, умение самостоятельно и качественно работать, предусматриваются индивидуальные *занятия* по исследовательской *деятельности* 1 час в неделю.

Якобы молодёжь будет находить себе более перспективные и прибыльные *занятия*, по сравнению с научной *деятельностью*.

Игровая технология применяется в работе с учащимися различного возраста и используется при организации *занятий* по всем направлениям *деятельности*...[ruscorpor.ru]

Использование синонимов в нашей речи предоставляет нам возможность улучшить и разнообразить выражение наших мыслей. Подбирая подходящее слово в зависимости от контекста и аспекта, который мы хотим выделить, мы можем точнее передать свои мысли и эмоции. Каждый синоним добавляет оттенки и нюансы к основному слову «труд», расширяя его семантическое поле и делая нашу речь более насыщенной и интересной. Таким образом,

использование синонимов обогащает нашу речь, позволяя нам выбирать наиболее подходящие слова для передачи наших мыслей и чувств.

Синонимические отношения возникают в рамках одного логического понятия и определяются особенностями семантической структуры языкового знака. Для выявления синонимов и уточнения содержания лексемы «труд» мы обращаемся к различным синонимическим словарям русского языка, таким как словарь под редакцией А.П. Евгеньевой, словарь Н. Абрамова и словарь К.С. Горбачевича. Кроме того, применяем метод компонентного анализа.

Словарь Н. Абрамова представляет три синонимических ряда, в которые входит слово «труд». Рассмотрим синонимы слова «труд» из первого ряда: «книга», «сочинение», «диссертация», «исследование», «сборник», «труд». Проанализировав слово «книга», мы обнаруживаем общий компонент значения с лексемой «труд» – это «произведение печати». Далее, слова «произведение» и «труд» связаны отношениями взаимной идентификации. Таким образом, общий компонент значения «произведение печати» объединяет слово «труд» с остальными лексемами данного синонимического ряда.

Синонимические ряды с доминантами «работа» и «дело» также содержат слово «труд». В ряде с доминантой «работа» мы анализируем синонимы «делание», «подвиг», «упражнение». Например, слово «делание» связано с глаголом «делать» и указывает на акт создания или выполнения чего-либо. А слово «подвиг» подчеркивает героический поступок или значимое действие. Все эти синонимы уточняют и дополняют понимание слова «труд» в контексте различных видов деятельности.

Анализируя синонимы слова «труд», мы видим, как разные слова могут расширять и дополнять его семантику, выделяя различные аспекты значения. Каждый синоним отражает разные виды деятельности, работы или создания, что позволяет нам лучше понять и выразить разнообразие концептуальной картины мира, связанной с понятием «труд».

В синонимическом словаре Н. Абрамова слово «труд» входит в состав синонимических рядов, включающих такие слова как «дело», «занятие»,

«ремесло», «мастерство», «рукоделие», «профессия», «работа», «процесс», «спор», «суд», «тяжба». Из них, слова «спор», «суд», «тяжба» и «процесс» (в 3 значении) синонимичны слову «дело» в его 9-ом значении. Однако, общих компонентов значения с лексемой «труд» у них не обнаружено.

Далее, проанализируем синонимы «ремесло», «мастерство», «рукоделие», «профессия». Слово «ремесло» указывает на работу, требующую специальных навыков и выполняемую ручным или кустарным способом. Также, слова «мастерство» и «рукоделие» связаны с понятием «ремесло» и выражают уровень мастерства или ручной труд, особенно преимущественно женский, связанный с шитьём, вязанием и другими рукоделиями. Слово «профессия» указывает на род трудовой деятельности, требующий специальной подготовки и являющийся источником существования.

Изучение синонимических рядов, в которые входит слово «труд», позволяет выявить дополнительные семы, которые могут быть актуализированы во вторичных значениях слова или в его отдельных употреблениях. Такие семы включают «произведение печати», «произведение науки, искусства», «напряженная деятельность», «героический поступок», «упражнение», «действие», «ремесло», «мастерство», «рукоделие», «профессия».

В синонимическом ряду, представленном в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под редакцией Ю.Д. Апресяна, слова «работа» и «труд» являются основными. Объем понятия лексемы «труд» шире понятия «работы», и содержательность лексических значений соотносится с уровнем их абстрактности и обобщенности.

Анализ синонимов слова «труд» и его синонимических рядов позволяет лучше понять многогранные аспекты этого понятия. Разные синонимы выделяют различные виды деятельности, работы или творчества, расширяя и дополняя семантику слова «труд». Это помогает нам лучше выразить разнообразие концептуальной картины мира, связанной с понятием «труд».

В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под редакцией Ю.Д. Апресяна отмечается, что синоним «труд» имеет обобщенный

характер и может использоваться для обозначения абстрактных понятий в рассуждениях на различные темы. С другой стороны, лексема «работа» имеет утилитарный характер, связанный с практическими задачами и результатами. Эти различия указывают на разные смысловые оттенки и акценты, которые присутствуют в словах «труд» и «работа».

В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» выделяются различия между «трудом» и «работой» по нескольким смысловым признакам. Они включают характер деятельности, масштаб задачи и количество затраченных усилий, представление деятельности как разворачивающегося во времени процесса, смысловые акценты, оценку и возможность абстрактных персонифицированных употреблений. Эти различия подчеркивают более творческий и этически значимый характер деятельности, связанной с понятием «труд», по сравнению с «работой», которая имеет более утилитарную ориентацию.

Анализируя узуальные значения слов «труд» и «работа», мы можем согласиться с данными «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка». Однако, для полного понимания различий между этими синонимами необходимо рассмотреть их употребление в различных контекстах.

Для дополнительного исследования значения слова «труд», мы можем сопоставить его с антонимами, то есть словами, противоположными по значению. Антонимия является одним из проявлений противопоставления семантических значений и может помочь нам уточнить значение и особенности слова «труд». Противопоставление и сопоставление с антонимами позволяет выделить ключевые аспекты значения слова и его отличия от других понятий.

Изучение синонимов и их сопоставление с антонимами помогает нам лучше понять особенности значения слова «труд». Различия между «трудом» и «работой» указывают на их разные характеры деятельности, оценку, смысловые акценты и возможности употребления. Это расширяет наше понимание и концептуальную картину мира, связанную с понятием «труд».

Анализируя антонимическую пару «труд» – «лень», мы можем выделить ряд сем, которые характеризуют значение слова «труд» через их отсутствие или противоположность в словах, связанных с понятием «лень». В синонимическом ряду с доминантой «лень», представленном в словаре З.Е. Александровой, мы обнаруживаем слова «леность», «нерадивость», «ленца» и «праздность».

Анализируя значения этих слов, мы можем выявить дополнительные семы, которые отличаются от значения слова «труд». Семы, присутствующие в словах с доминантой «лень», включают отсутствие желания работать, делать, склонность к лени, отсутствие усердия и добросовестности, незанятость делом или трудом.

Таким образом, понимание значения слова «труд» уточняется через сравнение с антонимами и выделение сем, которые присутствуют в словах с противоположным значением. Значение слова «труд» включает реализацию желания работать, делать, несклонность к лени, проявление усердия, добросовестности и занятость делом.

Исследование лексикографических источников позволяет выделить ключевую сему, связанную с концептом «труд» — это целенаправленная деятельность человека, требующая усилий и направленная на достижение результата. Также, анализ синонимов и антонимов помогает расширить понимание значения слова «труд» и выявить дополнительные семы, которые дополняют содержание данного понятия.

Исследование синонимов, антонимов и ключевых сем помогает более полно и точно определить значение слова «труд» и его особенности в контрасте с другими связанными понятиями. Это позволяет нам лучше понять и концептуализировать понятие «труд» в рамках русского языка и культурного контекста.

Большинство производных существительных, образованных от слова «труд», выполняют номинативную функцию и относятся к нейтральной лексике. Примеры таких слов: «трудармия», «трудкнижка», «трудотерапия»,

«трудозатраты» и другие. Однако, также есть слова, выражающие положительную оценку, такие как «трудолюбие» и «трудолюбивость».

Словообразование играет важную роль в концептуализации и интерпретации понятия «труд». Оно позволяет нам понять, какие элементы реальности выделяются и значимы для носителей языка. Кроме того, оно отражает социально–психологические оценки и ассоциации, связанные с явлениями труда и работы. Важным компонентом словообразования является коннотативный аспект, который дополняет основное понятийное содержание слова. Эмоциональность и оценочность играют значительную роль в коннотации слов, вызывая положительные или отрицательные реакции в зависимости от социальной оценки явлений, связанных с трудом и работой.

Анализ словообразовательного потенциала лексем, связанных с концептом «труд», позволяет нам лучше понять значимость и оценку, связанные с этим понятием. Словообразование играет важную роль в передаче и интерпретации концепта труда в языке и отражает социально–психологическое отношение к этому явлению.

Стоит отметить семантическое расхождение между лексемами «трудный» и «труд». В «Словаре современного русского литературного языка» отмечается, что их семантическая связь постепенно ослабевала и в конце концов исчезла, что привело к разделению их словообразовательных гнезд на две разные группы. Несмотря на то что в прошлом эти слова принадлежали к одной языковой семье, сейчас их относят к разным категориям. Однако производные слова с корнем «трудн–» по–прежнему несут в себе следы семантического содержания, связанного с «трудом», например «требующий значительных усилий, напряжения или труда» и «сложный для воздействия». Это свидетельствует о том, что в языковом сознании носителей языка лексема «труд» сохраняет архаичное значение «трудности, тяготы».

Термин «дело» происходит от глагола «делать», а соответствующее словообразовательное гнездо охватывает широкий спектр производных, включая существительные, прилагательные и глаголы.

Изучение словообразовательных гнезд позволяет обнаружить интересные языковые явления, такие как использование компонентов одного семантического поля для обозначения противоположных феноменов. В данном случае, лексемы, связанные с бездельем и бездействием, оказываются связанными с лексемой «лень», отражая социально–психологическое отношение к этому явлению, отражая культурные и социальные аспекты языка. Это свидетельствует о стертости границ оппозиции между ними в коллективном сознании русского народа.

Анализ словообразовательного потенциала лексем, связанных с концептами «труд» и «дело», раскрывает интересные особенности в языковом сознании. Словообразование играет важную роль в передаче оценки и значимости этих концептов, а также отражает социально–культурные аспекты, связанные с работой, трудом и деятельностью.

В результате анализа лексикографических источников и словообразовательных гнезд, можно сделать следующие выводы:

1. Происхождение слов труд и работа позволяет понять их историческое развитие и связь с культурными и социальными изменениями. Слово труд происходит от общего славянского корня, означающего давить или обременять, что отражает раннее восприятие труда как тяжелого и изнурительного процесса. В то же время слово работа исторически связано с понятием рабство, что указывает на его ассоциацию с принудительным трудом в прежние времена.

2. Лексема труд многозначна и включает в себя различные значения, такие как физическая и интеллектуальная активность, усилия, продукт труда и профессиональное обучение. В отличие от неё, лексема работа имеет более узкую сферу применения, обозначая в первую очередь процесс трудоустройства и экономическую деятельность как источник дохода.

3. Анализ синонимов труд и работа показывает, что они относятся к разным лексическим группам, отражающим отличительные особенности человеческой деятельности. Например, труд часто связан с такими терминами,

как занятие, ремесло и навыки, в то время как работа чаще ассоциируется с деятельностью, функционированием и обслуживанием.

4. Коннотативные различия. Слово труд имеет более абстрактное и обобщённое значение, часто связанное с этическими и философскими размышлениями о человеческой деятельности. В отличие от него, слово работа имеет более утилитарное значение, выражая практические результаты и измеримые итоги.

5. Изучение лексики, связанной с трудом, позволяет понять, как язык отражает социальные и культурные ценности, связанные с работой. Труд широко рассматривается как основополагающий аспект социальной жизни, требующий усилий, мастерства и самоотдачи.

8. Противопоставление слова труд его антонимам (например, ленивость) помогает прояснить его значение через противопоставление. Если труд связано с активностью, усердием и продуктивностью, то лень ассоциируется с пассивностью и отсутствием мотивации.

Анализ семантики, синонимии и словообразования терминов, связанных с трудом, проливает свет на их значения, историческую эволюцию и роль в языковой картине мира носителей русского языка.

Исследование лексических средств и словообразовательных гнезд, а также анализ семантической структуры слов, связанных с концептом «труд», позволяет глубже понять содержание и многообразие аспектов этого концепта в русском языковом сознании.

2.2. Анализ семантемы слов, обозначающих «мехнат/труд» (по данным словарей таджикского языка)

На текущем этапе развития лингвистической науки лексикографический анализ играет значительную роль в описании структуры концепта, его названия и выразительных средств языка. Примером такого концепта является «труд» – универсальная концепция–константа с сложной и многоуровневой структурой. Это объясняется многозначностью лексемы, лежащей в основе концепта, а также субъективностью восприятия этого понятия.

Лексикографическое изучение языковых единиц является одним из ключевых аспектов лингвистического анализа. Вместе с этим, исследователи используют такие понятия, как «лексикографическое исследование», «лексикографический аспект» и «метод лексикографического анализа» [50, 7].

Современная лингвистика придаёт большое значение лексикографическому анализу как приоритетному методу. Лексикографирование языковых единиц представляет собой важное направление лингвистического исследования. Вместе с этим методом учёные используют такие понятия, как «лексикографическое исследование», «лексикографический аспект» и «метод лексикографического анализа».

По мнению Т.В. Жеребило, термин «метод лексикографического анализа» интерпретируется как форма функционального анализа, который включает анализ словарей и их статей [45, 4]. Суть этого метода заключается в возможности детального изучения объектов лексикографии (например, антонимии, синонимии, фразеологии и т.д.), их особенностей, функционирования в языке и структуры концепта.

Согласно С. Г. Воркачеву, метаязыковое сознание проявляется в словарных описаниях, представляющих особенности научного и повседневного уровней сознания. Повседневное сознание, *seinerseits*, имеет этнокультурную специфику [33, 9].

Наиболее продуктивным методом проведения лексико-семантического анализа концепта «меҳнат» («труд») является лексикографический анализ, в рамках которого были использованы различные словари. Изучение происхождения слова и его развитие в языке связано как с историей языка, так и с жизнью народа, его культурой, природными условиями обитания и социальным развитием. Поэтому этимологический анализ слов, которые представляют определённый концепт в языке, важен для полного понимания этого концепта в мировоззрении народа.

В таджикском языке ключевым словом, представляющим концепт «труд», является «меҳнат». Семантическая структура этого слова включает различные

значения и свойства этого концепта. Задача состоит в определении этого семантического поля и выявлении всех слов, связанных с этим концептом.

Лексема «меҳнат» является ключевым словом – репрезентантом и именем номинативного поля в таджикском языке. Субстантивная форма ключевого слова обеспечивает самый широкий номинативный охват детоната. Совокупность всех данных смыслов образует семантическую структуру слова. Семантическая структура слова **меҳнат** «труд» составляет смысловое строение основной единицы лексики. Она проявляется в полисемии слова как способность называть различные свойства, явления, предметы и т.д.

Для начала следует рассмотреть этимологию концепта **меҳнат** «труд». Будучи закреплённым в этимологии, концепт развивается, проходя через художественные и философские тексты, и становится законченным, осмысленным, заполненным всеми содержательными формами.

Этимология слова «меҳнат» в таджикском языке восходит к арабскому языку. В Большом академическом арабо–русском словаре (<https://bars.org.ru/search>) слово «مَحْنَة» [miḥnaʔuⁿ]; мн . مَحْنٌ трактуется как «испытание, беда, горе» Некоторые словари арабского языка предполагают, что термин «مَحْنَة» (miḥnaʔu) произошёл от арабского трилитерального корня «م-ح-ن». «ن-ح-م» („مَحْن“) с общим значением “подвергать испытанию“, испытывать, ставить в трудные условия.

В контексте религиозных текстов и литературы этот термин используется для обозначения испытаний, которые, как считается, служат цели укрепления веры, характера или внутренней силы.

В целях выявления лексико-семантических вариантов понятия обратимся к толковым словарям таджикского и русского языков, так как лексико-семантический вариант является предельно обобщённым и семантически простым, составляя некую абстракцию, которая служит для анализа языковых единиц.

Слово меҳнат толкуется в “Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка)” следующим образом: **МЕҲНАТ** а. 1 محنت . азоб,

ранҷ, машаққат, заҳмат; меҳнат кашидан, азобу машаққат кашидан, дар азоб будан. 2. Фаъолияти мақсаднок ва ба ҷамъият нафъовари инсон, ки ранҷу кӯшиши ақлонӣ ва ҷисмонӣ металабад; кор [183, т.1, с. 793], т.е. («1. Мучение, страдание, трудность, старание; мучаться, страдать. 2 Целенаправленная деятельность, приносящая пользу обществу и человеку, требующая больших умственных и физических затрат; работа»).

В «Таджикско-русском словаре под редакцией М. В. Рахими и Л. В. Успенской приводится следующая дефиниция: **меҳнат** 1) труд; **меҳнати фикрӣ** умственный труд; **меҳнати ҷисмонӣ** физический труд; 2) см. **заҳмат** [181, 229].

В словаре М. Мухаммадиева «Луғати мухтасари синонимҳои забони тоҷикӣ (Краткий словарь синонимов таджикского языка)» [КССТЯ; 1975] приводятся следующие лексемы, соответствующие понятию меҳнат и составляющие периферийные компоненты: **кор**, **заҳмат**, **ранҷ**, **шуғл**, **хизмат**, **риёзат (работа, старание, труд, занятие, служба, трудность)**. Эти слова кроме общего значения (название действия) обладают стилистическими и семантическими различиями. Слово **кор** – полисемично, и может легко заменяться другими синонимами. Оно общеупотребительно и в литературном, и в разговорном языке. Возможная причина более широкого употребления слова **кор** заключается в том, что оно является исконно персидским, в то время как меҳнат заимствовано из арабского языка

Слово **меҳнат** в сравнении со словом **кор** менее употребительно, однако в отличие от других слов цепочки используется чаще. В историческом развитии таджикского языка оно приобрело положительный оттенок значения, отождествляя собой трудолюбие, упорство, честность и настойчивость.

Слова **ранҷ**, **риёзат** ограничены в употреблении, кроме основного значения могут использоваться в значениях **душворӣ**, **азоб** (трудность, страдание) – **заҳмат (меҳнат) кашидан касеро заҳмат додан** “приносить кому–л. страдание”. Слово **риёзат** используется также в значениях **худдорӣ кардан (воздерживаться)**, **парҳез (“воздержание”)**, **зоҳидӣ кардан (“аскетизм”)**, **фидокорӣ намудан (сдержанность, самоотверженность)**.

Слово **хизмат** (**хидмат**) со своими синонимами обладает оттенками значений. Оно используется в значении **вазифа** (“должность”) – ин работ як вақт хидмати корвонсароеро адо мекард – это здание когда-то служило караван-сараем.) и **фаъолият** (“деятельность”) – **хизмати муаллимӣ, хизмати чаъмиятӣ** (учительская деятельность, общественная деятельность). Слово **хизмат** весьма продуктивно в словообразовании.

Слово **шуғл** также обладает оттенками значений, посредством чего входит в другую группу синонимов. *Чанд рӯз аст, ки ба китобхонӣ шуғл (ҳавас, завқ) пайдо кардааст* (Вот уже несколько дней он проявляет интерес к чтению книг).

Слово **ранҷ** в некоторых случаях синонимично словам **азоб, душворӣ**: *Чанд рӯз аст, ки дар бистари беморӣ ранҷ мекашад* (Уже несколько дней он страдает, прикованный к постели).

Слово **амал** входит в группу полисемичных и многофункциональных слов. Кроме упомянутых значений оно может использоваться и в других: *амали дору* (*таъсири дору*) – действие лекарства; *дар амал (ҳаёт) татбиқ намудан* – осуществить в жизни; *дар ислоҳи кор низ амал (рафтор) кардан* – исправляться в процессе работы; *кишти баҳорӣ нағз амал (сабзии) кард* – весенний сев прошёл хорошо; *ба амал омадан (ба иҷро расидан)* – выполнено; *амал (рутба, мансаб)–еро иҷро кардан* – исполнять должность, звание).

Примеры:

– Мардум **кор** мекунанд, **меҳнат** мекунанд, тухми **амал** мекоранд (Ҷ.И.).

– Наход дар масоҳати саду ҳафтод гектар ҳамин қадар **меҳнат**, ҳамин қадар **ранҷу заҳмат** барбод равад (Ф.М.)

– **Хизмат**атонро кам кардам, акнун аз ман розӣ шавед (С.А.)

Люди работают, трудятся, стараются (Дж. И.).

– Как могло столько труда, столько страданий и усилий пропасть даром на площади в сто семьдесят гектаров? (Ф.М.)

– Я облегчил вашу работу, теперь будьте довольны мной.

Шуд нозири ҷавони ту,

Шуғли дарси ҳаётхони ту. (М.Т.)

Дословный перевод:

(Стал он блюстителем молодости твоей,

Уроком жизни твоей стал)

Ранчи мо – ганчи мо (зарб) – наши старания – наш клад (посл)

Ҳар кӣ нон аз амали хеш хӯрад,

Миннати Ҳотами Той набарад. (посл.) (Каждый, кто ест честно заработанный хлеб, получит благодарность Хотамы Тоя.

*– Одам барои хатдон шудан бояд чандин сол **риёзат** кашида хонад (С.У.)*

(Дословный перевод: Человеку, чтобы стать грамотным и образованным, нужно много лет усердно трудиться)

Меъмор, ки нақше орад тару пур,

*Ҳосил кунад онро ҳама аз **заҳмати** дур (Дословный перевод: Архитектор, который чертит план, сможет достичь успеха только упорным трудом)*

*Бисёр кашад **ранҷ**, ки шояд рӯзе,*

*Орад самаре **меҳнати** софаш ба зухур. (М.М.) (Дословный перевод: Он много страдает, возможно, однажды, Да явятся плоды его чистых трудов.*

В словаре “Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ” (Толковый словарь таджикского языка) [2008] приводятся следующие толкования указанным выше синонимам:

КОР 1 **كار**. амалиёти табдил ёфтани як шакли энергия ба шаклидигар, амал. 2. он чи ки касе ба он машғуласт, шуғл, пеша; **кори дастӣ** а) амале, ки ба воситаи даст ва умуман бо истифодаи қувваиҷисмонӣ ба ҷо оварда мешавад; б) маҳсуле, ки аз дасти косибу пешаварон мебарояд; *муқоб.* **кори корхонагӣ**. 3. Ончи аз касе содир мешавад, рафтор, кирдор: **ин кори ӯ кори хуб нест**. 4. хизмат, ҷои хизмат, вазифа; машғулият. 5. супориш ё масъалае, ки иҷро ва ҳалли он ҳамчун яке аз шаклҳои санҷиши дониши мактабиён ба ҳисоб гирифта мешавад: **кори дипломӣ, кори санҷишӣ, кори курсӣ**. 6. *мач.* вазъият, аҳвол; кор чатоқ // кор хӯрчин *ғуфт.* вазъияти хеле бад, аҳволи бад. 7. *мач.* чанг, муҳориба; кору пайкор задухӯрд, муҳориба. 8. *мач.* марг, аҷал; кор шудан ба ҳоли бадӯ табоҳ афтодан; хеле ранҷу озор дидан; кор тамом шудан роҳи ҳалли масъалаеро пайдо кардан

[183, т. 1. с.622] (акт преобразования одной формы энергии в другую, действие. 2. То, чем кто–либо занимается, занятие, ремесло; ручной труд а) действие, выполняемое вручную и, как правило, с применением физической силы; б) изделие, произведённое ремесленниками и мастерами; 3. То, что делает человек, его поведение; 4. служба, место службы, должность; занятие. 5. задание или задача, выполнение и решение которой считается одной из форм проверки знаний школьников: дипломная работа, контрольная работа, курсовая работа. 6. Перенос. ситуация, состояние; 7. Перенос. война, битва; борьба; 8. Перенос. смерть, кончина).

Кор I 1) дело, работа; занятие; кори амалӣ практическая работа; кори илмӣ научная работа [181, с. 192].

ЗАҲМАТ I а. 1 **زحمت**. ранч, машаққат, меҳнат; азият, озор, азоб. 2. ташвиш, дарди сар, тасдеъ; **аҳли заҳмат** заҳматкашон, меҳнаткашон; **насли заҳмат** ранчбарзодагон, авлоди меҳнаткашон; **заҳмат додан** ташвиш додан, боиси нороҳатӣ шудан; халал расонидан; **заҳмат кашидан** ранч бурдан, машаққат кашидан; нороҳат шудан; **заҳмати беҳуда кашидан** беҳуда ранч бурдан, меҳнати бефоида кардан [183, т.1, с.515] (страдания, лишения, труд; затруднение, боль, мучение. 2. беспокойство, тревога; трудолюбивые люди, трудящиеся; поколение трудолюбивых, поколение трудящихся; беспокоить, доставлять беспокойство, причинять неудобства; вмешиваться; страдать, мучаться; чувствовать себя некомфортно; напрасно трудиться, напрасно страдать, работать напрасно)

ЗАҲМАТ II а. **زحمت** *zucht*. бало, зиён, зарар, ки гӯё аз деу чин мерасад; **зиёну заҳмат** балову ранч аз қувваҳои мавҳум; **зиёну заҳмат расондан** [183, т.1, 515] (бедствие, вред, ущерб, как будто причиняемый демоном; утраты, лишения, страдания от сверхъестественных сил; причинять вред и неприятности)

В Таджикско–русском словаре приводятся следующие толкования: **ЗАҲМАТ I** 1) затруднение, трудность; тягость, беспокойство; ба заҳмат андохтан, заҳмат додан утруждать, обременять; доставлять беспокойство; заҳмат

дидан, заҳмат кашидан испытывать затруднения, переносить трудности; 2) *уст.* труд [181, 153].

ЗАҲМАТ II разг. 1) нечистая сила, злой дух бес; 2) злоба, состояние крайнего раздражения, бешенство; заҳмати ӯ гирифта истодааст а) он бесится от злости, он неистовствует [181, 153].

В “Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ” (Толковый словарь таджикского языка): **ШУҒЛ** а. شغل машғулият, кор, пеша, касб; **шуғл кардан** машғул шудан бо коре. [183, т.2, 684] (занятие, работа, профессия, ремесло; быть занятым, заниматься чем–либо)

Таджикско–русский словарь: **ШУҒЛ** занятие, дело, **шуғл доштан бо чизе**, **шуғл кардан (намудан) ба чизе** заниматься чем–л.; **ӯ як ҳафта шуд ки бо шоҳмотбозӣ шуғл дорад** вот уже неделя, как он занимается шахматной игрой [181, 463].

В “Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ” (Толковый словарь таджикского языка): **ХИЗМАТ//ХИДМАТ** 1 خدمت//خدمت. кор кардан барои касе. 2. кор, фаъолият. 3. вазифа, коре, ки инсон ё чизи дигар ба иҷрои он ӯҳдадор аст: **хизмати ҳарбӣ**, **хизмати нақлиёт**. 4. кор ва фаъолияти шоёни эҳтиром ва сазовори таҳсини умум; **ҳаққи хизмат** музди кор; **ба хизмат гирифтан** касеро барои иҷрои коре қабул кардан; **ба хизмат камар бастан** ба иҷрои коре омода будан; **хизмат кардан** кор кардан, вазифаеро ба ҷо овардан, супоришero иҷро кардан. [183, т. 2, 447] (работать на кого–то. 2. работа, деятельность. 3. обязанность, работа, которую человек или что–либо иное обязано выполнять: военная служба, транспортная служба. 4. труд и деятельность, достойные уважения и общественной похвалы; заработная плата, жалованье; нанимать — значит нанимать кого–то для выполнения чего–то; быть готовым что–то сделать; быть готовым служить; быть готовым что–то сделать, работать, выполнять задачу, выполнять поручение).

ХИЗМАТ 1) служба, должность; деятельность — **хизмати ҳарбӣ** военная служба; **рӯйхати хизматҳо** послужной список; 2) услуга одолжение; **ба хизмати шумо ҳозирам** я к вашим услугам [181, 422].

РИЁЗАТ *а.* 1 رياضت . тоб овардан ба ранчу машаққат, сахтӣ, азоб; машқи варзишӣ, таълим додани ҷонварон, махсусан асп; **риёзат додан** *мач.* ранчу азоб додан касеро, **риёзат кардан** ранчу заҳмат кардан: **риёзати шокқа** меҳнати сахт; порсой, зоҳидӣ. 2. гӯшанишинӣ, парҳезгорӣ бо мақсади ибодат, зоҳидӣ; **риёзат кашидан** ранҷ бурдан, ба машаққат тоб овардан дар роҳи расидан ба мақсаде [183, т. 2, 161]. (переносить страдания, лишения, тяготы; спортивная подготовка, дрессировка животных, особенно лошадей; затруднять кого–либо, самоистязание, страдать и трудиться: аскеза, тяжелая работа; благочестие, аскетизм. 2. уединение, благочестие с целью поклонения, аскетизм; переносить трудности, терпеть лишения на пути к достижению цели

РИЁЗАТ *книжн.* 1) трудность, затруднение; испытание; 2) воздержание, аскетизм, подвижничество; **риёзат кашидан** а) испытывать трудности, преодолевать затруднения; подвергаться лишениям; б) прилагать усилия, трудиться; в) вести воздержанную, аскетическую жизнь, подвергать себя лишениям [181, 325].

Слово «кор» встречается в пять с половиной раз чаще по частоте употребления и в 4 раза чаще по охвату документов, что закрепляет его доминирующее положение в системе языка.

Персидско-таджикское слово «кор» происходит от древнеиранского корня *kar-* и глубоко укоренилось как в языке, так и в культуре.

Меҳнат — арабское заимствование (مشقة — «тягость, трудность»), вошедшее в таджикский через исламскую литературу и административную лексику.

Исконные слова в повседневной речи преобладают, потому что носители языка легче их понимают, и они охватывают более широкий диапазон значений. Слово *кор* полисемично, так как обозначает работу, а также дело, действия, профессию, занятие, функцию.

Семантический диапазон слова *меҳнат* несколько ограничен.

Лидирующее положение в сравнении со своими синонимами **меҳнат**, **заҳмат**, **шуғл**, **фаъолият** лексема **кор** занимает благодаря своей фонетической

простоте и возможности использовать все формы и способы таджикского словообразования: коргар, корманд, корхона, коркӯфта, корам, корамнашуда, коранда, корафтода, корбоф, коргарзан, коргузорӣ, коргурез, кордида, кордӯст, корнамоӣ, корчаллон и т.п.

Высокая частотность «кор» в 30 783 документах свидетельствует о том, что оно встречается в различных формах текста, включая разговорную речь, а также СМИ, литературные произведения и официальные документы.

Слово «мехнат» встречается в основном в специализированных текстах, включая трудовое законодательство и политические выступления.

Распространённость «кор» обусловлена его исконным языковым статусом в сочетании с универсальным семантическим значением и культурной укоренённостью. Статистика корпуса подтверждает эту разницу, отражая естественную тенденцию языков к приоритету исконной лексики.

Согласно Таджикскому национальному корпусу слово **мехнат** “труд” имеет частоту употребления 15303, количество предложений 13858, количество документов 7239; Кор – 85370, предложений 81181, документов – 30783: Ранҷ – 2357 предложений 2315, документов 1149; Ғайрат – 1003, 998, 678; Машаққат – 379 вхождений, 375 предложений найдено примерно в 257 документах; Амал – 24470 вхождений, 23977 предложений найдено примерно в 13764; Заҳмат – 2099 вхождений, 2071 предложение найдено примерно в 1425 документах; Хизмат 7180 вхождений, 6963 предложения найдено примерно в 4007 документах; Риёзат – 83 совпадения, 80 предложений найдено примерно в 34 документах [https://tajik-corpus.org/tajik_corpus].

Диаграмма 1.

Частотность употребления и количество вхождений лексемы меҳнат и её синонимов.

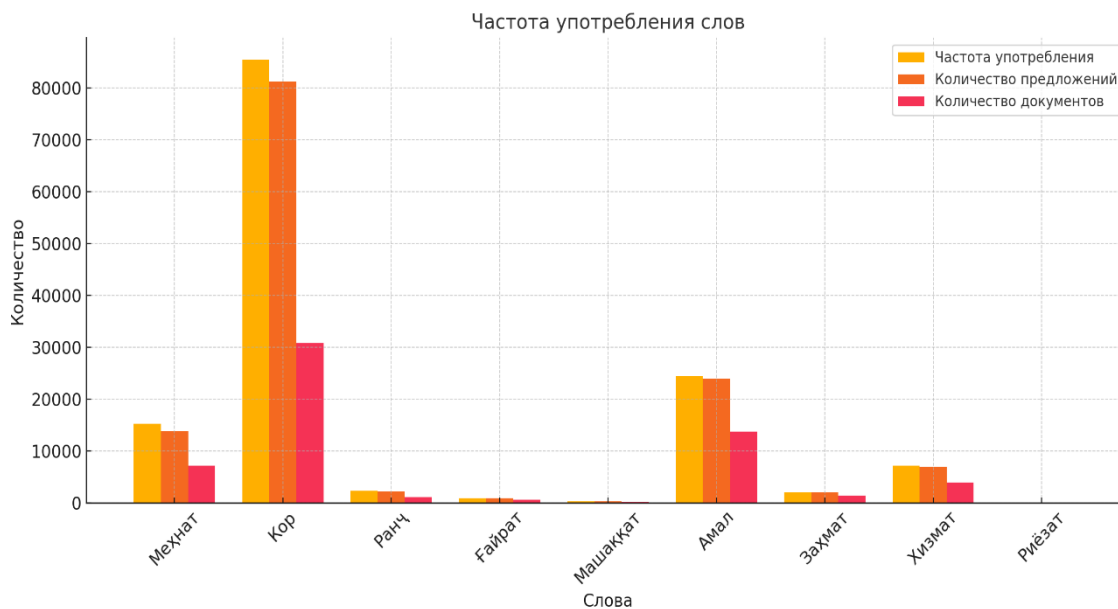

Диаграмма 2. Частотность лексем, связанных с трудом (1900-2020)

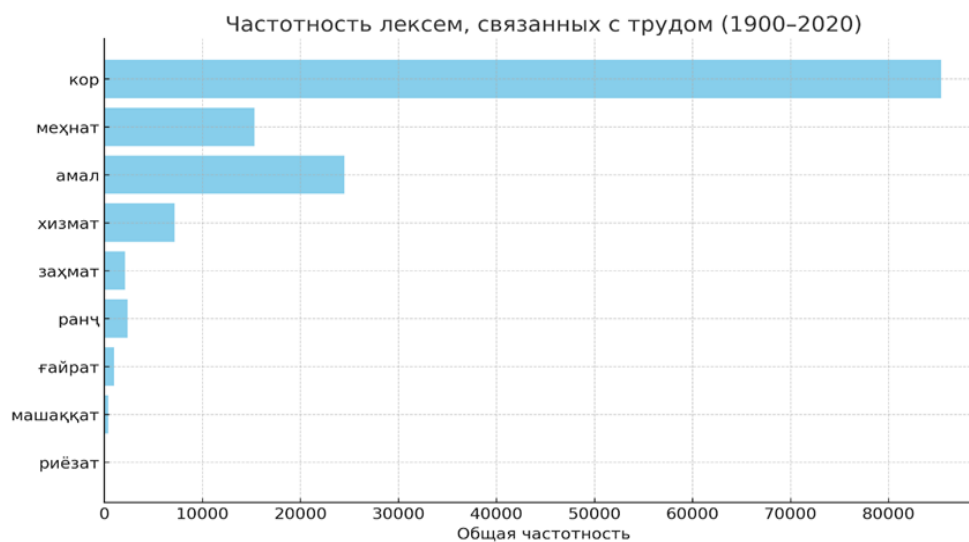

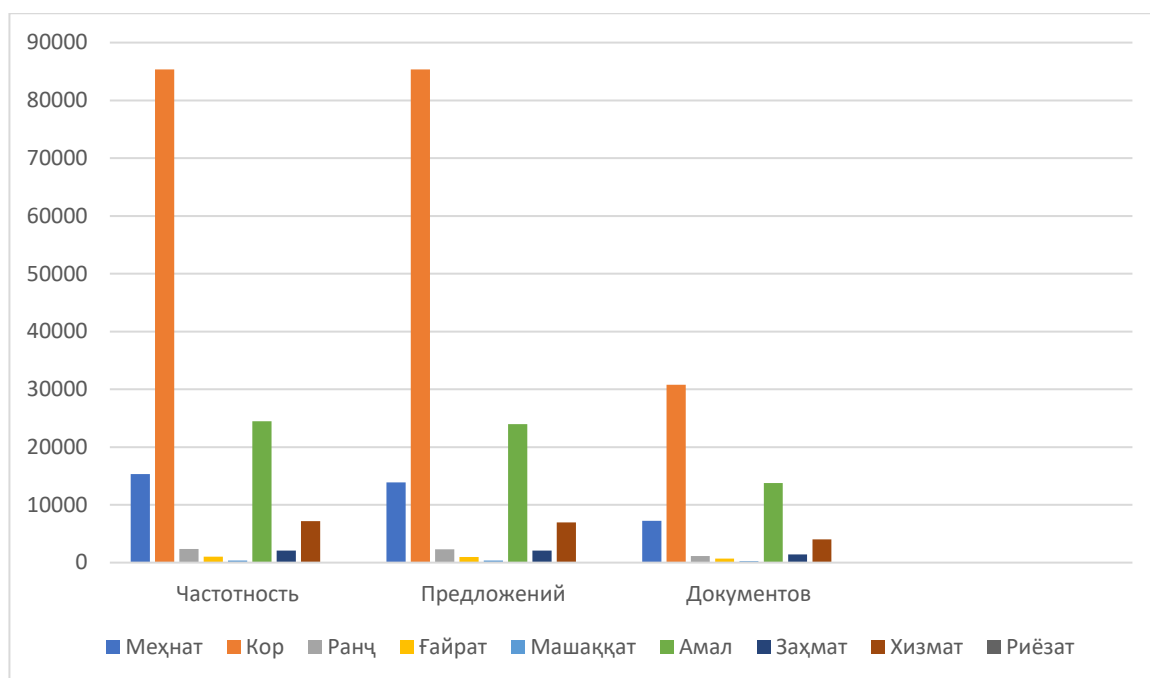
Диаграмма 3. Сравнение частотности лексем по периодам.

Приведённые лексические единицы обладают общим значением, часто выступают в роли синонимов, однако употребляются они в различных коммуникативных ситуациях по-разному, кроме того имеют определённую стилистическую окраску, имея в контексте своё собственное значение.

Ниже приводится диаграмма частотности употреблений лекси́мы **меҳнат** «труд» и её синонимов согласно данным Таджикского национального корпуса [https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search]

Диаграмма 2. Частотность употреблений лекси́мы «труд/меҳнат» и её синонимов.

Эти примеры показывают, как слово **меҳнат** «труд» используется для обозначения физического и интеллектуального труда, а также его социальной значимости в обществе:

*Дар ин марҳала кӯшиши асосӣ, ба гайр аз саъйи барабаси як тамаддуни коммунист сохтан, ба сизируфтани унсурҳои сиёсӣ, иҷтимоӣ, қабули самти илмию фикрӣ ва сарфи **меҳнат** ба истеҳсолот будааст, ки натиҷаи он мақоми дигар ёфтани шахс дар ҷамъият мебошад* [https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search] (На этом этапе основные усилия, в дополнение к постоянным усилиям по построению коммунистической цивилизации, были направлены на интеграцию политических и социальных элементов, принятие научного и интеллектуального направления и вложение труда в производство, результатом чего является изменение положения человека в обществе).

Одамони бисёре ба он аъзо шуда кор мекарданд ва музди **меҳнат** меҳостанд. Ҳукумат ёрӣ диҳад ҳам, қарзи онро як рӯз баргардонида додан лозим мешуд (Многие люди вступили в него, работали там и хотели получать зарплату. Даже если бы правительство помогло, кредит все равно пришлось бы когда-нибудь вернуть) [https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search].

Духтари усто Раҳмат буданамро меҳостам дар **меҳнат** собит намоям. (Я хотела доказать, что я истинная дочь усто Рахмата своим трудом) [https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search]

Шояд як дехконе, ки баробари офтоб—аз тулӯ то ғуруб **меҳнат** мекунад, барои Ватан сахми зиёде дошта бошад.... (Возможно, дехканин, который усердно трудится, как солнце, от восхода до заката, внёс большой вклад в развитие своей родины... [https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search])

—Охир, ту вақти бекоре надори—ку? Шабу рӯз **меҳнат** мекуни. (Так у тебя же нет ни одной свободной минуты. День и ночь трудишься) [https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search]

Басе **ранч** бурдам дар ин сӣ сол, ["Куллиёт. Ҷ. 2» (Шарифзода Х.) [1998–2009] (Я на протяжении этих тридцати лет сильно страдал) [https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search]

Не, медонед, вале дар рагу паям чоргома медавед, то ҳама эҳсосоти шукуфандаро, ки аз **ранч** ва шиканҷаҳое, ки таи рӯзгори хеш таҳаммул мекунам, барӣ созад. (Нет, знаете, вы бежите по моим венам, пытаюсь заглушить все эмоции, которые усиливаются из—за боли и пыток, которые я терплю на протяжении всей своей жизни). [https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search]

Лексикографический анализ концепта **меҳнат** («труд») позволяет глубже понять его лексическую структуру, семантические оттенки и разнообразные значения, связанные с этим термином. Такой анализ не только исследует прямые дефиниции, но и углубляется в культурное и контекстуальное значение слова **меҳнат** в таджикском языке, раскрывая его многогранную роль в коммуникации.

Одной из основных задач данного анализа является выявление и классификация различных языковых элементов, связанных с понятием **меҳнат**. К ним также относятся синонимы, антонимы, фразеологические единицы и другие слова, характеризующие богатство его семантического поля. Например, к синонимам **меҳнат** относятся такие выражения, как **кор** («труд»), **захмат** («старание, работа»), **ғайрат** («усилие»), **кӯшиш** («старание») и **амал**

(«действие»), каждое из которых выражает определённые аспекты труда или усилия.

Анализ словарных дефиниций слова «труд» позволяет выявить сложную семантическую структуру, глубоко укоренившуюся в таджикском языковом мировоззрении. Антропоцентрический конкретизатор «человек» в данном контексте позволяет выделить в нём не только биологические, но и социокультурные аспекты, что согласуется с традиционным пониманием труда в персидско-таджикской философской мысли. Как утверждает Саади в «Гулистане», «Инсон бо кор зинда аст» («Человек живет благодаря труду»), где «зинда будан» («жить») означает не просто биологическое существование, а полную социальную и духовную самореализацию.

Социальный характер труда, усиленный коллективными концептуализациями, проявляется в таджикской терминологии, связанной с общинным трудом. Например, лексема «хашар» обозначает не просто совместный труд; она представляет собой институционализированную практику взаимопомощи, что отражено в словосочетании «хашар кардан», которое передаёт как физические усилия, так и социальную солидарность. Этот культурный акцент на коллективизме иллюстрируется пословицей «Аз як каф садо намебораяд» («Одна ладонь не хлопает в одиночку»), указывающей на взаимосвязь труда и общественных усилий.

Сравнение с русскими языковыми эквивалентами выявляет глубокие культурные различия. Если русский глагол «работать» этимологически связан с подневольным состоянием «раб», то таджикское словосочетание «кор кардан» происходит от древнеиранского корня, означающего «создавать, творить». Этот фундаментальный этимологический контраст отражает различные культурные коннотации:

Таким образом, семантический анализ подтверждает, что концепт «труд» в таджикском языке представляет собой многогранную систему взаимосвязанных значений, включающую в себя:

- 1) социальный (коллективизм и взаимопомощь),

- 2) прагматические (деятельность, направленная на достижение цели),
- 3) экзистенциальный (труд как самореализация),
- 4) духовное (сакрализация труда).

Эта многомерность отражает синтез древних культурных традиций и современных взглядов, сохраняя при этом тесную связь с классическим персидским философским наследием.

Проведение компонентного анализа для слова «работа» позволяет выявить несколько значений, включающих семы деятельности, занятия и труда. Важно отметить, что слово «работа» связано с лексемой «деятельность» через отношение взаимной идентификации. Кроме того, в четвёртом значении слова «работа» встречается слово «служба», которое описывает выполнение чьей-либо воли.

Компонентный анализ лексемы «кор» («работа») в таджикском языке выявляет сложную семантическую структуру, синтезирующую как современные, так и традиционные представления, заложенные в таджикском языковом сознании. В отличие от русского языка, где лексема «работа» этимологически связан с подневольным трудом, таджикская лексическая система сохраняет более широкий спектр значений, отражающий её корни в классической персидской философской мысли.

Концепт «кор» в таджикской лингвокультуре включает в себя несколько основных семантических компонентов:

- фаъолият (деятельность) - обозначает общее понятие занятости, как, например, фаъолияти касбӣ («профессиональная деятельность»).
- машғулият (занятие) – обозначает привычные или рутинные действия, например, машғулияти ҳаррӯза (ежедневная деятельность).

Отличительной чертой таджикской концептуализации «работы» является её тесная связь со «служением» (хизмат), отражающая важнейшую культурную ценность: в официальном дискурсе – «хизмати давлатӣ» (государственная

Сопоставительный анализ выявляет заметные структурные и семантические различия между таджикским и русским языками в плане лексических конструкций:

- русское «работать на кого-то» и таджикское «барои касе кор кардан» (работать на благо кого-то), акцент в котором на цели, а не подчинении.
- русское «служба» (часто с бюрократической или негативной коннотацией) против таджикского «хизмат» (хизмат ба касе), которое сохраняет изначально положительное значение, связанное с долгом и уважением.

Таджикский язык сохранил ключевые культурно-исторические нюансы в своей концептуализации работы и в некоторых выражениях – «кору бор» («работа и ноша, бремя, груз») является устойчивой языковой конструкцией, сохраняющей неразрывную связь между трудом и ответственностью.

С другой стороны, антонимы **меҳнат** включают такие лексемы, как **истироҳат** («отдых»), **бекорӣ** («безделье») и **танбалӣ** («лень»), которые представляют собой состояния или отношения, контрастирующие с активной и продуктивной природой труда. Эти антонимы не только обогащают семантическое поле **меҳнат**, но и дают представление о культурных и общественных ценностях, связанных с понятием труда и производительности.

Кроме того, в анализе рассматриваются фразеологические выражения и идиомы, связанные с **меҳнат**, проливающие свет на символическое и образное употребление термина. По понятным причинам эти выражения могут порождать другие субакценты, которые отражают более глубокий пласт таджикской культуры, говорящий об идее труда, воспринимаемой и ценимой в таджикском языковом и культурном пространстве.

Изучая лексические связи, синонимы и антонимы, связанные с **меҳнат**, лексикографический анализ служит действенным средством для понимания более широкой семантической и культурной структуры таджикского языка. Он проливает свет на взаимосвязь между языком и культурой и дает систематическое представление о том, как понятие **меҳнат** / **труд** вписывается в языковое и культурное познание носителей таджикского языка.

Лексикографический анализ также позволяет выявить различные значимые словосочетания и фразы, в которых встречается термин **меҳнат** / труд, обогащающие и контекстуализирующие его семантику.

Понятие **меҳнат** / труд включает в себя не только физические и умственные усилия, но и такие качества, как терпение, стойкость и настойчивость перед лицом жизненных трудностей. Эти аспекты **меҳнат** / труд способствуют развитию таких личностных качеств, как дисциплинированность, целеустремленность и способность к адаптации, которые необходимы для достижения успеха в различных начинаниях.

Широкое применение **меҳнат** / труд указывает на его важность как для личности, так и для общества. Как и многие другие аспекты человеческой деятельности, он обеспечивает мотивацию на протяжении всей жизни людей, влияя на их благосостояние и совершенствование общества, культуры, экономики, а также на накопление культуры и знаний

На основе приведённых выше примеров концепт **меҳнат** / труд образует следующие лексические единицы:

Умственный труд (меҳнати зеҳнӣ): это интеллектуальное усилие, связанное с мыслительной деятельностью, решением задач, поиском знаний и т.д.: *Мушкилоти масъалаҳое, ки дар мусобиқаҳо ҳал мешаванд, нишон медиҳанд, ки дар саноати асри XXI тақсимоти анъанавии меҳнат ба ҷисмонӣ ва зеҳнӣ аллакай хеле шартӣ мебошад. Тибқи ақидаи кориносон саноатҳои эҷодӣ соҳаҳои истеҳсоли мебошанд, ки захираҳои асосии онҳо иқтидорӣ эҷодӣ, моликияти зеҳнӣ, истеъдод ва меҳнати зеҳнӣ буда, бо истифода аз он молҳо ва хидматҳоро истеҳсол менамоянд.*

Физический труд (меҳнати ҷисмонӣ): это физическое усилие, затраты энергии и силы для выполнения какой-л. работы: *Мардум кайҳо боз омӯхтаанд, ки вазнинии меҳнат ва ҷаззоб набудани ҷисмони онро паси сар кунанд, аммо сабабҳои ин бартарафсозӣ на ҳамеша моро қонеъ мегардонанд [здесь и далее перевод Х.С.Ш.]. Володя пулро бо меҳнати душвори зеҳнӣ ба даст меорад, Юра*

— бо меҳнати осон ва ҷисмонӣ, ва Скабичевский аз принцип ҳоло ҳеҷ чизiero ба даст намеорад.

Ответственность и дисциплина (Масъулият и интизом): труд предполагает самодисциплину, ответственность и усердие в работе: —*Чаро ҳайрон шудӣ?— ба гап даромад писарбача. Амалиёти баландихтисос, кори истисноӣ бо масъулияти баланд аст. Анна ба забони англисӣ тарҷума шудааст.*

Дар тиҷорати мо, Таня, касбӣ касест, ки **масъулиятро** ба дӯш мегирад, аз имконоти мавҷуда қобили қабулро интихоб мекунад, баъзан ин интихоби ҳаёт ё марг аст. Акнун ки дар мамлакат макони вайрон намондааст, кори мамлакат тамом аст ва аҳволи халқ **дар интизом**. — Мақсадро худатон баён кардед, — аз ҷой бархост сариқтисоддон, — боварӣ, **интизом**, иҷрои вазифа.

Результаты (натиҷа) и достижения (дастовардҳо): труд направлен на достижение конкретных результатов, целей или улучшение: «Шумо дар бораи он чӣ фикр доред, ки баъзе **дастовардҳои** илмӣ барои саломатии мо таҳдид мекунанд?» — бо лаҳни сахт пурсид ӯ. (Как вы относитесь к тому, что результаты некоторых достижений науки несут угрозу нашему здоровью? — резким голосом спросил он). Ба фикри шумо, шояд ин **натиҷаи** расидан ба ҳадаф бошад? (Вы думаете, что возможно это и есть результат достижения цели?) Ба он деҳа рафта дар назди арбобу калонони он ҷо васиқа кардан лозим аст, — гуфт ноиб, — «Арбобро бину деҳро тоз» гуфтаанд, коре, ки дар деҳот бе хабардории арбоб ва калониавандагон карда шавад, **натиҷаи** хуб намедихад. (С.Айни “Марги судхур”, с. 109) (Как приедем в кишлак, надо обязательно пойти к арбабам и старейшинам, чтобы составить документы на владение, — сказал наиб, — Как говорится, найди ключ к сердцу арбаба и селение окажется у тебя в руках. Если вы находитесь в сельской местности и не поставите в известность старейшин и арбабов, ничем хорошим это не закончится). **Натиҷаи** ин корҳо боз ҳамон барҳам хурдани урфу одатҳои кӯҳна мешавад, ки мо боз ба канор баромада мемонем. (С. Айни “Ёддоштҳо) (В итоге все это

приведет к тому, что наши обычаи и традиции будут разрушены, а мы снова окажемся на обочине).

Одним из важных аспектов лексикографического анализа является также исследование коннотаций и эмоциональных оттенков, связанных с понятием **«меҳнат»**. Например, **«меҳнат»** может ассоциироваться с понятиями **низом** «дисциплины», **«фидокорӣ»** самоотверженности, **«дастовард»** достижения, **«кӯшиши»** усилий, **«мушкилот»** трудностей, но также может вызывать ассоциации с **хастагӣ** «усталостью», **серкорӣ** «перегрузкой» или даже **истисмор** «эксплуатацией».

Лексикографический анализ концепта **«меҳнат»** позволяет исследовать его многогранность, разнообразие значений и использование в различных контекстах. Это помогает более точно понять и описать понятие **«меҳнат»** в таджикском языке, учитывая его лексическую, семантическую и эмоциональную природу.

2.3. Семантика и функции труда в пословично-поговорочном фонде русского языка

Использование пословиц и поговорок для изучения концепта «труд» помогает выявить связанные с ним смыслы и перцептивные модели. Они могут дать много информации о различном и даже противоположном отношении к рассматриваемому явлению. Даже если эти характеристики динамичны и зависят от контекста, это будет способствовать выработке надёжного определения понятия «труд». В русских пословицах и поговорках содержится множество лексических средств, которые отражают концепт «труд», представленный ключевой лексемой «труд», а также синонимическими лексемами, однокоренными словами. Изучение концепта «труд» в этих выражениях начинается с паремий, где содержится ключевая информация.

Важно отметить, что многие характеристики из интерпретационного поля могут быть яркими в сознании народа в определенные периоды и существенно влиять на его мышление и поведение [Попова, Стернин 2002]

При изучении в словарях «Русские пословицы и поговорки» [М. А. Рыбникова, 1961], «Большой словарь русских поговорок» [<https://rus-proverbs-dict.slovaronline.com/search>] 1005 паремий, связанных с концептом «труд», лексема «труд» встречается 197 раз. Необходимость кропотливого и честного труда, приносящего результаты и пользу как самому человеку, так и обществу – основной концептуальный признак, выражаемый этими народными мудростями. В большинстве пословиц и поговорок говорится о том, что без усилий и труда невозможно достичь желаемого и успешно преодолеть препятствия. Это свидетельствует о значительной важности труда в культуре и мышлении народа, а также подчёркивает его роль в достижении успеха и благополучия.

Многочисленные русские паремии раскрывают различные аспекты позитивного восприятия трудовой деятельности. Выделим ключевые смысловые группы:

1. Труд как основа жизнеобеспечения:

Пословицы акцентируют, что труд — необходимое условие существования: *«Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «Труд кормит, а лень портит», «Кто не работает, тот не ест», «Хочешь есть калачи – не сиди на печи», «Дело мастера кормит», «Где труд, там и хлеб», «Труд человека кормит, а лень в нищету ведёт», «Работаешь – ешь с охотой, без дела сидишь – хлеба не жди», «Не будет поту – не будет и хлеба», «Что потрудимся, то и поедим»; «Без дела жить — только небо коптить». Отсутствие труда ассоциируется с нищетой: Вот несколько русских пословиц и поговорок, в которых отсутствие труда ассоциируется с нищетой: «Лень до добра не доведёт», «Лентяй да лежебока – нищете родная кровать», «Не будешь работать – будешь побираться», «Лень – родная сестра бедности», «Без дела жить – только небо коптить», «Не потрудился – с голоду умрёшь», «Кто лодыря гоняет, тот хлеба не знает», «Ленивому всегда праздник, да хлеба нет», «Где лень, там и бедность», «Станешь лениться — будешь с сумой волочиться».*

2. Терпение и усердие в труде:

Успех связывается с настойчивостью: *«Терпение и труд всё перетрут»*; *«Без труда не вынешь рыбку из пруда»*, *«Без труда не вытащишь и рыбку из пруда»*, *«Белые руки чужие труды любят»*, *«Всякая работа мастера хвалит»*, *«Где много слов, там мало дела»*, *«Глаза боятся, а руки делают»*, *«Делу время, а потехе час»*, *«За всякое дело берись умело»*, *«Каков работник, такова ему и плата»*, *«Кончил дело — гуляй смело»*, *«Не спеши языком, торопись делом»*. Подчёркивается ценность прилежания: *«Работай до поту — так поешь в охоту»*, *«Кто слово скор, тот в деле редко спор»*, *«Кто любит труд, того люди чтут»*, *«Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто на дело гош»*.

2. Ответственное отношение к работе:

«Была бы охота — наладится всякая работа», *«В полпеча работа тяжела, оба подставишь — легче справишь»*, *«Глаза страшатся, а руки делают»*, *«Горька работа, да хлеб сладок»*, *«Доброе дело спасёт душу и тело»*, *«Думай к вечеру, а делай поутру»*, *«Дело шутки не любит»*; *«Делать как-нибудь — так никак и не будет»*. Осуждается халатность: *«Коли орать — так в дуду не играть»*; *«Чем эдак пахать, так лучше выпрягать»*, *«У халатности три брата: один — «авось», другой — «небось», третий — «как-нибудь»*, *«Лучше сидеть сложа руки, чем делать спустя рукава»*.

4. Преодоление трудностей:

Труд ассоциируется с усилиями: *«Не срубить дубка, не насадив пупка»*, *«Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть»*, *«Без топора и клина избу не срубишь»*, *«Без терпения нет умения»*, *«Пот проливать — хлеб добывать»*, *«Чтобы кашу сварить, надо котёл растопить»*. Активность противопоставляется пассивности: *«Сложив ручки не пойдёшь и по обабки»*, *«Сложив руки и камень не поднимешь»*, *«На печи лежать — добра не видать»*, *«Лодырь и в праздник беден»*.

5. Труд и материальное благополучие:

Пословицы связывают трудолюбие с достатком: *«Кто пахать не ленится — у того хлеб родится»*; *«Где работа — там густо, а в ленивом доме пусто»*, *«Кто пахать не ленится — у того хлеб родится»*, *«Руки работают — голова*

кормит», «Кто рано встаёт, тому Бог подаёт», «Не потрудиться — так и хлеба не добиться», «Работай до поту — поешь в охоту», «Доброе дело само себя хвалит».

6. Социальное признание труда:

Уважение к труженикам выражено в афоризмах: *«Работа да руки — надёжные в людях поруки»; «Дома не лежу, а в людях не стою», «Золотые руки у того, кто трудится умело», «Умелец да рукоделец себе и людям славу приносит» «Кто в труде живёт, того люди чтут», «Рабочего человека по рукам видно», «Кто землю лелеет, того земля жалеет», «Не место красит человека, а человек место»*

7. Соразмерность труда и отдыха:

«Работе время, а потехе час»; «Сделал дело — гуляй смело», «После работы и отдых сладок», ««Поработал — отдохни, послужил — погуляй», «Кто хорошо трудится, тот хорошо отдыхает», «Труд без отдыха — не жизнь, а мука», «От трудов праведных не нажить палат каменных»,

Такое многообразие подтверждает, что труд занимает одно из центральных мест в системе ценностей русской лингвокультуры.

Например: *Хочешь есть калачи — не сиди на печи. Кто в труде, тот и в чести. Умелец и топором дерево обстрогает. Не трудись в праздности — трудись в работе. Трудолюбие — ключ к богатству и др.*

Вместе с тем нужно сказать, что любая деятельность не приведёт к хорошему результату без затраченных для этого усилий. Этот принцип отражён в таких пословицах, как *«Без дождя трава не растёт, без труда хлеб не родится»* и *«Без труда всё гниёт, а с трудом цветёт», «Усердие к труду — путь к счастью» и т.п.*

Чтобы достичь чего-либо, необходимо вложить усилия и труд: *Не потрудиться, так и хлеб не родится. Терпенье и **труд** все перетрут.* Человек ***трудится** — земля не ленился;* человек ленился — земля не ***трудится**.* Чем ***труднее** дело, тем выше честь.*

Результат, достигнутый трудом, всегда ценится: *Дорога ложка к обеду, а **труд** – к делу. Кто **трудится**, тот и славится. Радость в **труде** – богатство в доме. Только то и крепко, что трудом добыто.*

Жить своим трудом всегда считается правильным и справедливым: *Свой **труд** – свои и плоды Честный **труд** человека красит. Живи по **труду** – будешь в ладу. Своим **трудом** жить – перед людьми не стыдиться. Кто по совести **трудится**, тот счастья добьётся. Честным **трудом** дорога светла.*

Чужой труд за счёт собственной выгоды осуждается: *Чужой **труд** – не своё добро. На чужой спине в рай не въедешь. Чужим **трудом** жить – совесть погубить. Не своим **трудом** жить – горе себе нажить. Легко чужим **трудом** богатеть, да совесть тяжелеет.*

Также встречаются пословицы, которые осуждают бесполезный и напрасный труд: *На песке дом строить – труд зря тратить. Гнездо в буре свивать – труд на ветер. Напрасный труд – хуже лени. Даром трудиться – только руки марать. В пустую бочку воду лить.*

В множестве паремий выражается, что труд требует больших усилий и напряжения: *Без **труда** науки не даются. Знание без **труда** мертво. Кто учится, тот **труда** не боится. Долгий **труд** – основа великого знания.*

Пословицы и поговорки отражают ценность труда в достижении желаемого результата.

Человеческий труд невозможен без старания, терпения, воли и стремления. Вместе с трудом эти качества помогают человеку достичь результатов: *Воля крепка – гора по плечу. Кто трудится, тому и счастье улыбается. С волей железной труды легки. Не ленись, а потрудись – и к успеху приблизишься. Поспевай медленно, но трудись усердно. Человек силен, когда старание с трудом идёт рука об руку.*

В русских народных пословицах говорится как о физических аспектах труда, так и его влияние на человеческий дух и чувства. В них заключена значимость внутренней самореализации и цели, которые возникают в результате работы по специальности, которая действительно нравится людям.

В пословицах и поговорках труд прославляется как средство придания жизни смысла. В них утверждается, что без труда время кажется бесконечным, дни – нескончаемыми. Это не только потребность, но и существование человека.

Паремии также выражает важность труда в формировании личности и духовном самосовершенствовании: *Не тот живёт больше, чей век дольше, а тот живёт дольше, чьих трудов больше. Человек трудом оценивается. По труду можно судить о человеке. Дерево узнают по плодам, а человека – по трудам. Золото познаётся в огне, а человек — в труде. Дерево оценивают по корням, а человека – трудом и др.*

В русских паремиях отражено противоречивое отношение к труду, усилиям и организации времени для достижения целей. С одной стороны, многие из них воспевают трудолюбие, мастерство и дисциплину как основу успеха: *Терпение и труд всё перетрут. Ремесло за плечами не носить, а добром корми. Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Сделал дело — гуляй смело.*

Однако в других пословицах сквозит фатализм, сомнение в эффективности усилий и принятие неизбежности тягот. Здесь труд воспринимается как бесконечная ноша, где инициатива бессмысленна: *Работы невпроворот, а конца не видно, Работа не волк, в лес не убежит. От трудов праведных не нажить палат каменных, День прошёл — и слава Богу.*

Эта двойственность частично объясняется историческим контекстом. Труд, особенно подневольный, часто ассоциировался с угнетением, что порождало пассивность: *На чужой работе не разбогатеешь, Работаешь до седьмого пота, а кушаешь через год. Хозяин жиреет, а работник хиреет Барин в усах, а мужик в слезах. Работа – не мёд, не оближешься. Работать за спасибо — только ноги оббить. За свой труд попал в хомут. Работа на барина – день длинный, а хлеб чёрствый.*

В русских паремиях прослеживается двойственность: с одной стороны, труд предстаёт как инструмент самореализации, с другой — как неизбежная обязанность. Эта противоречивость отражает переход от восприятия работы как

принудительного действия к её осмыслению как творческого процесса. Культурное развитие здесь проявляется в эволюции свободы выбора — человек постепенно преодолевает рамки социального давления, находясь в точке пересечения общественных требований и личных устремлений.

Таким образом, деятельность человека всегда сопряжена с дилеммой: действовать в соответствии с собственными целями или подстраиваться под внешние условия. Прогресс культуры измеряется тем, насколько общество освобождает индивида от жёстких природных и социальных детерминант, открывая пространство для саморазвития.

В пословицах отражено мышление людей, которые считают, что труд не только обеспечивает материальное благополучие, но и служит основой гармонии в обществе, когда индивидуальные достижения непосредственно влияют на благополучие общества. Отношение к труду, как показывает анализ паремий разных эпох, менялось на протяжении различных исторических этапов: от восприятия его как тяжкой повинности до признания важности осознанного, творческого подхода. Примечательно, что в большинстве случаев труд в пословицах оценивается позитивно, ассоциируясь с чувством достоинства, радостью и внутренней свободой. Например, безделье часто осуждается, а трудолюбивый человек противопоставляется «пустому» или «бесполезному». В таких выражениях заложена идея: истинная ценность труда — не только в результатах, но и в моральном удовлетворении, которое он приносит, придавая смысл ежедневному, повторяющемуся из года в год занятию. Пословицы показывают, что принудительный труд часто воспринимался как тяжёлый, неблагодарный и лишённый личной выгоды.

2.4. Репрезентация концепта «меҳнат//труд» в паремиологическом фонде таджикского языка

Самобытная национальная идентичность и языковое своеобразие народа проявляется в паремиологической картине мира. Она является хранилищем богатого исторического опыта, представлений о труде и быте, культурных обычаев. Одним из очень важных этапов, который необходимо пройти перед освоением нового языка и расширением области свободного владения им, является изучение пословиц и поговорок. Пословицы, идиомы и поговорки дополняют коммуникацию, часто очень продуманно, делая её своеобразной, точной, яркой, выразительной и запоминающейся.

Культурное развитие народа, отражённое в паремиологической картине мира, складывается на основе социальных, политических, культурных изменений и достижений на протяжении длительного исторического времени, являясь частью общей языковой картины мира, отражает самобытность национально–культурного сознания того или иного народа. Образный аспект идиом играет решающую роль в их значении, причём контекст их происхождения часто служит основой для их интерпретации.

Паремиологической взгляд на мир, формируемый пословицами, поговорками, идиомами и т. д., представляет собой языковой феномен национального культурного наследия. Они образуют отдельную категорию языковых единиц, которые выходят за рамки обычных словосочетаний и за пределы потенциальных синтаксических структур, встречающихся в повседневной речи [167, 33].

За тысячелетнюю историю таджикского языка паремиологическое наследие сохранило общинную мудрость, которая отражает глубокие чувства общества в отношении труда, повседневной практики и культурных традиций. Традиционные знания, заложенные в пословицах, служат зеркалом, которое отражает национальную идентичность, культурное своеобразие и фундаментальные ценности таджикского народа.

Слово «труд» (меҳнат), встречающееся в паремиологическом фонде, играет важную роль в формировании представлений о ценности труда в обществе. Паремии, фразеологизмы, пословицы и поговорки, связанные с «*меҳнат*», не только обогащают язык, но и придают выразительность и образность речи. Они играют важную роль в усвоении языка и повышении культуры речи, закрепляя в рамках народной мудрости такие ценности, как стойкое отношение к делу и упорный труд, а также личная ответственность и профессиональное стремление к мастерству.

Как справедливо отмечала Маслова В.А.: «язык — это путь, по которому мы проникаем не только в современную ментальность нации, но и в воззрения древних людей на мир, общество и самих себя. Отзвуки давно минувших лет, пережив века, сохраняются сегодня в пословицах, поговорках, фразеологизмах, метафорах, символах культуры и т.д.» [83, 1].

Л. В. Басова считает, что «паремиологический фонд языка в наибольшей степени отражает особенности мировосприятия носителей языка, обусловленные национальной культурой» [16, 19].

Языковая картина мира каждой этнической группы проявляется в их способности трансформировать сложные идеи в яркие образы. Любой язык содержит бесконечное количество образных выражений, которые позволяют людям распознавать абстрактные идеи через конкретные чувственные образы. В лингвокультуре эту особенность демонстрируют паремии — пословицы, создающие сложные скопления философско-этических и социально-культурных смыслов.

Одно из центральных мест в таджикской паремиологической системе занимает концепт «меҳнат» (труд), семантика которого выходит за рамки простой физической деятельности. Анализ фразеологизмов и пословиц, являющихся неотъемлемой составляющей паремиологической картиной мира, отражая языковой феномен национально-культурного наследия таджикского народа, раскрывает многослойность и многогранность этого понятия.

Для исследования мы обратились к словарям фразеологизмов, пословиц и поговорок таджикского языка, таким как «Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ)» (Словарь фразеологизмов современного таджикского языка (фразеологический словарь) М. Фозилова, «Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими» (Зарбумасал ва мақолаҳои тоҷикӣ ва аналогияи русии онҳо) Я.И. Калонтарова. В результате выделяются основные когнитивные признаки, которые отображают понятие «меҳнат» в таджикском языке через паремии:

Труд – основа человеческого существования, гарант материального и духовного благополучия:

1. *Меҳнати имрӯз – роҳати фардост (сегодняшний труд – завтрашний отдых)*
2. *Меҳнат куну ризқата ёб (трудись, заработаешь свой хлеб).*
3. *Меҳнат кунӣ – роҳат бинӣ, бекор шинӣ – алам бинӣ (будешь трудиться – увидишь довольство, будешь без дела сидеть – увидишь горе)*

Честь и достоинство в труде.

1. *Меҳнат иззату лаззат дорад (в труде почёт и уважение)*
2. *Меҳнат – шараф аст (труд – слава).*
3. *Меҳнат кунӣ – ҳалол кун, ҳосилаша ҷавол кун (если честно потрудиться, урожай мешками соберёшь)*

Упорство и настойчивость в работе:

1. *Гар ту кунӣ ҳаракат, ёбӣ зари пурқимат (Если будешь стараться, найдёшь драгоценное золото)*
2. *Зар бе ранҷ нест, роҳат бе меҳнат (Золото не без забот добывается, отдых – не без труда)*
3. *Имрӯз меҳнат, фардо (пагоҳ) роҳат (Сегодня потрудишься – завтра отдохнёшь)*

Понимание важности труда как неотъемлемой составляющей жизни, источника процветания и развития.

1. То даст наҷунбад, даҳонат намечунбад (Пока руки не двинутся, рот не зашевелится).

2. То меҳнат накунӣ, нон намеёбӣ (Пока не потрудишься, хлеба не добудешь)

3. Роҳат агар ҷӯӣ, аз ранҷ матарс (Если ищешь довольствия, не пугайся труда).

Отрицательное отношение к бездельникам, лоботрясам и нахлебникам:

1. Кӣ кашад ҷабру ҷафо, кӣ кунад кайфу сафо (кто терпит страдания и мучается, а кто развлекается и наслаждается).

2. Нарииштаву натофта, аз баҳри худо ёфта (не прилагая никаких усилий обрести имущество и другие блага)

3. Аз бекор худо (ҳама) безор (Бог (никто) не любит бездельников)

4. Ду даст дар киса (сидеть сложа руки)

Исследование паремий, связанных с концептом «меҳнат» (труд), раскрывает ценностную картину мира таджикского народа, его отношение к труду и представления о его роли в обществе. Эти выражения придают языку неповторимый колорит, обогащают культуру речи и позволяют лучше понять и оценить трудовую деятельность в контексте таджикской культуры.

Труд представляет собой неотъемлемую часть нашей жизни, поскольку через него мы приобретаем знания, преодолеваем жизненные трудности, развиваемся и достигаем успеха.

В приведённых паремиях подчёркивается, что упорный и настойчивый труд приносит свои плоды, делая его результативным.

Меҳнат (труд) требует выдержки, самоотверженности и постоянного стремления к самосовершенствованию. Он является фундаментом для достижения высоких результатов в различных сферах жизни, будь то профессиональная деятельность, учёба, спорт или личная жизнь.

Без труда невозможно достичь поставленных целей и реализовать свой потенциал. Он требует настойчивости и терпения, особенно в трудных условиях или в преодолении препятствий на пути к успеху.

Таким образом, концепт «труд/мехнат», рассматриваемый в аксиологическом аспекте, обнаруживает положительную оценку в таджикских паремиях. Труд необходим человеку для приобретения жизненного опыта, развития навыков и достижения целей. Он помогает ограничивать желания, проявлять самоотверженность и самодисциплину.

В «Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ)» (Фразеологический словарь современного таджикского языка) М. Фозилова слово мехнат употреблено в различных формах, фразеологизмах и предложениях 155 раз, что подтверждает высказанное выше мнение об особом месте труда в таджикской культуре.

Приведём в качестве примера некоторые из них:

Ҳалол мехнат кард, аз мехнати ҳалол барака меёбад... Ф. Ниёзи «Духтари ҳамсоя (Дочь соседа)» (честно работал и получил выгоду) [186, 87]

Фаҳмидӣ, роҳат бе **мехнат** муяссар намешавад. Дж. Икромӣ (“Шодӣ”) (нет хорошего отдыха без труда, понял?) [186, 252]

Кадам **мехнат**? Мо ҳанӯз **мехнат** накардаем ва барои ҳамин ҳам коре нашуд. Агар дуруст **мехнат** мекардем, дасти мо боло буд. Дж. Икромӣ (“Шодӣ”) (Какой труд? Мы до сих пор не трудились и ничего не сделали. Если бы работали правильно, добились бы успеха). [186, 317]

Ҳамаи ин майлаш, вай аз кор наметарсид, аз **мехнат** сар наметофт, агар ўро таҳкир намекарданд, агар ҳар замон ба дили дардноки ў сих намезаданд... Ч. Икромӣ “Духтари оташ” (Дочь огня) (Кроме того, он работы не боится, не воротит нос от неё, если бы его не унижали, не ранили его в сердце...) [186, 406]

Дар замонҳои пештара одами **мехнат** мекардагӣ хор, **мехнат** намекардагӣ, бекорчиҳо азиз буданд. Киҳо кашанд чабру чафо, киҳо хуранд шаҳду шакар... С. Улугзода “Шодмон” (В прежние времена тот, кто трудился, страдал, а бездельники были в почёте) [186, 549]

– Миёнатон дард накардааст, намедонед, ки дар бинои ин мадраса чӣ қадар пул сарф шудааст ва он пул аз кучо ва ба чӣ гуна **меҳнат** ба даст даромадааст... С. Айни “Ёддоштҳо” (Воспоминания) (У вас спина не болела, не знаете, сколько денег было затрачено на медресе, откуда и каким трудом они были добыты) [186, 651].

Исследование языковых средств, используемых для выражения «меҳнат» в таджикском языке, позволяет увидеть, что это понятие является важной частью культуры и сознания носителей языка, не ограничиваясь физическим трудом. Он также включает в себя понятие «кор» (работа), которое является более обширным и охватывает как физическую, так и умственную деятельность, направленную на достижение определённых целей.

В «Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ)» (Фразеологический словарь современного таджикского языка) М. Фозилова слово “*кор*” употреблено в различных формах, фразеологизмах и предложениях 857 раз.

Например:

Полезность чего–либо в будущем:

Ба кор омадан – сгодится к чему–либо, пригодится когда–либо, понадобится

...акнун ман ба ту (кордро —М. Ф.) ҳаҷя мекунам, писари азиз, ягон вақт **ба кор** меояд. Ф. Ниёзӣ [187, 12] (Подарю тебе нож, сынок, когда–нибудь пригодится)

Приоритет выполнения работы перед развлечениями или другими менее важными делами.

Аввал кор, баъд бозор – букв. сначала дело, потом базар (делу время – потехе час)

аввал кор, баъд тамошо, пеш аз хама кору вазифа, баъд корҳои дигар – сначала дело, потом зрелище, прежде всего работа, а потом другие дела .

Ҳамин тавр–кӯя, ҳақиқатан аввал кор, баъд бозор! Лекин мардаки узбек одами нағз–дия, ба маънос кардани вай дили кас намешавад [187, 20] (Правду

говорят, сначала дело, потом базар. Хороший человек этот узбек, никто не сможет его привести в отчаяние)

Описание ситуаций, когда что-то не идёт по плану или не складывается удачно:

Акси кор – невезение, неудача в делах

Акси кора тамошо кунед, ки имрӯз навбати кори Савсанҷон будааст...[186, 32] (не везёт так не везёт, сегодня очередь работать Савсанджону)

Описание предположений или выводов, сделанных на основе наблюдений

Аз афти кор – выясняется, наблюдается; возможно, вероятно, судя по всему.

1. Аз афти кор, вай ба ягон кароре омада буд. П. Толис “Ҳикояҳо” (Судя по всему он не принял никакого решения) [186, 58]

Несоответствие между словами и делами, когда обещания или заявления не совпадают с реальными действиями

Гап дигару кор дигар – букв. говорить одно, делать другое. 1. всё, как было, ничего не меняется; 2. Между словом и делом большая разница; 3. Дело не совпадает со словом.

— *Медонам, хамаашро медонам. Ҳозир гап дигару кор дигар. Ҳатто мехмоиҳонаҳои колхозӣ мо аз хонаи бойҳои пештара беҳтар ва озодатар.* [186, 72] (Знаю, всё знаю. Сейчас всё по-другому. Даже наши колхозные гостиницы лучше и свободнее, чем дома богатых людей прошлого).

Слова и советы никак не влияют на человека

Гап кор накардан – не повлиять

— *Беҳуда насиҳат карда нашинед, ба вай гап кор намекунад.* [186, 205] (Не давайте советов зря, ему это не поможет)

Суть или объяснение какого-либо дела или ситуации

Гапу кор чи – в чём суть чего-либо, в чём дело. –

чӣ будани моҳияти ҷизе, аз ҷӣ иборат будани масъала. — Агар бовар накунед, марҳамат, як сари қадам рафта бинед, сонӣ мефаҳмед, ки гапу кор ҷӣ

будааст. (Если вы мне не верите, пожалуйста, сходите и посмотрите, вы поймёте, в чём суть дела). [186, 206]

Выражает усталость или невозможность продолжать работу.

Даст аз кор мондан – букв. руки устали, невозможность дальше работать, устать

Дастони хурдтараке, ки пеш аз он киштӣ норонда буданд, дар аввали кор ба ду–се бел задан суи ва карахт шуда аз кор мемонданд... [186, 307]
(Маленькие ручки, раньше никогда не управлявшие лодкой, после двух–трёх гребков веслом ослабли и онемели).

Описывает, когда человек становится способным выполнять определённую работу или достиг зрелости.

Аз дасти касе кор меомадагӣ шудан – 1. уметь делать работу, уметь работать, уметь выполнять работу, 2. Созреть, повзрослеть.

1. Вақте ки аз дастам кор меомадагӣ шуд, баъд ба хотиратон омадам–мӣ? [186, 328] (Вы вспомнили обо мне только тогда, когда я чему–то научился?)

Используется для описания способности человека выполнять работу.

Аз дасти касе кор омадан – кто–то умеет что–либо, может что–либо выполнить.

Худатон ягон кор накунад, аз дасти мо одамони оддӣ чӣ кор меомад? [186, 329]
(Если Вы ничего не делает, что сможем сделать мы, простые люди)

Слово “**амал**” упоминается в указанном словаре в различных словоформах 42 раза:

Олими беамал — занбури беасал – букв. не применяющий на практике свои знания учёный – пчела без мёда. Знания должны претворяться на практике, учёный должен действовать в соответствии со своими знаниями, иначе от них нет никакого толка.

“Шароф Намолов агарчи худаи ба баҳои “аъло” хонад ҳам, лекин ба баъзе рафиқони ақибмонда ёрӣ додан намехоҳад. Ин рафтори Шароф Намолов монанди “олими беамал — занбури беасал” мебошад”. [187, 50] («Шароф Намолов, хоть и сам получил оценку «отлично», но не хочет помогать

некоторым отстающим товарищам. Такое поведение Шарафа Намолова похоже на «праздного ученого – пчелу без меда»).

Используется для описания выполнения планов или действий.

Ба амал баровардан – претворять в жизнь, осуществлять

Накшаи рафик Неъматов ба амал бароварда шуд. [186, 38] (Планы товарища Неъматова осуществились)

Описывает процесс создания или подготовки чего-либо

Ба амал омадан – 1. Возникать, появляться; 2. Готовить, подготовить

Дар вақти сардори собиқи трест як бор не, чандин бор хирворҳои калони ангишт ба амал меомаданд... [186, 38] (Во время работы бывшего директора на-гора неоднократно выдавалось рекордное количество угля)

В «Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ)» (Фразеологический словарь современного таджикского языка) М. Фозилова слово “ранҷ” употреблено в различных формах, фразеологизмах и предложениях 63 раза.

Набурда ранҷ ганҷ муяссар намешавад (пока не прольёшь семь потов, богатства не обретёшь). То меҳнат накуни, роҳат намебинӣ, бе меҳнат роҳат нест. *Онҳо хуб медонанд, ки бе меҳнат роҳат нест ва «набурда ранҷ ганҷ муяссар намешавад» (Они прекрасно знали, что без труда нет отдыха, пока не прольёшь семь потов, богатства не обретёшь) [186, 676].*

Ранҷ бурдан (кашидан)

— *Мо ранҷ мебурдему ранҷро дигарон соҳибӣ мекарданд.*

Гуфт ки: «Ранҷ агар, Хасан, набарӣ,

Нест дар корҳои ту баракат».

Слово ҳунар употреблено 55 раз

Даҳ ангушт (даст) ҳунар будан (мастер на все руки)

— *Мунаввархон, даҳ дастатон ҳунар-дия. Ҳамаи коратон табъи дил [186, 330]. (Мунавварахон, вы мастерица на все руки. Всё, что не сделаете, делаете от всей души)*

Панҷ панчааш ҳунар (то же самое)

Ин буд, ки оилаи ин одами панҷ панҷааш хунар, ки хоҷатбарори мардум буд, ба муҳтоҷӣ зиндагонӣ мекард. (Так случилось, что семья мастера на все руки, помогавшего всем вокруг, жила в нужде) [187, 803].

Аз болои хунар нон хурдан (зарабатывать на жизнь своим ремеслом и мастерством).

Муким бошад, аз болои хунараш нон мехурад (Муким зарабатывал на жизнь своим ремеслом) [186, 131].

Пословицы со словом «меҳнат» являются фундаментальной частью таджикского мировоззрения, объединяющего аграрный образ жизни, исламскую этику и коллективистское сознание. Об этом свидетельствуют такие поговорки, как «*Меҳнат куну ризқата ёб*» (*Что потрудился, то и поел*), «*Меҳнат кунӣ – ҳалол кун, ҳосилаша ҷавол кун*» (*кто трудится рад, тот будет хлебом богат*), где труд рассматривается как высшая добродетель, объединяющая материальное благополучие с духовным развитием.

Значимость труда как основы бытия подкрепляется частой встречаемостью терминов “меҳнат” (155 упоминаний) и “кор” (857 упоминаний) во фразеологических словарях. В этих пословицах заключена коллективная мудрость прошлых поколений, формирующая трудовую этику путём противопоставления образов довольства и лишений. Кроме того, они выражают связь между нынешними усилиями и будущим процветанием (“*Меҳнати имрӯз – роҳати фардост*”).

Таджикская паремиология также отражает слияние физического и духовного труда, где материальный труд неотделим от нравственного служения. Анализ словарных источников (М. Фозилов, Я. Калонтаров) показывает эволюцию отношения к труду – от исторической критики социального неравенства до современного акцента на личной ответственности и мастерстве.

“Меҳнат” в пословицах выступает в качестве культурного символа, объединяющего практические, этические и духовные аспекты. Его анализ даёт ценные сведения для исследований на стыке лингвистики, культурологии и

антропологии, позволяя глубже понять таджикскую картину мира, в которой аллегория часто превалирует над прямым наставлением.

Таким образом, таджикские пословицы не только сохраняют многовековую мудрость, но и создают аксиологическую основу, указывающую на то, что труд – философская константа национальной самобытности.

И в русской, и в таджикской паремиологии труд занимает центральное место в системе ценностей. В русской традиции он ассоциируется прежде всего с выживанием (*Без труда нет плода*), материальным благополучием (*Без труда не будет добра*) и духовным ростом (*Не тот богат, кто много имеет, а тот, кто много делает*). В таджикской культуре, напротив, больше внимания уделяется труду как знаку чести (*Меҳнат – шараф аст*), компоненту религиозной этики (*Меҳнат кунӣ – ҳалол кун*) и вкладу в коллективное благо, что отражает как аграрный образ жизни, так и исламские моральные принципы. В обеих культурах выделяются схожие смысловые темы:

- Труд как основа существования и средство преодоления трудностей.
- Значение настойчивости, терпения и ответственности в работе.
- Осуждение лени и общественное признание трудолюбия.

Однако в таджикских пословицах больше внимания уделяется связи между трудом, духовным служением и мастерством. В исламе труд считается добродетелью, а праздность не поощряется. Аз–Зубайр ибн аль–Аввам, да будет доволен им Аллах, передал, что Пророк (мир ему и благословение) сказал: «Если кто–то из вас возьмёт верёвку, соберёт дрова, понесёт их на спине и продаст, сохранив тем самым своё достоинство, это лучше, чем просить милостыню у других, которые могут дать ему что–то, а могут и не дать».

Таджикские пословицы, такие как «*Танбалӣ – роҳи қач*» (Лень – кривая дорога) и «*Бекор шинӣ – алам бинӣ*» (Безделье приносит горе), выражают ценность труда и резко осуждают лень.

Русские пословицы, с другой стороны, представляют собой парадокс: хотя труд восхваляется как источник достоинства, он также изображается как обременительная обязанность («*От трудов праведных не нажить палат*

каменных», «От работы кони дохнут». «Работа не волк, в лес не убежит и т.д.), что отражает исторический контекст принудительного труда. В таджикских пословицах, напротив, меньше противоречий – труд неизменно рассматривается как добродетель, хотя есть и тонкая критика социального неравенства («*Кӣ кашад ҷабру ҷафо, кӣ кунад кайфу сафо*» – Одни терпят лишения, другие наслаждаются жизнью).

Труд занимает одно из центральных мест в русских и таджикских пословицах, отражая глубоко укоренившиеся культурные коды, сформированные историей, религией и социальными структурами. Обе традиции единодушно считают труд добродетелью и порицают лень, но при этом их точки зрения имеют разные акценты. Русские пословицы выражают «прагматизм и настойчивость», в то время как таджикские пословицы часто связывают труд с «духовным служением и коллективным благом».

В обеих культурах труд рассматривается как основа существования и путь к успеху. Русские пословицы отражают необходимость усилий: «*Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*» и «*Терпение и труд всё перетрут*». Аналогичным образом таджикская мудрость утверждает, что усилия приводят к награде: «*Ҳар кас чун меҳнат кунад, ҳамон мева бинад*» (Кто трудится, тот пожнёт плоды) и «*Меҳнат куну ризқата ёб*» (Трудись и зарабатывай себе на пропитание).

Однако философия, лежащая в основе, отличается: русская паремиология часто представляет труд как средство выживания в сложных условиях, в то время как таджикские пословицы связывают его с личной честью и религиозной этикой.

В обеих культурах отражена необходимость трудолюбия и упорства. Русские пословицы поощряют ремесленничество и мастерство: «*Дело мастера боится*», подкрепляя идею о том, что опыт ведёт к успеху. С ней перекликается таджикская мудрость: «*Ҳунар беҳтар аз зар аст*» (Умение лучше золота).

Несмотря на различия, обе традиции объединяет фундаментальное уважение к труду как ключу к успеху и достоинству. Хотя русские пословицы чаще делают акцент на стойкости и мастерстве, а таджикские — на нравственном

долге и солидарности, обе традиции отражают общую веру в преобразующую силу труда. Различия в выражении этих идей проистекают из уникального культурного контекста, однако все они формируют единое представление о труде как неотъемлемой части жизни

2.4.1. Репрезентация «мехнат/ труд», «кор/работа» в книге Садриддина Айни «Ёддоштҳо» (Воспоминания)

Национальные интеллектуальные рамки включают в себя поэтическое восприятие мира, которое позволяет людям понимать реальность с помощью образов, символов и значений. Этот образ мышления берет начало в культурных, исторических, социальных и духовных элементах, сохраняя при этом своеобразное мировоззрение, составляющее этнос. Ментальные и эмоциональные аспекты поэтического текста имеют свою структуру, основанную на универсальных категориях, известных как метакатегории, таких как ценность и норма. Различные культурные контексты определяют отношение людей к труду, поскольку эти категории определяют способы понимания вещей: так, труд демонстрирует либо моральные качества, либо выражает гордость, либо означает борьбу.

В области художественной литературы труд функционирует как нечто большее, чем просто физическая работа, поскольку он становится пронизан кодами, представляющими культурные аспекты. Благодаря ему становится возможной оценка национальной идентичности, социальных отношений, этических и философских идеалов.

В таджикской литературе прослеживается тесная связь между темами труда и мотивами сопротивления и солидарности между людьми, а также гармонии между природой, которая опирается на традиционные культурные связи с землей, общиной и духовностью. При рассмотрении темы труда в таджикской литературе ценности менялись в разные исторические периоды: от феодального произвола до социалистической поддержки и до постсоветской самореализации.

Таджикские поэты и писатели создают поэтические образы мира, которые служат ключом к изучению элементов культурной основы, где труд выходит за рамки экономических принципов и становится важнейшим этическим и философским аспектом жизни людей.

В данном параграфе мы рассматриваем проблемы выражения понятия «труд/меҳнат», а также его синонима «кор»/работа в романе Устода Садриддина Айни «Ёддоштҳо» (Воспоминания) [155]. Необходимо отметить, что в ходе анализа этого произведения было выявлено, что лексема «труд/меҳнат» и её словоформы имеет 45 вхождений, тогда как кор/работа – 1428. Как отмечалось выше слово «кор» остаётся более распространённым, являясь исконным словом персидского языка, в то время как «меҳнат» заимствован из арабского.

Дар маркази деҳа – дар Деҳнави Абдуллоҳон тағламадӯзон – касоне, ки ба соқи мӯзаи кӯҳна тағ ва рӯй мебанданд, бошанд ҳам, дар инҳисор – монополияи тағламаҷаллобон буданд ва самараи меҳнати онҳоро он ҷаллобон меҳӯрданд (с. 7). В центре селения — в Деҳнави Абдулло — жили сапожники — те, кто сшивал подошвы и верх старых сапог, — но плоды их труда пожинали монополисты–скупщики.

Баъд аз хӯрдани занбӯруғбирён, ки нахустин бор **меҳнати** ман ҳам дар вай ҳамроҳ шуда буд, ман ба зудӣ хобидам (с.23) –Поев жареные грибы, в сбор которых я впервые в жизни **вложил свой труд**, я быстро уснул.

– Ман акнун меравам, бачаҳо шохбофиро хуб омӯхтанд, худашон бофтан мегиранд, регкашонӣ ва тоқхоро аз рег пок кардан бошад, меҳнати дуру дарозеро талаб мекунад, шумо сар шуда истед, писарҳо ин корро ҳам ба анҷом мерасонанд (с.25) –Ну я пошёл тогда, мальчики научились хорошо переплестать ветками шесты, сами всё сделают, но таскать песок и очищать лозы от песка **требует большого труда**, вы начинайте, сыновья и эту работу сделают.

Лутфулло 30 сол умр дидааст, дар ҳамин умри худ аз бозе, ки ба дасти худ каланд гирифтааст, як хонаводаро **бо меҳнати** худ сер карда омадааст. Аммо шумо дар шастсола умратон **бо меҳнати** худ аҳли хонавода он сӯ истад, шиками худатонро сер накардаед (с.48). Лутфулло прожил тридцать лет, взяв в руки

кетмень, своим **упорным трудом** кормил всю свою семью. Но вы в свои шестьдесят лет не то что семью, сами себя **своим трудом прокормить не можете.**

Биёед, монед ин гапхоро. Акнун аз меҳнати худ чӣ гуна ҳалво хӯрдани Лутфуллоро тамошо мекунам, – гуфт ва ба дастёри худ фармуд, ки аз хона якта нон ва аз баққолии урганчиён як қабза ҳалво биёрад. (с.48). Ох, оставьте ваши разговоры. «Теперь я посмотрю, как Лутфулло ест халву, полученную своим трудом», — сказал он, приказав своему помощнику принести из дома лепёшку и халву из лавки ургенцев.

Азбаски сари рӯди нави Шофирком соз шуда, аз дарёи Зарафшон нисбат ба пештарааш зиёдтар об мегирифтагӣ шуда буд, деҳқонон бо меҳнати худ ва аз ғайри роҳбарии ҳукумати амир рӯди кӯхнаи Шофиркомро ҳам аз рег тоза карда... (с.57). Дехкане, после того, как были очищено верховье нового русла Шофиркома и из реки Зарафшан стало забираться больше воды, чем прежде, собственным трудом и без руководства правительства эмира также очистили старое русло реки Шофирком от песка.

Азбаски он сол ғӯзапоя хушк шуд, меҳнати падарам абас рафт, ман танҳо ба болои кори кишти ҷуворӣ меистам (с.108). Из–за того, что в этом году гузапая (стебли хлопчатника) засохли, **труды отца пропали зря**, я в одиночку руководил посевом кукурузы.

Палавкаду ҳам, ки ҳосили аввалини меҳнати деҳқонии ман буд, аз одат берун ҳосили бисёр дод (с.118). И урожай палавкаду (сорт тыквы), ставший первым плодом моего дехканского труда, был обильнее обычного.

Дар Таҳти Қўрғон як кӯли калон буд. Мардумро ба меҳнати бемузд сафарбарӣ карда, он кўлро бо хоки теппа хушк ва ҳамвор намуда барои худ кўшк ва чорбоғ бино намуд. Ин меҳнати маҷбурии бемузди ӯ ҳатто дар соли вабо ҳам давом кард (с. 123). В Тахти–Кургане было большое озеро. Он отправил людей на бесплатный труд, чтобы они землёй с холма осушили озеро, выровняли его, чтобы построить для себя замок и разбить сад. Этот неоплачиваемый принудительный труд продолжался даже в год чумы.

«Ҳар талабае, ки яке аз хучраҳои мадрасаро бо харҷ ва меҳнати худ обод карда дар вай нишинад..» (с. 133) Каждый обучающийся за свой счёт и своим трудом приводил в порядок кельи медресе, чтобы в них жить.

...ва тағои калонам ба замми ин, ки бо меҳнати ҳалол зиндагӣ мекард, дар вай таъсири қозӣ Абдулвоҳиди Сарир буд, ки ӯ шоир ва донишманди замони худ буда, аз ҳамфикрони Аҳмад–маҳдуми Калла буд (с.189) А мой старший дядя, помимо того, что жил честным трудом, находился под влиянием Кази Абдулвахида Сарира, поэта и учёного своего времени, последователя и единомышленника Ахмада Махдума Калла.

Дар ин кор нохунҳои кас мепарад ва шонаҳои кас мефурояд. Лекин меҳнати ҳалол аст. Касе, ки номус ва ғайрат дошта бошад, аз ин гуна меҳнат наметарсад (с. 197) На этой работе ногти ломаются и ломит предплечья. Но труд честный. Тот, кто имеет честь и достоинство, не боится такого труда.

Лекин ҳокимон ба меҳнати ҳалол роҳ намедиханд..... (с. 197) Однако правители не допускали честного труда...

Соҳибкор дар вақти ин кор аз он бадбахтон фаҳмида гирифта будааст, ки ин тобистон ҳар кадоми онҳо аз меҳнати сиёҳи худ сад танга–дусад танга ёфтаанд (с. 229) Хозяин выяснил, что за весь этот **изнурительный труд** каждый из этих бедняков этим летом смог заработать жалкие сто–двести танга.

Чашми пиршудаи Сомӣ ба ин гуна меҳнати тоқатфарсо, ки маҷбур буд дар як шабонарӯз 15 – 16 соат китобат кунад, тоб наёварда... дар 72–солагиаш вафот намуд. (с. 280) Старые глаза Соми не выдержали такого изнурительного труда, когда ему приходилось писать по 15–16 часов в сутки... он скончался в возрасте 72 лет

Аммо афсӯс, ки аксари он гуна талабаҳо ноаҳл баромаданд ва пеш аз он ки аз ин илм чизе ба даст дароранд, фолбин шуда, ҳам худро ва ҳам меҳнати маро нобуд карданд (с.284) К сожалению, большинство таких учеников оказались неспособными и, прежде чем успели что–то извлечь из этих знаний, занялись гаданием, погубив и себя, и мой труд

Аммо даромади асосии Аҳмад–махдум аз роҳи меҳнати ҳудаш буд (с.285)
Но основной доход Ахмаду Махдуму приносил его собственный труд

Нақдаш ҳамин аст, ки ҳоло ман барои усто шудани онҳо меҳнати муфт
кашида истодаам (с.383) Суть в том, что теперь я **тружусь бесплатно**, чтобы
сделать их мастерами.

«Агар ман ин қонунро вайрон кунам, маро ҷазои нақдӣ (штраф) хоҳанд
кард, ки ба адои он якрӯза **музди меҳнати** ман намерасад»– гуфт (Айни
Ёддоштҳо. (Воспоминания, с. 523). «Если я нарушу этот закон, меня оштрафуют
на такую сумму, что мне не хватит целого дня заработка, чтобы её выплатить

Шумо гумон нақунед, ки ман қиморбозиро як кори хуб медониста бошам,
балки бадтарини бозиҳо қиморбозист, чунки як бечора як рӯзи дароз **меҳнати**
сиёҳ карда шаш нор пул меёбад, азбаски дар ин кӯи бад (қиморбозӣ) афтодааст...
(Там же, с.524) Вы ведь не думаете, что я считаю азартные игры чем–то
хорошим? Напротив, азартные игры – это самое худшее из всех игр, ведь
несчастный человек может целый день трудиться как проклятый, чтобы
заработать всего шесть копеек, попав в эту дурную историю (азартные игры).

Агар он фарзандони пуристеъдоди халқ дар замони советӣ мебуданд, ҳар
кадом қаҳрамони халқ, қаҳрамони **меҳнати сотсиалистӣ**, адиб ва
адабиётшиноси гузаро, мутафаккир ва файласуфи ҷаҳонӣ, ходими пурманфиати
ҷамоат, ихтироъгари рӯи дунё ва монанди инҳо мегардиданд (с.594). Если бы
эти талантливые дети народа жили в советское время, каждый из них стал бы
героем труда, известным писателем или литературным критиком, мировым
философом, общественным деятелем, изобретателем и т.д.

Проведённый нами анализ контекстов употребления слов «труд/меҳнат» из
произведения С. Айни «Ёддоштҳо (Воспоминания)» позволяет говорить о том,
что в приведённых примерах Садриддин Айни с присущим ему художественным
мастерством показал разнообразие смысловых оттенков, связанных с трудовой
деятельностью.

Мы сгруппировали их следующим образом:

Эксплуатация людей труда:

–ва самараи меҳнати онҳоро он ҷаллобон меҳӯрданд – плоды их труда пожинали монополисты–скупщики (с. 7),

–меҳнати маҷбурии бемузди ӯ – неоплачиваемый принудительный труд» (с. 123),

– меҳнати сиёҳи худ – «изнурительный труд (с. 229).

В этих случаях труд воспринимается как средство эксплуатации со стороны тех, кто обладает хоть какой-нибудь властью над людьми, Акцент делается на на несправедливость и отчуждение результатов труда простых людей.

Труд как благонравное деяние:

– бо меҳнати ҳалоли зиндагӣ мекард жил честным трудом» (с. 189),

– Лекин меҳнати ҳалоли аст. Касе, ки номус ва ғайрат дошта бошад, аз ин гуна меҳнат наметарсад – труд честный... кто имеет честь и достоинство, не боится» (с. 197).

Здесь труд отождествляется с моральной чистотой, человеческим достоинством и праведностью

Труд как основополагающий элемент человеческого бытия:

– як хонаводаро **бо меҳнати худ** сер карда омадааст – своим упорным трудом (с. 48),

Тяжёлый физический труд:

– регкашонӣ ва тоқҳоро аз рег пок кардан бошад, меҳнати дуру дарозеро талаб мекунад – таскать песок... требует большого труда» (с. 25),

– дар ин кор нохунҳои кас мепарад ва шонаҳои кас мефурояд – ногти облупляются и ломит предплечья» (с. 197).

Сельскохозяйственный труд:

– меҳнати падарам абас рафт – труды отца пропали зря (с. 108),

– ҳосили аввалини меҳнати деҳқонии ман буд – урожай... первый плод моего деҳканского труда» (с. 118).

Коллективный труд:

– деҳқонон бо меҳнати худ – деҳкане... собственным трудом очистили русло» (с. 57),

– хучраҳои мадрасаро бо харҷ ва меҳнати худ обод карда –ученики... своим трудом приводили в порядок кельи» (с. 133).

Идеологизация труда:

– қаҳрамони халқ, қаҳрамони меҳнати сотсиалистӣ – «героем труда, героем социалистического труда» (с. 594).

Слово «труд/меҳнат» в “Воспоминаниях” Садриддина Айни охватывает широкий диапазон значений – от физической нагрузки до нравственного понятия, от инструмента угнетения до средства индивидуального и общественного прогресса.

Примеры со словом “кор”

Ман, ки соли гузашта аз палавқаду «мазахӯрак» шуда будам, имсол ҳам заминчаи поёни суффаи хонаамонро аз порсола беҳтар кор карда боз палавқаду киштам (с.122). Попробовав вкус прошлогодней тыквы, в этом году я снова засеял небольшой участок земли ниже нашего двора тыквой, изрядно поработав при этом.

Қарабек, ки пештар ба амлоқдорон ва ҳокимон мирзо – котиб шуда кор мекард... (с.123) – Карабек, который раньше работал мирза–катибом (делопроизводителем) амлякдоров (землевладельцев) и правителей...

Аммо ҳанӯз мардум дар иморати ӯ бемузд ва маҷбурӣ кор мекарданд ва ин корро мувофиқи таълимоти ӯ амлоқдори Ғиждувон, ки ба ҷои ӯ таъин шуда буд, идора менамуд (с.124) – Однако люди по–прежнему работали в его дворце без оплаты и по принуждению, а этой работой руководил в соответствии с его учением назначенный на его место владелец поместья Гиждуван.

Ман аз ин камбудии ҳарифи худ фоида бурда фиребгариро ба кор бурдан гирифтам (с. 125) – Я воспользовался этой слабостью своего противника и прибегнул к обману.

...ки ҳавлии рӯидаричаноки дар деҳаи Маҳаллаи Боло аз падар мондаамонро фурӯшем ва пулашро ба ин кор сарф кунем (с.128) – продать

открытый двор в селении Махалля Боло, который оставил нам отец, и использовать вырученные деньги на это дело.

...ки 19 сол бар болои як программаи махдуд кор мекардаанд, бояд дар илмҳои дар он программа зикрѐфта мутахассиси замони худ шуда мебаромада бошанд (с.136) – ...которые работали по ограниченной программе в течение 19 лет, должны были стать знатоками в науках своего времени, упомянутых в этой программе.

Ва ҳол он ки талабаи Бухоро, агар хушзеҳн ва пурқобилият бошад ва роҳи ба сари худ кор карданро ёбад...(с.138) И всё же, если студент из Бухары умён и способен, он найдёт способ работать самостоятельно,

Ту чунон зӯрманд мебошӣ, ки ба ҳар касбу кор, ки даст занӣ, рӯзат ба подшоҳӣ мегузарад (с.158) Ты такой могучий, что, какую бы профессию или дело ни выбрал, станешь жить как падишах.

Ин кор бе дуздӣ як кори ношуданӣ будааст (с.169) – эта работа без воровства – дело невыполнимое

Кучои ин кор ачиб аст? Магар ин кор мухолифи шариат аст? (с.174) – Что в этом удивительного? Противоречит ли это законам шариата?

Бас кунед! Хуни ин касофатӣ либосамро аз кор баровард!– гуфт (с.223) – Хватит! Кровь этого злосчастливого негодяя испортила мне рубаху.

Ғайр аз ин ду кор чораи дигаре надоранд. Ин одам ба замми мутаваллиғӣ ҳам имом, ҳам шайх, ҳам хатиби он мазор ва хонақоҳ ба шумор рафта, ҳама корҳои он ҷо дар дасти вай буд (с.237 – Кроме этих двух вещей, у них нет другого выбора. Этот человек, помимо того, что был мутаваллитом, также считался имамом, шейхом и проповедником этой гробницы и ханаки, и все дела там находились в его руках.

Аз ин гуфтаҳои мутаваллӣ маълум буд, ки ӯ бо ман бозӣ карданро салоҳи кори худ надониста, балки ҳамкорӣ карданро лозим шумурдааст... (с.239) – Со слов мутавалля выяснилось, что он не считал своей задачей играть со мной, а скорее считал необходимым сотрудничать.

Аммо ман пай бурдам, ки он суханони ман ба он духтари чавон чунон форида, ки молиши даруни ҳаммом ба пирони солхӯрдаи коркӯфта ба он дараҷа намефорад (с.241). Но я заметил, что мои слова оказали на эту молодую девушку такое глубокое воздействие, какого массаж в хаммаме не окажет на измученного работой старика.

Ў дар кор фармудани ман дар корҳои паст, дар хӯрок ва дар манъ кардан аз китобхонӣ ва дар ҳақорат кардани ман бо вайронӣ аз модари ӯгаи пештараам бадтар ва саҳттар ба ман муомила мекард. (с.250) – Она обращалась со мной хуже и суровее, чем моя предыдущая мачеха, заставляла меня выполнять черную работу, запрещала мне читать во время еды и оскорбляла меня.

Дар он корхона як чавони бухороии дигар буд, ки шабу рӯз дар он ҷо – дар болои пиллаҳои хушқу тар посбонӣ мекард. Ғайр аз ману он чавони посбон

дигар ҳамаи коркунон ва коргарони он корхона марғелонӣ буда, бештарини коргарон (мардикорон)–ро занон, духтарон ва писарбачагони хурдсол ташкил мекарданд (с.262). На этой фабрике был ещё один молодой человек из Бухары, который день и ночь стоял на страже — над сухими и мокрыми коконами. Кроме меня и молодого охранника, все остальные служащие и рабочие на этой фабрике были из Маргелана, и большинство рабочих (мардикоров) были женщинами, девушками и подростками.

...аммо бо он зан чизе нагуфта ва гап назада аз номи ӯ бо ин пирсаг савдо карда, як маблағ пули ӯро ба даст дарорад ва баъд аз он ман боз роҳи ҷӣ кор карданро нишон медиҳам (с.264) Но, ничего не говоря этой женщине, не разговаривая с ней, поторгуйся с этой старой собакой стариком от её имени, получи часть её денег, а потом я покажу тебе, что делать дальше.

Бо ин коратон сад бор «ё оллоҳ!» гуфтанатонро дусад бор ҳисоб карда, магар худоро фиреб додан меҳаҳед? (с.327) – Тем, что сто раз повторите “О, Аллах”, а скажите, что двести, вы хотите обмануть Бога?

...ва аз ин пеша садҳо ҳазор тилло ёфтаанд, кор надоранд. Натанҳо кор надоранд, ҳатто инҳоро ҳурмат ҳам мекунанд (с.276) – им нет дела до того, что благодаря ремеслу те озолотились. Не только нет дела, они их даже уважают.

Шукур дар корҳои деҳқонӣ ва нигоҳубини чорпоҳои бой машғул шуда, духтараш дар ҳавлии даруни бой дастёрӣ мекардааст ва вақти хоб падару духтар дар ҳамон коҳхона меҳобидаанд. (с.308) – Шукур был занят сельским хозяйством и заботился о скоте богача, в то время как его дочь помогала во внутреннем дворе богача, а спали отец и дочь на сеновале.

Ман ҳанӯз хайрон будам, ки шарикдарси собиқи ман аз ин кор чӣ гуна фоида меёфта бошад ва тойҳои пахтаро тар карда хушкондан ба ин кор чӣ дахл дошта бошад. Аммо ҳамсӯҳбати ман бо суҳанҳои зеринаш маро як дараҷа бо кори худ шинос кард (с.325) – Я все еще задавался вопросом, какую пользу это могло принести моему бывшему однокласснику и какое отношение к этому имел процесс смачивания и высушивания тюков хлопка. Но мой собеседник в какой–то степени познакомил меня со своим делом следующими словами...

Слово “кор” в таджикском языке охватывает широкий спектр значений и используется в различных контекстах: дело, занятие, процесс, обязанность или задание, ремесло, профессию, итоги выполненной работы, общую деятельность или процесс.

В романе Садриддина Айни «Ёддоштҳо» (Воспоминания) слово «меҳнат» (труд) используется в различных контекстах, отражая как негативные аспекты (эксплуатация, принудительный труд), так и позитивные (честный труд, основа человеческого существования). Таджикское слово «кор» расширяет свои значения от физического труда через профессиональное занятие к деятельности и конечному результату. Многочисленные значения слова «кор» демонстрируют весь объём представлений о труде в таджикской культуре.

2.4.2. Репрезентация «труд» и «работа» в произведениях М. Шолохова

Для анализа слов «труд» и «работа» мы выбрали роман М. Шолохова «Поднятая целина» [155], поскольку он создаёт «Поднятую целину» как развёрнутое повествование, изображающее существование советской деревни в условиях коллективизации. Основное внимание в произведении уделяется труду, который отражает общественные преобразования, а также психологию

персонажей и идеологию того времени. Анализ слов «труд» и «работа» углубляет наше понимание как философских взглядов персонажей, так и их мыслей о коллективизации и общих взглядов на жизнь.

Тоска по физическому *труду* угнетала Давыдова. [220]

Плюнул Давыдов на такие условия *труда* и, чтобы не быть помехой Сидоровичу, ругаясь про себя, как матерый боцман, ушел из кузницы; мрачный, злой, засел в правлении колхоза. [220]

Пока он сворачивал папирску, Аркашка не без *труда* выгнал хворостиной из-под амбара пеструю толпу нарядных кур [229].

Дед Щукарь изогнулся вопросительным знаком, протянул вперед руку и, поводя грязным указательным пальцем, тяжело дыша, с *трудом* просипел...[233].

Давыдову с *трудом* удалось навести порядок [249].

С *трудом* он поднялся с земли, с *трудом* переставляя натруженные ноги, пошел вдоль борозды к стану [251].

Да изволь, только *труды* твои пропадут даром, — согласился Давыдов [253].

С той поры он притих, работал исправно и даже стал для тех, кто работал с лентой, примером сознательного отношения к *труду* [255].

Размётнов фыркнул и с *трудом* сдержал готовый прорваться смех [275]

Ему хотелось еще до прихода комиссии по приему самому — и как следует — осмотреть отремонтированные к сенокосу лобогрейки и конные грабли, тем более что в работу по ремонту была вложена частица и его *труда* [279].

А вот теперь и говорю, и скажу ишо больше: по ихней милости они такой *труд* учитывают, какой на виду, ну, скажем, ремонт плугов, пропашников, словом, инвентаря видимого, а что касасяемо мелочей, скажем, ковка лошадей, или подковы делаешь... [282].

Подохнем мы с тобой с голоду от таких наших *трудов*!» [306].

В голосе Дубцова зазвучало такое неподдельное изумление, что Давыдов с *трудом* удержал улыбку [315].

.... имел привычку, выводя буквы или рисуя, низко клонить голову и высовывать язык, каждым движением его как бы помогая себе в нелегком *труде* [333].

К его великой радости, боль оказалась не столь уже сильной, и хотя с *трудо*м, но передвигаться он мог [344].

Но когда он, молча расталкивая чему-то улыбавшихся женщин, вошел в кухню и торопливо осмотрелся, у него подкосились ноги, и, творя крестное знамение, он с *трудо*м прошептал: «Что это такое?» [353].

Сами понимаете, товарищ председатель, что шахтёрский *труд* — тяжёлый труд, и нам надо своих рабочих-шахтёров кормить как положено и не меньше [354].

Легко сходились и без *труда*, без переживаний и жалких слов расходились, а через неделю встречались уже как чужие и лишь для приличия обменивались холодными улыбками и несколькими незначащими словами [393].

112 раз в разных словоформах. Лексико-семантический анализ текста позволяет выявить основные значения и семантические коннотации слова «труд» и его производных в приведённых выше отрывках из произведения М. А. Шолохова «Поднятая целина». Следует отметить следующие основные признаки:

Физический или умственный труд, приводящий к определённому результату, составляет большинство употреблений понятия «труд» в данном тексте. Также наблюдается употребление слова в значении «труд как усилие, преодоление трудностей», «результат, вклад», «труд как нечто тяжёлое, обременительное», «труд как повседневная работа, являющаяся частью жизни».

Тема коллективного труда (ремонт орудий и сенокос) в романе демонстрирует коллективистскую идеологию, распространённую в описываемую эпоху.

Некоторые герои романа испытывают крайние лишения, выполняя тяжёлую работу, особенно в условиях жестокого крестьянского быта («Мы с тобой от таких трудов с голоду помрём!»).

Персонаж Давыдова показывает свою связь с обработкой земли через стремление к физическому труду, в то время как Дед Щукарь продолжает работать, несмотря на свой преклонный возраст.

Фраза «с трудом» многократно повторяется в тексте, выражая сложность выполнения какого-либо действия: «С трудом он встал», «с трудом он засмеялся», «с трудом он улыбнулся» – все эти примеры показывают, что труд связан с преодолением.

В целом слово «труд» обычно имеет нейтральное или положительное значение в отношении работы в команде или личной трудовой деятельности. В некоторых частях текста труд предстаёт как нечто негативное, обозначающее лишения и тяготы («Подохнем мы с тобой с голоду от таких наших трудов!»).

М. Шолохов использует слово «труд» в различных стилистических контекстах: от бытового («ковать лошадей») до идеологического («пример сознательного отношения к труду»).

Слово «труд» в текстах Шолохова содержит множество значений между прямыми определениями работы и усилий и дополнительными семантическими ассоциациями, обозначающими трудности и активные роли. Этот термин служит как для описания персонажей, так и отражает типичный менталитет советского периода коллективизации.

Захворал я, товарищ Давыдов, отпустите меня нынче с *работы* [216].

Пятьдесят с лишним лет назад она — тогда молодая и красивая казачка, — отрываясь от домашней *работы*, стряпни, с восторженной улыбкой прислушивалась к тому, как неуверенно, с перерывами шлепают по полу в соседней горнице босые ножонки ее первенца, ее единственного и ненаглядного Яшеньки, ползунка, только что научившегося ходить [218].

Всё его здоровое, сильное тело жадно просило *работы*, такой работы, от которой к вечеру в тяжёлом и сладком изнеможении ныли бы все мускулы, а ночью вместе с желанным отдыхом немедля бы приходил и лёгкий, без сновидений, сон [220].

Но какая же это к черту *работа*, когда через каждые полчаса человека отрывают от дела, синея, стынет в клещах поковка, ворчит старый кузнец Сидорович и мальчишка—горновой откровенно ухмыляется... [220].

...на разбор различных заявлений колхозников, на производственные совещания — словом, на все то, без чего немислимо существование большого коллективного хозяйства и что в *работе* менее всего удовлетворяло Давыдова [220].

Вовлеку её в общественную *работу*, упрошу или заставлю заняться самообразованием [224].

Давыдов никакой *работой* не гнушается, я — тоже, почему же ты фуражечку на бочок сдвинешь и по целым дням сиднем сидишь в своём Совете, либо замызганную свою бумажную портфелью зажмёшь подмышкой и таскаешься по хутору, как неприкаянный? [234].

Только топай завтра пораньше, подавай бабам пример, как надо выходить на *работу* [236].

Я, когда от неё избавился, так вроде заново на свет родился: никаких венерических болезней не боюсь, великолепно английский язык изучаю, и много тут достиг своим умом, безо всяких учителей, и партийные дела веду в порядке, и от другой *работы* чуром не отгораживаюсь [237].

Они, эти женщины, никогда не загорали по—настоящему, на *работе* так закутываясь в белые головные платки, что оставались только узкие щели для глаз [246].

Отличная *работа*, факт! — холодно сказал Давыдов [249].

Мои быки, втянутые в *работу* и собою справные, а две пары молодых бычат у нас сейчас на курорте [250].

Они с зимовки вышли захудалые, а тут каждый день *работа*, они и скисли, не тянут плуг — и всё! [250].

Уже после демобилизации, в первый год *работы* на заводе, Давыдов все же как—то отважился сходить в баню [252].

Вчера наморился за день, он ведь у нас в *работе* залятой, да и лёг поздно [259].

Я уже говорил и ему и Размётнову, повторю и тебе: плохо вы ведёте *работу* по вовлечению в партию хороших колхозников, преданных нашему делу людей [263].

По крайней мере старые быки в *работе*, это я точно знаю [265].

Мне положено и смотреть, и помогать исправлять недостатки в *работе*, что я и делаю при полном к тебе расположении, Семён [266].

Иначе чем же объяснить непростительные провалы в твоей *работе*, в работе Нагульнова? [266].

Ты, товарищ Нестеренко, один день побыл в Гремячем Логу и за это время успел обнаружить вон сколько промахов и недостатков в нашей *работе*, да и мое поведение отметил... [267].

Но с организацией комсомольской ячейки вы нам помогите, то есть райком, пришлите одного—двух ребят и девушку комсомолку, хотя бы на временную *работу* [267].

Можно бы, и без особого ущерба для *работы* в поле [268].

Вдоль борозд тускло блистали отвалы чернозёма, выбеленные лемехами плугов, над ними кружились грачи, и, словно одинокий подснежник, на чёрной пахоте виднелось голубое пятно: Варя Харламова бросила утратившую для неё теперь всякий интерес *работу* и, понутив голову, медленно брела к стану [271].

Странное чувство раздвоенности испытывал он в этот момент: с одной стороны, он негодовал на Варю за самовольство, а с другой — его мужскому самолюбию льстила догадка, что из—за него девушка на какое—то время оставила *работу*... [271].

148 раз в разных словоформах. Анализ слова «работа» в приведённых примерах из произведения М.А. Шолохова «Поднятая целина» позволяет выявить множество значений и оттенков в зависимости от контекста. Ниже представлены ключевые аспекты:

Работа как трудовая деятельность.

В большинстве рассмотренных примеров «работа» употребляется в значении физических или умственных усилий, направленных на выполнение каких-либо задач.

Работа как долг или служба.

В некоторых случаях «работа» обозначает официальные или профессиональные обязанности, связанные с организацией, управлением либо исполнением каких-либо задач.

Работа как процесс или состояние.

Подчас «работа» представляет собой процесс или состояние, которые связаны с выполнением каких-либо задач.

Работа как результат труда либо выполнение поручений и заданий.

Работа как социальная деятельность.

В отдельных случаях «работа» относится к общественной деятельности.

Работа как метафора.

Иногда «работа» используется в переносном смысле для описания условий, состояний или процессов.

В различных примерах слово «работа» используется для выражения нескольких значений, начиная от физической деятельности, выполняемой вручную, и заканчивая абстрактными понятиями, которые связаны с обязанностями и результатами деятельности. Семантика слова «работа» обретает различные оттенки, делая его полисемичным и многофункциональным в употреблении, обогащая словарный запас русского языка. В творчестве Шолохова «работа» часто ассоциируется с коллективным трудом, что отражает дух эпохи коллективизации и особо выделяет значимость труда в жизни персонажей.

Лексико-семантическое сопоставление понятий «труд» и «работа» в произведениях С.Айни и М. Шолохова позволяет выявить, как эти понятия отражают культурный, социальный и идеологический контекст соответствующих эпох. Ниже приведены ключевые аспекты и различия в их употреблении.

В «Поднятой целине» М.А. Шолохова: труд – физическое или умственное усилие, направленное на достижение результата; борьба и лишения, повседневная рутина и связь с природой.

Используется в следующих контекстах: коллективный труд, труд как тяготы и лишения, труд как настойчивость и выносливость. Семантические коннотации как нейтральные либо положительные, а также негативные.

В «Ёддоштхо» С. Айни: труд – принудительная работа, связанная с эксплуатацией, труд как моральная добродетель, насущная жизненная необходимость человека. Используется в следующих контекстах: труд как угнетение, труд как средство личного и общественного прогресса. Семантические коннотации охватывают широкий диапазон от физического труда до моральных принципов.

Работа в «Поднятой целине» М.А. Шолохова — это трудовая деятельность (физическая или интеллектуальная), долг или служебная обязанность, процесс, результат или социальная деятельность. Используется в следующих контекстах: коллективный труд в сельском хозяйстве (отражение идеологии коллективизации), работа как обязанность или результат. Слово “работа” полисемично, значение варьируется в зависимости от контекста.

В «Ёддоштхо» С. Айни – физическая работа, ремесло, деятельность и её результаты. Контексты: труд как основа жизни (сельское хозяйство, коллективный труд), работа как угнетение или путь к прогрессу.

Семантические коннотации: широкая употребительность, от физических усилий до интеллектуальных задач.

Оба автора используют слова «труд» и «работа» для обозначения физических и интеллектуальных усилий. Труд связан с коллективной деятельностью, отражающей социальные и идеологические реалии того времени. Работа часто связана с выносливостью и трудностями.

Некоторые различия носят идеологический характер:

Тогда как М.А. Шолохов связывает труд с социалистическим коллективизмом, Устод Айни представляет труд и как добродетель, и как эксплуатацию.

Это связано с отличием исторических эпох, описываемых в исследуемых произведениях.

Семантические оттенки: шолоховские «труд» и «работа» в основном нейтральны или положительны, у Садриддина Айни же «меҳнат» (труд) простирается от благородных усилий до социальной несправедливости.

В заключении хочется отметить, что оба слова имеют большое значение для понимания социокультурной обстановки каждого романа.

Этот анализ показывает, как «труд» и «работа» отражают социально–политическую и культурную атмосферу этих литературных произведениях.

Выводы по второй главе

Проведённое исследование слова «труд/меҳнат» в русской и таджикской лингвокультурах выявило как универсальные, так и этноспецифические особенности его репрезентации. Основные выводы главы сводятся к следующему:

1. Лексикографический анализ подтверждает, что концепт «труд» в обоих языках обладает богатым номинативным полем. «Меҳнат» выступает в качестве ключевой лексики в таджикском языке, а «труд» – в русском, их семантические структуры различаются:

– В таджикском языке акцент делается на «преодоление трудностей», на что указывает этимология «меҳнат», восходящая к арабскому корню *miḥnaṭu* ^н]; *مِحْنٌ* . *مِحْنٌ* и трактуется как «испытание, беда, горе», акцентируя внимание на том, что труд – это обязательное испытание на пути к успеху.

– В русском языке труд понимается как «целенаправленная деятельность», происходящая от праславянского «трудъ» (напряжение, усилие), где труд воспринимается как физическое или интеллектуальное усилие, направленное на достижение цели.

2. Семантика труда в обоих языках, несомненно, очень близка, отражая универсальные человеческие ценности. Однако культурная измерение каждого языка привносит свои специфические оттенки, формируя уникальный образ труда в сознании носителей:

– В таджикском языке труд прочно ассоциируется с «коллективной пользой» («хашар» – общинный труд) и «духовной самореализацией» (труд как служение Богу и обществу).

– В русском языке доминирующую роль играют прагматизм (труд как средство выживания) и личная ответственность («Дело мастера боится»).

3. Паремиологический анализ выявил общие концептуальные черты:

– Труд приносит вознаграждение («Терпение и труд всё перетрут»; «Гар ту кунӣ ҳаракат, ёбӣ зари пурқимат»).

– Труд воспитывает характер и требует упорства («Без труда не вытащишь и рыбку из пруда» – «Аз ором нишастан гавҳари мақсад ба даст намеояд» (Драгоценность цели невозможно достичь, сидя на на одном месте)).

– Труд – основа процветания («Где работано, там и густо, а в ленивом доме пусто – Ранчи мо – ганчи мо (Наш труд – наше богатство»).

Сравнительный анализ «труд/меҳнат» подтверждает, что, хотя обе культуры разделяют фундаментальные ценности – труд как добродетель и движущая сила прогресса, – они выражают различные культурные акценты. Таджикские пословицы выражают духовные, этические и коллективные аспекты труда, в то время как русские пословицы сосредоточены на прагматизме, упорстве и общинности.

4. Лексико-семантический анализ репрезентации концептов «труд» и «работа» в произведениях С. Айни «Ёддоштҳо» и М.А. Шолохова «Поднятая целина» позволяет выявить их культурный, социальный и идеологический контексты. В «Поднятой целине» труд представлен как физическое или умственное усилие, связанное с коллективной деятельностью, природой, преодолением трудностей, что отражает идеологию коллективизации. В «Ёддоштҳо» Айни труд представлен с двумя различными аспектами, поскольку он представляет собой

как жестокую эксплуатацию труда, так и моральное совершенство и конструктивное продвижение вперёд. Представление труда в «Поднятой целине» указывает позитивные смыслы, в то время как Айни иллюстрирует несколько смыслов, которые варьируются от жестокой трудовой практики до благородных трудовых инициатив. Герои произведений обоих писателей связывают труд с социальным единством, но Шолохов связывает его с социалистическими убеждениями, а Айни использует его для демонстрации борьбы прогресса с социальным неравенством. Писатели проводят эти различия из-за исторических влияний, отражённых в их произведениях. Анализ показывает, как семантика слов «труд» и «работа» отражает социально-политическую и культурную атмосферу каждого романа, и выражает их важность для понимания контекста эпох.

Эти различия не противоречат друг другу, а скорее дополняют универсальное понимание труда как основного культурного концепта. Результаты исследования представляют ценность для межкультурной коммуникации, лексикографии и антропологии, являясь основой для дальнейших сопоставительных исследований культурных концептов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая диссертация была посвящена сопоставительному лингвокультурологическому анализу концептов «труд/меҳнат» в русском и таджикском языках. Проведённое исследование позволило выявить основные закономерности в концептуальной репрезентации труда в этих двух языках. Благодаря интеграции лексикографического, паремиологического и литературно-текстологического подходов, исследование обеспечивает многоаспектный и целостный взгляд на объект исследования.

Основные результаты исследования могут быть обобщены следующим образом:

1. Лексикографический анализ позволил выявить принципиальные структурные различия в организации семантических полей, связанных с понятием «труд». В русском языке семантическое ядро составляют лексемы **труд, работа** и **дело**, в то время как в таджикском языке – **кор, меҳнат, захмат и ранч**. Полученные данные свидетельствуют о том, что в русской лексике на первый план выходят прагматические и утилитарные аспекты труда, в то время как в таджикской лексической системе акцентируются эмоциональные и оценочные аспекты [З-А].

2. Паремиологический анализ позволил выделить четыре доминирующих аспекта концептуализации труда:

- антропологический аспект, в котором труд рассматривается как фундаментальное условие человеческого существования;
- процессуальный аспект, отражающий процессуальные особенности трудовой деятельности;
- производственный аспект, сосредоточенный на итогах и результатах труда;
- и поведенческий аспект, отражающий различные установки и ориентации по отношению к труду.

Особо следует отметить семантическую эволюцию концепта в разные исторические эпохи – от понятия физической нагрузки в XIX веке, идеологической реконфигурации, характерной для советского периода, до

появления ироничных и деконструктивных представлений в современном дискурсе. Эти изменения отражают более широкие трансформации в системе ценностей общества [6-А].

3. Анализ литературных текстов – в частности, произведений Садриддина Айни и Михаила Шолохова – продемонстрировал глубокую роль исторического и социально-политического контекста в формировании репрезентации труда. Повествования Айни иллюстрируют переход от феодального гнёта к прославлению труда в рамках советской идеологии, в то время как проза Шолохова демонстрирует более очевидное идеологическое изображение коллективного труда в соответствии с советскими литературными канонами [9-А].

Сопоставительный аспект исследования позволил выявить как универсальные, так и культурно-специфические черты в концептуализации труда. К числу общих элементов относятся:

- восприятие труда как основной морально-этической ценности;
- его соответствие жизненным целям и идеалам;
- и повторяющаяся оппозиционная структура труд против лени.

Культурные расхождения проявляются в:

- предпочтение таджикской культурой коллективных и общинных форм труда;
- больший акцент на индивидуальной ответственности в российской традиции;
- а также в различной степени идеологического влияния в разные исторические периоды в каждой культуре [8-А].

Полученные результаты позволяют выделить несколько перспективных направлений для будущих исследований:

1. Функциональный анализ пословиц и поговорок в современных коммуникативных контекстах;
2. Сравнительное изучение концептов, связанных с трудом, в цифровом и медийном дискурсах;
3. Развитие методологии перевода культурно-специфических концептуальных единиц;

4. Диахронические исследования концептуальных изменений в контексте глобализации и транснационального культурного обмена.

Практическая ценность данного исследования заключается в его применимости к целому ряду областей, включая:

- лингвокультурология и этнолингвистика;
- межкультурная коммуникация;
- теория и практика перевода;
- лексикография и терминология.

В заключение следует отметить, что данное исследование вносит существенный вклад в развитие когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, освещая глубинные аспекты лингвокультурного кодирования концепта «труд/меҳнат» в рамках русской и таджикской культур. Полученные результаты закладывают прочную основу для дальнейших исследований этнокультурной специфики концептуальных структур и языковых картин мира.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе проведённого исследования предлагаются следующие научные рекомендации, направленные на улучшение сопоставления концепта «труд/мехнат» в разносистемных языках:

1. Результаты исследования могут быть использованы в качестве материала для научно-исследовательской работы, а также для разработки программ или изучения вопросов, связанных с сопоставительным изучением концепта «труд/мехнат» в лингвистическом аспекте.

2. На основе полученных данных можно разработать методические пособия для преподавания русского и таджикского языков как иностранных, а также для обучения межкультурной коммуникации в средних общеобразовательных учреждениях и вузах.

3. Результаты исследования могут быть использованы для создания более точных и полных двуязычных словарей, учитывающих культурно-исторические особенности концепта «работа» в русском и таджикском языках.

4. Результаты данного исследования могут быть использованы при изучении русского языка в высших учебных заведениях на филологических и переводческих специальностях как средство повышения культуры речи и качества перевода.

5. Данная работа может служить теоретическим и практическим материалом для учёных, проводящих сопоставительные исследования на основе концептов.

Результаты данного исследования имеют широкий спектр практического применения и открывают новые перспективы для дальнейших исследований в области лингвистики, культурологии, переводоведения и социологии.

I. СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология: учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2009. – С. 243.
2. Алифиренко, Н.Ф. Проблемы вербализация концепта / Н. Ф. Алифиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
3. Андреева, И. В. Ценностная картина мира как лингвистическая и философская категория / В. П. Андреева // Вестник Тамбовского госуниверситета. Аналитика культурологи. – 2006. – №3
4. Аникин В.П. Мудрость народов. Пословицы и поговорки народов Востока. М: Книга, 1961. 365 с.
5. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974. 368 с.
6. Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. Т.2. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
7. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.341с.
8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека: Субъект - предмет - связка. Сравнение - метафора - метонимия. Истина - правда - судьба. Норма. Аномалия. Стихия - воля. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
9. Арутюнова Н.Д., Булыгина Т.В. Морфология // Общее языкознание (внутренняя структура языка). М: Наука, 1972. С.210-258.
10. Арутюнова, Н. Д. Введение / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 3-4.
11. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология; под ред. проф. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С 267–279.

- 12.Бабаянц, В.В. Ценности как объект лингвокультурологической рефлексии / В.В. Бабаянц. – Тамбов, Граммота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 32-35.
- 13.Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Дис. ...д-ра филол. наук. Воронеж, 1996. 315 с.
- 14.Бабушкин, А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А. П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 52-58.
- 15.Бабушкин, А.П. Картина мира в концептосфере языка / А. П. Бабушкин. Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1999. – Вып. 2. – С.12-14.
- 16.Басова Лариса Валерьевна. Концепт ТРУД в русском языке (На материале пословиц и поговорок) : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 : Тюмень, 2004, 241 с.
- 17.Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты. Тамбов:, 2006. С. 84-85
- 18.Бобоев М.М. Психолингвистические особенности концепта «бӯй» («запах») в таджикском и немецком языках (на материале произведений таджикских и немецких писателей). автореф... дис. канд. фил. наук: 10.02.20 / Бобоев М.М. – Душанбе – 2024.
- 19.Бойматова Н.К. Семантическое поле концепта "Красота" в таджикской и английской лингвокультурах: автореф... дис. канд. фил. наук: 10.02.20 / Бойматова Н.К. – Душанбе – 2020.
- 20.Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые из общих положений: Избранные работы по общему языкознанию. - М.: Издательство АН СССР, 2015. - 384 с. 13
- 21.Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2002. С. 22
- 22.Болдырев Н.Н. Концептуализация отрицания в языке // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Мат-лы междунар. симпозиума. Ч. 1. Волгоград, 2003. С. 189.

- 23.Болдырев Н.Н. Прототипический подход: проблемы метода // Международный конгресс по когнитивной лингвистике / Сб. мат-лов. 26-28 сентября 2006. Тамбов, 2006. С. 34
- 24.Бондарко, А.В. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – М.: Наука 2005. – 480 с.
- 25.Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков /Пер. с англ. А.Д.Шмелева под ред Т.В.Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999.780 с.
- 26.Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов/ пер. с англ. А.Д.Шмелева /А. Вежбицкая. – М., 1999. – С. 263-305.
- 27.Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416с.
- 28.Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Рус. язык, 1980. 320 с.
- 29.Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение: Сб.ст. М.:Рус.язык, 1982. С.89-98.
- 30.Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Рус. язык, 1983, 269 с.
- 31.Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 3-е. М.: Высш. школа, 1986. 640 с.
- 32.Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке Текст /В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избр. тр. — М.: Наука, 1986. — 312 с.
- 33.Воркачев С. Г. Культурно-языковая специфика концепта любви в русском и испанском языках: опыт этносемантического анализа // Язык и антропологические сущности / КубГУ; отв. ред. Г.П. Немец. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 1997. – С. 194-198.

- 34.Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологии. науки. 2001. № 1.С. 64-72.
- 35.Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии. // Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метакоммуникативной деятельности. Межвуз. сб. науч. тр. Вып.3.Воронеж, 2002.
- 36.Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. М.: РУДН, 1997.332 с.
- 37.Гачев, Г. Д. Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. – М.: Космо-психологос, 1994. – С. 61.
- 38.Гоннова Т.В, Отношение к труду в русской культуре // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. Волгоград: ВГПУ, Перемена, 1997. С. 42-43.
- 39.Гоннова Т.В. Отношение к труду в русской паремиологии // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания. Волгоград: Колледж, 2002. С. 188-192.
- 40.Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред Г.В.Рамишвили. М.: ОАО ИГ Прогресс, 2000. 400 с.
- 41.Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 450с.
- 42.Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М.: 1972. – 285с.
- 43.Давлатмирова М.Б. "Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта "судьба (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков) Автореф. дис. канд. филол. наук /РТСУ. - Душанбе - 2019. -42с.
- 44.Еремина М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект //Автореферат дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. – 2003. – Т. 10. – №. 01.

45. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика // Словарь-справочник. – Назрань: Пилигрим, 2011. – 280 с.
46. Жигулев, А. М. Русские народные пословицы и поговорки / А. М. Жигулев. – М.: 1965. – 360 с.
47. Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н.И.Жинкин // Язык. Речь. Творчество. – М.: 1998. – С.146-162
48. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: 1982. – 159 с.
49. Жинкин, Н.И. Избранные труды / Н.И. Жинкин. Язык. Речь. Творчество. – М.: 1998. – 368 с.
50. Жинкин, Н.И. Механизмы речи / Н.И. Жинкин. – М.: 1958. – 370 с.
51. Жуков К.А. Концепт «Труд» как один из центральных фрагментов пословичной картины мира // Вестник Новгородского Государственного Университета – 2004. – № 29. – С. 88-92.
52. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М.: 2003. – 534 с.
53. Зайкина З. М. Построение паремиологического поля концепта «Труд» в русском языке //Международный научно-исследовательский журнал. – 2013. – №. 7-4 (14). – С. 16-19.
54. Зубкова, Л. Г. Общая теория языка в развитии / Л.Г. Зубкова. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 472 с.
55. Имомзода М. М. «Национальная специфика языковой объективации концепта «семья» в лексико-фразеологической и паремиологической системах таджикского и китайского языков» Автореф. дис.канд. филол. наук /РТСУ. -Душанбе - 2018. -25с.
56. Каналаш, О. П. Национальная картина мира как компонент лингвистического исследования / О. П. Каналаш. Lingua mobilis №6 (39), 2012. – С. 70-73.

- 57.Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования. Методологические проблемы когнитивной лингвистики / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2002. – 477 с.
- 58.Карасик, В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования. Методологические проблемы когнитивной лингвистики / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин. – Воронеж, 2001. – С. 75-80.
- 59.Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
- 60.Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. 1972. № 1. С. 57-68.
- 61.Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М., 2003. – 287 с.
- 62.Костомаров В.Г. Верещагин Е.М. О пословицах и крылатых выражениях в лингвокультуроведческом учебном словаре / Вступительная статья // Фелицина В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. М.: Рус. язык, 1988. С. 4-17,
- 63.Красных, В. В. Фрейм структуры как единицы языкового сознания. Языковое сознание содержание и функционирование / В. В. Красных. – М.: 2000. – С.128-129.
- 64.Краткий словарь когнитивных терминов /отв. ред. Е.С. Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г.Лузина. М: Изд-во Моск. ун-та, 1996 (КСКТ). 245с.
- 65.Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 188 с.
- 66.Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика-психология - когнитивная наука // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 34-48.
- 67.Кубрякова Е.С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологи // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сборник научных трудов. Вып. 2. Тамбов, 2002. С. 14

- 68.Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков// Вопр. филологии, 2001. № 1(7). С.28-34.
- 69.Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141-172.
- 70.Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
- 71.Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура: Матер, междунар. конференции. Тамбов: ТГУ, 1999. С.6-13.
- 72.Кубрякова, Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245с.
- 73.Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 159с.
- 74.Кубрякова, Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е.С. Кубрякова // Изв. РАН – СЛЯ -1997. – №3. – С.22–31.
- 75.Курбонова, Х. Х. Национально-специфические особенности концепта «сабр» (терпение) в таджикской и русской этнолингвокультурах: дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Курбонова Хафиза Халимовна. – Душанбе, 2020. – 197 с.
- 76.Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Жирмунской. М.: Прогресс, 1990. С.387-415.
- 77.Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 12-52.
- 78.Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология // Под ред. проф. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 281.
- 79.Лихачев Д.С. ИАНСЛЯ, Том. 52, № 1 (1993): 3-9., с. 5

- 80.Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды. Центрконцепта. Архангельск: Изд-во Поморского госуниверситета, 1997. Вып.1. С.11-35.
- 81.Мамедова М.Д. концепт «ум» в китайской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок): дис. ... канд.. фил.. наук: 10.02.20 / Мамедова М.Д.- Душанбе, 2015.
- 82.Маркелова Е. В. и др. Когнитивно-семантическая структура имен деятельности (на материале русских пословиц о труде и лени): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02. 01. – 2004.
- 83.Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. -- М.: Издательский центр «Академия», 2001. -- 208с.
- 84.Матробиён С.К. Этнолингвистическое исследование языковой картины мира таджиков, Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 5.9.6. – 2022
- 85.Матробиён С.К. // Вестник Таджикского национального университета (серия филология), No2. – Душанбе 2019. – С. 27-31.
- 86.Матробиён С.К., Начмиддиниён Ф.Р. Тасвири забонии ҷаҳон. Паёми Академияи таҳсилоти Тоҷикистон (Языковая картина мира. Вестник Академии образования Таджикистана) 2021. № 3 (40). С. 100-106.
- 87.Мирзоев Х. Х. Лексико-семантическое поле horse/асп в английском и таджикском языках.: автореф... дис. ... док.. фил.. наук: 10.02.20 / Мирзоев Х. Х.- Душанбе, 2014.
- 88.Нагаева К. Э. Терпение, терпимость, толерантность в русской языковой картине мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. №12 (805).
- 89.Нагзибекова М.Б., Хабибов С.Ш. Концепт как основная проблема исследований русской и таджикской когнитивной лингвистики. Язык: мультидисциплинарность научного знания. 2024. №7. С. 59-63.

- 90.Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм П. Абеляра. – М., 1994. – С. 119.
- 91.Никишина, Ю.И. Язык, сознание, коммуникация: Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике / Ю.И. Никишина. Сборник статей / отв. ред. В.В.Красных, А.И. Изотов, – М.: МАКС Пресс, 2002. – Вып. 21. – 184 с.
- 92.Нотина, Е. А. Национальная научная картина мира и сопоставительные исследования / Е. А. Нотина // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки, и методика их преподавания». – 2013. – № 2. – С. 95-99.
- 93.Островская Т. А. Концепт «труд» в русской и американской лингвокультурах: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / Татьяна Александровна Островская – Краснодар, 2005. – 163
- 94.Панарина Н.С. Прецедентный текст как культурно значимая когнитивная модель / Н.С. Панарина // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2003. – №2 (26). – С. 94-99.
- 95.Петров, В.В. Структуры значения: логический анализ / В.В. Петров. Новосибирск, 1979. – 140 с.
- 96.Пименова, М.В. Предисловие / М.В. Пименова // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово, 2004. – 208с.
- 97.Планк, М. Смысл и границы точной науки / М. Планк // Вопросы философии. – 1958. – №5.
- 98.Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка. / З.Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.
- 99.Попова З.Д., Стернин И.А. К методологии лингво-когнитивного анализа // Филология и культура: Тезисы междунар.конференции. Тамбов, 2001. 4.1. С.22-24.
100. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Изд. 2-е, стереотип. Воронеж: Истоки, 2002. 191 с. (а).

101. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: ВГУ, 2002. 59 с.(б).
102. Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. – 31с.
103. Поппер, К. Логика и рост научного знания: Избр. работы / К. Поппер / Пер. с англ. Сост., общ. ред. и вступ. ст. [5–32] В.Н. Садовского — М.: Прогресс, 1983. — С. 34–45.
104. Пословицы и поговорки русского народа. Из сборника В.И.Даля /Под общ. ред. Б.П. Кирдана. Вступит, слово М.А.Шолохова. Послесловие В.П.Аникина. М.: Правда, 1987. 656 с.
105. Пословицы, поговорки и мудрые мысли / сост.М.Раковский. Душанбе.: Ифрон, 1969. 355 с.
106. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Пермский государственный педагогический университет. – Пермь, 2011. – С. 1-14.
107. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990. 342 с.
108. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614с.
109. Рахилина, Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты / Е.В. Рахилина // Семиотика и информатика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – Вып. 36. – С. 274-323.
110. Рахими С. С. Концепт «Измена» в русском и таджикском языках. Дис. канд. фил. наук: 10.02.20 / Рахими С.С. – Душанбе –2016
111. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. М.: 1998. – 413 с.
112. Рыбникова, М.А. Русские пословицы и поговорки / М.А. Рыбникова. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 232 с.
113. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/ Д.: Изд-во РГУ, 2002. 240 с.

114. Селиверстова О.Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопр. языкознания. 2002. №6. С. 12-26.
115. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступит, ст. А.Е.Кибрика. М.: Прогресс, Универс, 1993. 656 с.
116. Сергеева, Е.Н. Репрезентация концепта «Судьба»: Языковой и лингвокультуродогический аспекты на материале русского языка: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Елена Николаевна Сергеева – Уфа, 2005. – 263 с.
117. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1988. – С. 141- 172.
118. Серова Л. А. Концепт «труд» в немецких и русских поговорках: на материале современных публицистических текстов сельской тематики //Дисс. на соиск.... кандидата филологических наук. Московский государственный областной университет, Москва. – 2009.
119. Смирнова, О.М. К вопросу о методологии описания концептов / О.М. Смирнова / Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2009. - № 3. – С. 247-253
120. Соболев, А. И. Русские пословицы и поговорки / А.И. Соболев. – М.:1961. – 327 с.
121. Солодилова, И. А. Ценностная картина мира как объект лингвистического изучения / И. А. Солодилова, В.В. Перевалов // Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия: Гуманитарные науки №3, 2018. – С. 180-18.
122. Сорокин Ю.А Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания. Язык и сознание: парадоксальная рациональность // ЮА. Сорокин. М., 2004. – 200 с.
123. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ.ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; пер. с англ. – М.: Полит-издат, 1992. – 543 с.

124. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 1999. 426с.
125. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Акад. проект, 2001. 990 с.
126. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
127. Стернин И. А. Основные категории и постулаты когнитивной лингвистики \ И.А.Стернин, А.В.Рудакова. – Воронеж, 2011. – 192 с
128. Стернин И.А. Концепты и невербальность мышления // Филология и культура: Матер, междунар. конференции 12-14 мая 1999г. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. Ч.3.С.69-79.
129. Стернин И.А. Может ли лингвист моделировать структуру концепта? //Когнитивная семантика. Матер, второй междунар. школы-семинара. 4.1. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2000. С. 13-17.
130. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
131. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С.13-24.
132. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
133. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 264 с.
134. Тилавов, Б. Зарбулмасалҳои машҳур / Б.Тилавов. – Душанбе: Издательство «Дониш» – 1983.
135. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии //Волгоград: Перемена. – 2003. – С. 43.

136. Токарев Г. В. Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке // дисс.... докт. филол. наук/ГВ Токарев. – 2003.
137. Токарев Г.В. Концепт как объект культурологии (На материале репрезентации концепта «Труд» в русском языке): Монография. Волгоград: Перемена, 2003. 233с.
138. Токарев Г.В. Особенности лексической репрезентации концепта «труд» // Лингвистические парадигмы: традиции и новации: Матер. междунар. симпозиума молодых ученых «Лингвистическая панорама рубежа веков». Волгоград: Перемена, 2000. С. 192-201.
139. Токарев Концепт ТРУД в русском языке: На материале пословиц и поговорок : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 .-М.: 2005
140. Уорф Б.Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя М.: Наука, 1972. С. 44-60.
141. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку.// Новое в лингвистике. Л.: ЛГУ, 1960. Вып. 1. С.135-168.
142. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. М.: ИЯ РАН ,1996. С.139-163.
143. Фазилова Ш. К. Концепт «Богатство в английской, русской и таджикской лингвокультурах (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок). - Душанбе - 2019. -25с
144. Фаткуллина, Ф. Г. Современная лингвистика и межкультурная коммуникация: монография / Ф. Г. Фаткулина. – Одесса, 2012. – 119с.
145. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски изследоване в чест на академика Ст. Младенов. София, 1967. С. 537-538.
146. Фирсова Н.М. О национальных характеристиках испаноязычных и англоязычных народов в сопоставительном плане // Филологич. науки. 2004. №2. С.51-58.
147. Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. 336с.

148. Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. – 1992. – Сер. 2. – № 3. – С. 3.
149. Фрумкина, Р.М. Экспериментальные методы в языкознании / Р.М. Фрумкина // Большой энциклопедический словарь «Языкознание»; Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 590-591.
150. Хайдегер, М. Истоки художественного творения / М. Хайдегер. – М.: Академический Проект, 2008. – 528 с.
151. Чернова, О. Е. Концепт «труд» как объект идеологизации: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Чернова Ольга Евгеньевна; [Уральский государственный университет им. А. М. Горького]. — Екатеринбург, 2004. — 162 с.
152. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка [Текст] / Н. М. Шанский. — М.: Высшая школа, 1985. — 160 с.
153. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарём» // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3-16
154. Шмаков, В.С. Структура исторического знания и картина мира: монография / В.С. Шмаков. – Новосибирск: Наука, 1990. – 187 с.
155. Шолохов М. А. Поднятая целина / М. А. Шолохов — «Азбука-Аттикус», 1959 — (Азбука-классика), 430 с.
156. Энциклопедияи насри муосири тоҷик. С. Айни. Ёддоштҳо (чаҳор қисм). Иборат аз як китоб. Душанбе. Сарредаксияи илмӣи Энциклопедияи Миллии Тоҷик, с. 2009. 680 саҳ. (Энциклопедия современной таджикской прозы. С. Айни. Воспоминания (четыре части). Душанбе. Главная научная редакция Таджикской Национальной Энциклопедии)
157. Юсупова С. М. Концептуализация труда в идиомах (на материале английского, немецкого, русского и чеченского языков) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. №2.

158. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

Словари:

159. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова. – М.: Дрофа. – 564 с.
160. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 608с.
161. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Рус. язык, 1995. Т. 1. 669 с. Т. 2. 779 с. Т. 3. 555 с. Т. 4. 689 с.
162. Даль, В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Даль. – М.: 2009. – 814 с.
163. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М.:2000. – 1084 с.
164. Калонтаров Я.И. Мудрость трёх народов / Панду ҳикмати се халк, - Уч халқнинг хикматлари: (Сборник) / Отв.ред. Б.Тилавова. - Душанбе: Адиб,1989.- 552 с
165. Калонтаров Я.И. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими. –Душанбе: Ирфон, 1965. – 528 с.
166. Калонтаров, Я.И. Мудрость трёх народов / Я.И. Калонтаров. – Душанбе: Издательство «Адиб», 1989. – 432 с.
167. Клюева, В. Н. «Краткий словарь синонимов русского языка / В. Н. Клюева. – М.: Учпедгиз, 1961. – 344 с.
168. Кожевников, А. Ю. Большой синонимический словарь русского языка / А.Ю. Кожевников. – СПб.: Нева, 2003. – 448 с.
169. Колпаков, Н. П. Избранные пословицы и поговорки русского народа / сост. Н.П. Колпаков, М.Я. Мельц, Г.Г. Шопавалова. – М.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1957. – 204 с.
170. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.

171. Лингвострановедческий словарь / Сост. М.А.Денисова. М.: Рус. язык, 1978.227 с.
172. Мирбобоев, А. Фарҳангӣ тоҷикӣ-русӣ (Таджикско-русский словарь) / А. Мирбобоев. – «Пайванд», Душанбе: Пайванд, 2006. – 780 с.
173. Молотков, А. И. Словарь русских пословиц и поговорок / А. И. Молотков. – М.: Русский язык, 2000. – 544 с.
174. Мухаммадиев, М. Луғати синонимҳои забони тоҷикӣ (Словарь синонимов таджикского языка) / М. Мухаммадиев. – Душанбе: Маориф, 1993.
175. Назарзода, С. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка). – Душанбе: 2008 – Т. 2. – 945с.
176. Назарзода, С. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка. – Душанбе: 2008 –Т. 1 – 950с.
177. Назарзода, С. Фарҳанги мукаммали забони тоҷикӣ, ҷилди дуюм (Полный словарь таджикского языка) / С. Назарзода. – Душанбе: «Шарқи озод», 2011. – 832с.
178. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 18-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1986. – 797 с.
179. Русско-таджикский словарь: Свыше 72000 слов/ С.Д. Арзуманов, Х.А. Ахрори, М. Бегбуди и др.; Под ред. М.С. Асимова. – М.: Рус.яз., - 1280 с. В надзаг.: АН ТаджССР, Ин-т яз. и лит. им. Рудаки
180. Саймиддинов, Д. Таджикско-русский словарь 70000 слов и выражений: Издание второе, дополненное и исправленное // Д. Саймиддинов, С.Д.Холматова, С.Каримов. Душанбе. – 2000.
181. Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 С 48 словар. статей/Ии-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. — 2-е изд., исир. — М.: Рус. яз., 1983. — 688 с.
182. Таджикско-русский словарь: 40000 слов/Институт языка и литературы АН Тадж. ССР; под ред. М.В. Рахими и Л.В. Успенской.

- Гл.ред. член-корр. АН СССР Е.Э. Бертельс – М.: Госиздат иностр. и национ. словарей, 1954. – 793 с.
183. Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ – ҷилди 1-2-3 / М. Фозилов. – Душанбе, «Нашри камол» –2014. – 640 с. (Словарь персидско-таджикских поговорок, пословиц и афоризмов)
184. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (ибораат аз 2 ҷилд). Зери таҳрири Сайфиддин Назарзода (раис), Аҳмадҷон Сангинов, Саид Каримов, Мирзо Ҳасани Султон. Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ, Душанбе, с. 2008, 950 сах. (Толковый словарь таджикского языка в двух томах. Под редакцией Сайфиддина Назарзода (председатель), Ахмаджона Сангинова, Саида Каримова, Мирзо Хасана Султона. Научно-исследовательский институт языка и литературы имени Рудаки НАНТ РТ, Душанбе, 2008 г., С. 950)
185. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка Т. 2. / М.Фасмер. М.: Прогресс, 1986. – 627 с.
186. Фозилов, М. Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ / М. Фозилов. – Душанбе, 1975. – 367с.
187. Фозилов, М. Фарҳанги ибораи рехтаи забони ҳозираи тоҷик. Нашриёти давлатии Тоҷикистон, Душанбе, 1963, т.1. 971 с (Фразеологический словарь современного таджикского языка. Государственное издательство Таджикистана).
188. Фозилов, М. Фарҳанги ибораи рехтаи забони ҳозираи тоҷик. Нашриёти давлатии Тоҷикистон, Душанбе, 1964, т.2. 807 с. (Фразеологический словарь современного таджикского языка. Издательство Ирфон).
189. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. 3-е стереотип, изд. М.: Рус. язык, 1978. 543 с.
190. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г.Бархударова. М.: Учпедгиз, 1961. 401 с.

Электронные ресурсы:

191. Большой арабско-русский словарь с транскрипциями [Электронный ресурс]. URL: <https://bars.org.ru/> (Дата обращения: 18.12.2024).
192. Большой онлайн словарь синонимов русского языка [электронный ресурс]. URL <https://sites.google.com/site/synonymonline.ru> (дата обращения: 23.12.2024 г.)
193. Большой словарь русских поговорок.— М: Олма Медиа Групп. 2007. Автор: В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина [электронный ресурс] URL: <https://rus-proverbs-ict.slovaronline.com/search> (дата обращения: 23.12.2024 г.)
194. Ильин, И. А. Сущность и своеобразие русской культуры [электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru> (дата обращения: 06.12.2024 г.)
195. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] URL: <https://ruscorpora.ru/page/corpora> (Дата обращения 21.01.2025)
196. Национальный корпус таджикского языка [электронный ресурс] URL: https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search (Дата обращения 21.01.2025)
197. Онлайн словарь пословиц и поговорок русского языка [электронный ресурс]. URL: <https://rus-proverbs-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 28.01.2025 г.)
198. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. [Электронный ресурс]. URL: <http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika> (Дата обращения: 7 мая 2024 г.).
199. Толковый словарь русского языка [электронный ресурс]. URL: <https://sites.google.com/site/ozhegov.textologia.ru> (дата обращения: 23.12.2024 г.)

II. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

а) Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованные ВАК при Президенте Республики Таджикистан:

- [1-А]. Хабибов, С. Ш. Семантические аспекты концепта труд / меҳнат в русском и таджикском языках / С. Ш. Хабибов // Вестник института языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. – Душанбе, 2023. – № 3(51). – С. 134-138.
- [2-А]. Хабибов С.Ш. Лексикографический анализ концепта труд/меҳнат / С.Ш. Хабибов // Вестник института языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. – Душанбе, 2023. – №4 (52). – С.128-132
- [3-А]. Хабибов, С. Ш. Лексикографический анализ концепта «меҳнат/труд» / С. Ш. Хабибов // Вестник Педагогического университета. – Душанбе, 2024. – № 1(108). – С. 105-108.

б) Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованные ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

- [4-А]. Хабибов, С. Ш. Взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании как целостная структура единиц / С. Ш. Хабибов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2012. – № 4-2(84). – С. 112-117.

в) Статьи, опубликованные в других изданиях:

- [5-А]. Хабибов С.Ш. К вопросу о сопоставлении русской фразеологии с таджикской с лингвострановедческой точки зрения. Вестник института языков. 2012. № 2 (6). С. 45-47.
- [6-А]. Хабибов, С.Ш. К вопросу о сопоставительно-лингвистическом анализе фразеологизмов русского и таджикского языков // С.Ш. Хабибов // В сборнике: Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке. Материалы международной научной конференции. 2018. С. 485-488.
- [7-А]. Нагзибекова М.Б. Хабибов С.Ш. Концепт как основная проблема исследований русской и таджикской когнитивной лингвистики // М.Б. Нагзибекова, С.Ш. Хабибов// В сборнике: Полипарадигмальные контексты

фразеологии в XXI веке. Материалы международной научной конференции. 2018. С.59-63

[8-А]. Хабибов С.Ш. Исследование лексического значения концепта «труд/меҳнат» в лингвистике // С.Ш. Хабибов// В сборнике: Познание и деятельность: от прошлого к настоящему. Материалы V Всероссийской научной конференции. Омск, 2023. С. 421-425.

[9-А]. Хабибов С.Ш. Языковые репрезентации концепта труд / меҳнат в русском и таджикском языках //С.Ш. Хабибов//. Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике. Материалы II Всероссийской научной конференции, г. Барнаул, 1-2 ноября 2023 года

[10-А]. Хабибов С.Ш. Концепт меҳнат/труд в аспекте лексической и лексико-семантической системы языка. // С.Ш. Хабибов // Материалы республиканской научно-практической конференции Таджикского международного университета иностранных языков «Масъалаҳои мубрами забоншиносии муқоисавии забонҳои аврупоӣ ва омузиши он дар шароити муосир» («Актуальные вопросы сравнительного языкознания европейских языков и их изучения в современных условиях»).ТМУИЯ им. С.Улугзода–Душанбе, 2024, с. 123-127

[11-А]. Хабибов С.Ш. Модель концептуального поля как инструмент для анализа когнитивных структур. //С.Ш. Хабибов//. Обучение иностранному языку для профессиональных целей. Традиции, инновации и перспективы. II всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. Сборник статей. Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, 2024, с.117-121

[12-А]. Хабибов С.Ш. Полевая структура концептов в разных языках. // С.Ш. Хабибов // . Республиканская научно-практическая конференция на тему: «Современная языковая ситуация и тенденции развития русского языка в Республике Таджикистан». ТМУИЯ им. С. Улугзода, 28 февраля 2024 г. С.185-190

Таджикские пословицы и поговорки о труде и работе

1. Ба кордон кор осон.
2. Ба кори гузашта салавот.
3. Меҳнат фаровон мекунад, Танбалӣ вайрон мекунад.
4. Меҳнати ҳалол – нони бемалол.
5. Бе ранҷ наояд ганҷ
6. Ҳунар аз мулку мероси падар беҳ
7. Тилло дар оташ, одам дар меҳнат маълум мешавад
8. Кор нақӯ шавад, аммо ба сабр
9. Аз падари беҳунар чӣ меомӯзад писар?
10. Ба пешравиӣ кор танқид даркор.
11. Барои кор кардан доништан даркор, барои доништан – хондан
12. Дар кори шитоб пушаймонӣ бисёр
13. Кор бо танбал намешавад ҳал.
14. Кор кунӣ – нон меҳӯрӣ.
15. Кӯшиши ҷавонӣ – роҳати пирӣ
16. Маҷлис бисёр шуд, зарба ба кор шуд.
17. Меҳнат кунӣ, ҳалол кун, ҳосилаша ҷувол кун.
18. Аввал кор, баъд гуфтор.
19. Аз дастам корама гир, аз даҳанам ноама нагир.
20. Аз зиндаи бекор мурда беҳтар аст.
21. Аз кишти худ ҳӯша бардор.
22. Аз сад марди лофзан, беҳ кори як зан.
23. Аз ту ҳаракат, аз ман баракат.
24. Аз чумчук тарсӣ, арзан накор.
25. Ба гуфтан кор осон нест.
26. Ба кори кас даст дар баҳор хунук намехӯрад.
27. Бар вақт кору бар вақт бардор.
28. Ба танбал кор фармо, панд башнав.
29. Ба умеди “иншоолло” кор буд намешавад.
30. Ба уштур алаф даркор бошад, гарданаширо дароз мекунад.
31. Бачаро кор фармову аз ақибаш дав.
32. Ба як ҷавонмард 40 ҳунар кам аст.
33. Ранҷи мо – ганҷи мо.
34. Гадоӣ – на ранҷ асту на ганҷ.
35. Гап гӯӣ, ҷувол–ҷувол, кор гӯӣ, касали ниммурдаҳол.
36. Дар кори хайр ҳоҷати ҳеҷ истиҳора (фолбинӣ кардан) нест.
37. Дар н–наомади кор: шиша сандон шиканад, атола дандон шиканад.
38. Дар сари кор айёр (ҳилагар), дар сари ош тайёр.
39. Дар ҳӯрдан – наҳанг, дар кор хари ланг.
40. Дар ҳама ор машварат бояд, кори мевашварат нақӯ н–ояд.
41. Дастӣ шикаста кор мекунад, дили шикаста кор намекунад.

- 42.Девона ба кори худ хушёр.
- 43.Дилбеқарор гум кунад сари кор.
- 44.Дил ки ранчид аз касе, хурсанд кардан мушкил аст.
- 45.Доно аз паси кори худ давад, нодон аз паси умед.
- 46.Доно ба ишорати абрӯ кор мекунад.
- 47.Илму ҳунар барзагарӣ (деҳқонӣ) дигар ҳама – ҳилагарӣ.
- 48.Имрӯз туро дард мекунад, фардо туро мард мекунад.
- 49.Касби палар – мерос ба писар.
- 50.Корам ба кал афтод, кал ҳам ба ноз афтод.
- 51.Коргар ҳеч хор намешавад.
- 52.Кор дар файзи баҳор – сарфа аз амбори пур.
- 53.Коре ки ба сулҳ дарнаёяд, девонагӣ дар ӯ бибояд.
- 54.Кори имрӯзаро ба фардо магузор.
- 55.Кори мондашудагӣ нимкора мемонад.
- 56.Кори мустаҳкам умри дароз меҳадад.
- 57.Кори некӯ кардан аз пур кардан аст.
- 58.Кори накардари карда ҳиоб макун.
- 59.Кори сайёд барор гирад, шикор ба пой худ ба дом меояд.
- 60.Кори судхӯр барака надорад.
- 61.Кори шаб – хандаи рӯз.
- 62.Коркун яктаю балеғӣ садта.
- 63.Кор шавад, аммо ба сабр.
- 64.Корро корд мекунад, на ғилоф.
- 65.Корро кӣ кард? Он ки тамошо кард. Корро кӣ кард? Он ки тамош кард.
- 66.Кӣ канад чон, кӣ хӯрад нон.
- 67.Кӯш то халқро ба кор ой.
- 68.Лӯлӣён медаванд сар–сари бом, хаппақиҳо мекунанд корро тамош.
- 69.Мард бояд, ки ҳаросон нашавад, мушкеле нест, ки осон нашавад.
- 70.Меҳнат бераҳат не.
- 71.Молу чизат ҳамеравад, илму ҳунар намеравад.
- 72.Нобурда ранҷ, ганҷ муяссар намешавад.
- 73.Нодон ба кори худ хайрон.
- 74.Нокарда, туро ба ин кор чӣ кор?
- 75.Нон бихӯр аз меҳнати хеш, ни ин ки аз пасу пеш.
- 76.Нлумедӣ кори шайтон аст.
- 77.Одами бекор – дарахти бебор.
- 78.Олими беамал – занбӯри беасал.
- 79.Олими беамал – абри беборон.
- 80.Ранҷ диду ганҷ надид.
- 81.Ранҷи худро роҳати ёрон талаб.
- 82.Садаспаро ба як аспа кор меафтад.
- 83.Сертарадуди камкор.
- 84.Тилло дар оташ, одам дар меҳнат маълум мешавад.
- 85.Тобистон кӯшӣ, зимистон нушӣ.

86. То ба зер ор мурдана дар зери кор мурдан беҳтар аст.
87. Тобистон соя—соя, зимистон ба хонаи ҳамсоя.
88. То дастат начунбад, даҳонат намечунбад.
89. Толеъ аз дарав дорему аз дарза не.
90. То меҳнат накуни, санги сиёҳ лаъл нагардад.
91. Харро амак гӯю корро пеш бар.
92. Чаро оқил кунад коре ки боз орад пушаймонӣ?
93. Чи хуш бувад, ки барояд ба як карашма ду кор.
94. Ҳама ҷоям сусту муст, фақат ишкамам дуруст.
95. Ҳам лаъл ба даст ояду ҳам ёр наранчад.
96. Ҳаракату баракат.
97. Ҳар кас аз меҳнати худ роҳат мебинад.
98. Ҳар касу ҳар кор.
99. Хар ки нон аз амали хеш хӯрад, миннати Хотами Той набарад.
100. Ҳунар беҳ аз мероси падар.
101. Ҳунар чу мушк аст, мушк кай ниҳон дорад.
102. Аз илм мурод ҷуз амал нест (Камоли Ҳуҷандӣ).
103. В—он к—ӯ накунад тоати илмаш, набувад илм, Заргар набувад мард, чу бар зар накунад кор (Носир Хисрав).
104. Даст агар дар кор машғул аст, по осуда аст (Сайидо).
105. Илме ки дар ӯ амал набошад, Ҷуз арбадаю (ҷанҷол) чадал набошад (Ҳилолӣ).
106. Имрӯз бикун чу метавонӣ коре, Фардо чи кунӣ чун натавонӣ кард (Абӯалӣ Сино).
107. Кӯш, то халқро ба кор ой, То ба хизмат ҷаҳон биорой (Низомӣ).
108. Наёбад касе ганҷ, нобурда ранҷ (Фирдавсӣ).
109. Пароканда лашкар наояд ба кор, Дусад марди ҷангӣ беҳ аз сад ҳазор (Фирдавсӣ).
110. Рӯзӣ насиби кас ба нишастан намешавад, Бояд чу осӣ зи паи обу дона рафт (Сайидо).
111. Рӯ намеорад ба хони ҳеҷ кас соҳибхунар, Боғбон ризқи худ аз пушти гулистон меҳӯрад (Сайидо).
112. Тан бувад чун ғилофу ҷон — шамшер, Кор шамшер мекунад, на ғилоф (А. Ҷомӣ).
113. Ҳиммат ҳар ҷо беш кунад кореро, Душворӣ нест ҳеҷ душвориро (Бедил).

Русские пословицы и поговорки о труде и работе

1. Бегают от работы, как собака от мух.
2. Без волнения, без заботы не жди радости от работы.
3. Без охоты нет работы.
4. Без прогулки день потеряешь, не воротишь, а работа всегда перед тобой.
5. Без работы и машина ржавеет.
6. Без работы и печь холодна.
7. Без работы и червь не живет.
8. Без работы нудно, без денег трудно.
9. Без работы пряников не купишь.
10. Без труда день годом кажется.
11. Без труда жить только небо коптить.
12. Без труда и блоху не поймашь.
13. Без труда и зайца не поймашь.
14. Без труда и меду не едят.
15. Без труда и отдых не сладок.
16. Без труда и палку не выстругашь.
17. Без труда и плод с дерева не упадет.
18. Без труда любой клад останется на дне.
19. Без труда мечта мертва.
20. Без труда не вынешь и рыбку из пруда.
21. Без труда не проживешь.
22. Без труда нет добра.
23. Без труда нет ни добра, ни плода.
24. Без труда нет отдыха.
25. Без труда нет плода.
26. Без труда ничего не дается.
27. Без труда хлеб не родится никогда.
28. Без труда человек не находит желаемого.
29. Без труда чести не получишь.
30. Без трудностей труд не мыслим.
31. Без успеха в учебе нет успеха в труде.
32. Без учебы и труда не придет на стол еда.
33. Без учения, без труда и жизнь не годна никуда.
34. Без хлопот и труда растет не кукуруза, а лебеда.
35. Белоручка¹ чужие труды любит.
36. Белые ручки чужие труды любят.
37. Бери в работе умом, а не горбом.
38. Берись не торопись, а работой не ленись.
39. Беседа дорогу коротает, песня работу.
40. Благо жизни в труде.
41. Благо людей в жизни, а жизнь в труде.

- 42.Блины съел, вареники съел, а уж на третью работу цепом махать сил не хватает.
- 43.Бог труды любит.
- 44.Богатое сердце большого труда просит.
- 45.Большая работа требует и большой заботы.
- 46.Будешь в работе будешь и в почете.
- 47.Была бы охота, а впереди еще много работы.
- 48.Были бы руки, а работу дадут.
- 49.Быт здоровый труд толковый; быт плохой и труд такой.
- 50.В дни уборки одна забота: не встала бы работа.
- 51.В еде здоровяк, в труде калека.
- 52.В колхозе лад, охота там спора работа.
- 53.В колхозе нет тому славы, кто на язык легок, а тому, кто в работе стоек.
- 54.В колхозе чужой работы нет.
- 55.В поле Маланья не ради гулянья, а спинушку гнет, для труда живет.
- 56.В полплеча работа тяжела: оба подставишь легче справишь.
- 57.В работе малыш, а есть крепыш.
- 58.В работе железо не ржавеет.
- 59.В работе заяц, а в еде жидовин.
- 60.В работе отстаем, а за едой обгоняем.
- 61.В работе разгар, а лодырь на базар.
- 62.В работе руки дрожат, а чарку хорошо держат.
- 63.В руках умелого работа огнем горит.
- 64.В субботу на работу, а в воскресенье на веселье.
- 65.В труде красота человека.
- 66.В труде наше счастье.
- 67.В труде победить мир укрепить.
- 68.В труде рождаются герои.
- 69.В труде смелее будешь жить веселее.
- 70.Вдохновение приходит во время труда.
- 71.Весна трудом красна.
- 72.Вино работе не товарищ.
- 73.Воду в реке весна разливает, цену человеку труд добавляет.
- 74.Воля и труд дивные всходы дают.
- 75.Все надоедает, кроме работы.
- 76.Всяк пожинает плоды своих трудов.
- 77.Всяк свою работу делай, на другого не кивай.
- 78.Всякая работа мастера хвалит.
- 79.Всякий труд достоин награды.
- 80.Всякий труд концом хорош.
- 81.Всякий труд ценен, да не всякий полезен.
- 82.Всякое умение трудом дается.
- 83.Где нет труда сады не зацветут и мир пустыня.
- 84.Где охота и труд, там поля цветут.

85. Где труд, там и правда.
86. Где труд, там и счастье.
87. Где хмель шумит, работа стоит.
88. Глядя на чужой труд, сыт не будешь.
89. Гордись не красотой, а работой.
90. Горька работа, да хлеб сладок.
91. Господской работы не переработаеть.
92. Денег нажить немного труда, да худо наживешь и слава худа.
93. Денежки труд любят.
94. День в день, а топор в пень; смотрю не на работу, а на солнышко.
95. День к вечеру, а работа к завтраму.
96. День труда шаг к коммунизму.
97. Дерево сильно корнями, а человек трудами.
98. Дерево узнают по плодам, а человека по трудам.
99. Для кого труд радость, для того жизнь счастье.
100. Для работы всякий край хорош.
101. Для умелой руки все работы легки.
102. Добрые люди день начинают работой.
103. Дорога не работа, дорого уменье.
104. Душу и сердце в работу вложи, каждой секундой в труде дорожи.
105. Египетская работа.
106. Едим, едим, а работа впереди.
107. Если весело живется, и работа спорится.
108. Если есть работа, так и спать не охота.
109. Если труд удовольствие, то жизнь наслаждение.
110. Есть работа, есть и хлеб.
111. Ешь не стыдись, а работай не ленись.
112. Железо в работе не ржавеет.
113. Железо закаляют огнем, а человека трудом.
114. Живи своим умом, а честь расти трудом.
115. За бесплодный труд и спасибо нет.
116. За дело не мы, за работу не мы, а поесть, поплясать против нас не сыскать.
117. За недосугом и работа лежит.
118. За труд не бьют, а награды дают.
119. За трудами дня не видно.
120. За хороший труд на трудовень продуктов пуд, а ленивому Ивану не дали и бурьяну.
121. Зажиточно жить надо труд любить.
122. Здоров в еде, да хил в труде.
123. Здоров на еду, да хил на работу.
124. Землю красит солнце, а человека труд.
125. Земля мать богатства, труд его отец.
126. Земля трудом кормится.

127. Земля, в которую не вложен труд, имени не имеет.
128. Зерно зреет в земле, а талант в труде.
129. Знание и труд новый быт дают.
130. Золото познается в огне, а человек в труде.
131. Искусство и труд неразлучны.
132. К пирогам идут, а от работы бегут.
133. К работе «ох!», а ест за трех.
134. К славе ведет один путь: труд.
135. Каждой минутой в труде дорожи.
136. Как ты к работе, так и работа к тебе.
137. Какие труды, такие и плоды.
138. Каков мастер, такова и работа.
139. Какова работа, такова и плата.
140. Каторжная работа.
141. Кипит работа, да день мал.
142. Кляча воду везет, козел бороною трясет значит оба работают.
143. Когда в работе успех перекур не грех.
144. Когда живется весело, то работа спорится.
145. Когда труд удовольствие, жизнь хороша.
146. Колхозная воля да труд богатые всходы дают.
147. Колхозник колхозника по работе узнает.
148. Коль честен в труде почет везде.
149. Кому работа в тягость, тому неведома радость.
150. Коня узнают в езде, а человека в труде.
151. Кто в труде впереди, у того ордена на груди.
152. Кто весел на работе, тот и на отдыхе игрив.
153. Кто живет своим трудом, тем работа второй дом.
154. Кто любит труд, того люди чтут.
155. Кто любит труд, тому войны не надо.
156. Кто много болтает, тот работе мешает.
157. Кто не работает, тот не ест.
158. Кто от своего труда питается, тот каждый день причащается.
159. Кто первый в труде, тому слава везде.
160. Кто работы не боится, тот и человек.
161. Кто труд любит, долго спать не будет.
162. Кто труда не боится, того и лень сторонится.
163. Кто труда не видел, тот покоя не знает.
164. Кто упорен в труде, тот устойчив в беде.
165. Кто хочет счастливо жить, тот должен труд полюбить.
166. Любовь и труд счастье дают.
167. Любовь к труду у людей на виду.
168. Любое дело без труда не одолеешь.
169. Мастерство в труде достается.

170. Много надо затратить усилий, чтобы поднять на гору камень,
спустить же его вниз не стоит никакого труда.
171. На благо Отчизны идет твой труд не трать без толку рабочих минут.
172. Напрасный труд удить без крючка, учиться без книги.
173. Наше счастье в общем труде.
174. Не богатству почет, а труду.
175. Не боюсь трудностей на целине: труд воздаст сторицей мне.
176. Не гордись лицом, не гордись крыльцом, а гордись трудом.
177. Не жалея труда урожай хоть куда.
178. Не печь кормит, а труд да забота.
179. Не пожалеешь трудов снимешь с гектара двести пудов.
180. Не рынок кормит человека, а труд.
181. Не тому почет, кто много говорит, а тому, кто трудом чудеса творит.
182. Не тот живет больше, чей век дольше, а тот живет дольше, чьих
трудов больше.
183. Невелик кусок пирога, а стоит много труда.
184. Никакой труд не позор, а леность позор.
185. От безделья дурь наживается, в труде воля закаляется.
186. От бессонницы трудом лечатся.
187. От всякого труда прибыль, от пустословия только ущерб.
188. От труда зависит, чтоб посеянное возшло.
189. От трудов праведных не наживешь палат каменных.
190. От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь.
191. Передовик не тот, кто вырвался вперед, а тот, кто в труде за собой
других ведет.
192. По труду и доход.
193. По труду и честь воздается.
194. Победа в воздухе не вьется, а руками в труде достается.
195. Поле труд любит.
196. Поседали в боях, молодеем в труде.
197. Приложишь труд будет и рыбка, и пруд.
198. Птица стремится ввысь, ударник коммунистического труда в
будущее.
199. С песней и труд спорится.
200. Самым дорогим кажется то, во что вложен твой труд.
201. Своими трудами живем, своими руками работаем.
202. Старанье и труд свое возьмут.
203. Страна учтет твои труды.
204. Суди о человеке по его труду.
205. Счастье и труд в одном доме живут.
206. Счастье тому бывает, кто в труде да ученье ума набирает.